

"Ария Маргариты" - часть 1.

Тем, кто когда-то слушал «Арию» и
«Мастера».

Тем, кто все еще слушает «Арию»,
«Мастера» и Сергея Маврина.

Тем, кто только начал слушать
«Арию», «Мастера» и Сергея Маврина.

С любовью...

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Казалось бы, автор этой книги совершенно не нуждается в представлении, а уж тем более для тех, кто целенаправленно взял ее в руки. Однако задумайтесь, что же вы знаете о Маргарите Пушкиной?

- 1) Она - автор абсолютного большинства текстов сверхпопулярной ныне группы «Ария»;
- 2) Ее «трудовой стаж» в рок-музыке солиден уже потому, что она стала од-ним из первых рифмоплетов, дерзнувших сочинять тексты для русских рокеров еще в начале 70-х;
- 3) Она - прекрасный знаток «металла», «хард-рока», «панка», «психоделии» - рок-культуры вообще! Эрудиция - ее личная, а также ее друзей - находит себе место в том числе и на страницах регулярно издаваемого ей аж с 1992 года жур-нала «Забриски Rider»;
- 4) Иногда она - исключительно по просьбе друзей - умудряется написать текст для какого-нибудь попсового проекта, скажем «Стрелок»;
- 5) Она - автор двух книг стихов и соавтор нескольких очень известных рок-изданий, из которых в первую очередь хочу назвать ныне ставшую раритетом кни-гу «Легенды русского рока» и рок-бестселлер «АРИЯ: Легенда О Динозавре»;
- 6) Под псевдонимом «Айронмайденровский» она как-то опубликовала в «Московском комсомольце» серию ироничных, почти издевательских статей об отече-ственных поп-кумирах, после чего один очень известный шоу-босс, чей подопечный артист был метко и обоснованно высмеян, объявил ей вендетту, и «спасена» она была заступничеством московских Ночных Волков во главе с Хирургом.

Ну, вот и все!

А кто знает что-нибудь о ней самой и «этапах» ее пути к рок-н-роллу?

То-то!

Для ликвидации абсолютной безграмотности в данной области в Приложении № 4 вашему вниманию предлагается кое-какая информация, которая может пролить свет на данный вопрос.

Виктор Троегубов

PS. Однако ограничиться этой информацией мне показалось недостаточным, а потому персонам, перечисленным самой Маргаритой в качестве Действующих Лиц данной книги, были заданы два одинаковых вопроса:

1. Кто такая Маргарита Пушкина?

(Почти - «Who is Mister Putin?», собственно в фамилиях Путин и Пушкина наблюдается подозрительно большое количество одинаковых букв.)

2. Чего Вы ждете от новой книги Пушкиной?

Просим учесть, что телефонный опрос проводился 1 апреля 2002 года, и по-добная дата могла наложить определенный отпечаток на данные ответы.

Виталий Дубинин:

1. Монстр отечественного «металла» (хард-рока).

2. Поскольку книга посвящена нереализованным текстам Маргариты Анатольев-ны, то есть, как правило, на одну песню придумывается несколько версии текстов, то я как непосредственный участник этого процесса, который «заворачи-вал» эти тексты, с удовольствием восстановлю хронологию событий и с большим интересом вспомню как все это происходило.

Владимир Холстинин:

1. Маргарита - любимый коктейль, которым на досуге любил баловаться Пушкин.

2. После появления этой книги ситуация с текстами окончательно запутает-ся...

Сергей Терентьев:

1. Маргарита - это мощный творческий потенциал, мудрость в сочетании с озорством и обаятельная женщина.

2. Интересно увидеть ее глазами то, что было.

Александр Манякин:

1. Пушкина - дочь Л.С.Пушкина.

2. Наверно, в этой книге будет много правды и чуть-чуть вранья - без этого не бывает! А главное, чтобы она побольше книг выпустила после этой. У меня в библиотеке место есть!

Алик Грановский:

От меня, видимо, ожидается что-то остроумное, юмористическое. Так вот, я - не Жванецкий...

Сергей Маврин:

1. Рита - это женщина, которая поЭт! Если бы не она, многие из нас выпус-кали бы инструментальную музыку с приложением краткого описания вероятной песни (кстати, неплохая идея!).

2. Как минимуму две вещи: Россия рассчитается со своим внешним долгом, а Украина предоставит-таки Бен-Ладену политическое убежище.

Валерий Кипелов:

1. Арина Родионовна в латах испанского конкистадора.

2. Обязательно буду читать эту книгу, тем более что книгу «Легенда О Динозавре» я не читал - очков не было, а теперь я во всеоружии!

...И вот что вынесла душа поэта-Кипелова под занавес:

То в жар, то в холод бросает
От Риты Пушкиной стихов,
Храни ее, страна родная,
Среди героев и глупцов.

Слились здесь как родные братья
Беспечный ангел и Пилат,
И в рай дорога зарастает,
И мчится Черный Всадник в ад.

«Каждое поколение уверено, что именно оно призвано переделать мир. Мое поколение знает, что ему этот мир не переделать. Но задача в том, чтобы не дать миру погибнуть».

Альбер Камю

«Главное все понять и успокоиться!»

Гера (Герман)

4-летний внучатый племянник

МАЛЕНЬКАЯ УВЕРТЮРА

(вместо предисловия)

Едва ли эта книга заинтересует тех, кто равнодушен к тяжелой музыке. Такие люди вряд ли поймут из написанного мною процентов 30, ибо не знают ни мелодий, ни персонажей, всплывающих серебристыми субмаринами по ходу повествования на поверхность сегодняшнего дня. В ней практически нет стихов как таковых, в ней нет повестей и рассказов в общепринятом понимании. Есть музыка, знакомая поклонникам «Арии», «Мастера», Сергея Маврина. Есть изложение тех фантазий, которые приходят в голову, когда только собираешься уложить мысли в заданный тебе музыкальный размер. Иногда эти фантазии уносят тебя так далеко, что выбраться вновь на спокойный простор очень трудно, почти невозможно... Не удивляйтесь, если вдруг какие-то из подобных кратковременных выходов в астрал заживут отдельной жизнью. Есть здесь и короткие воспоминания о прошлом, о детстве... Без них не сложилось бы в моей жизни ничего, не было бы тех песен, о которых пойдет речь. Такие путешествия в прожитые дни называются «flashback» - моментальная вспышка, освещающая лица старых друзей и знакомых, другие берега и картины... Здесь нет ни сплетен, ни анекдотов из жизни музыкантов - иногда пара фраз, сказанных с досадой, или с иронией. Но всегда за любым эмоциональным оттенком стоит моя симпатия к этим людям, ибо сказано: «Собаки и музыканты - последние ангелы на этой Земле». Не мне определять душевные качества этих ангелов...

Книга появилась на свет после долгих раздумий на тему: «А надо ли?» Может быть, я переоцениваю значение сделанного за эти годы, значимость собственной фигуры. Но постоянные споры поклонников тех групп, с которыми приходилось и приходится работать, о смысле той или иной песни, домыслы всякого рода, порой просто нелепые выводы и обвинения со стороны ортодоксально настроенных журналистов и критиков, видящих где ни попадя «готические сказки», заставили за-сесть за этот труд. Насколько мне известно, подобная подборка - первый эксперимент подобного рода в нашем роке. Процесс оказался нелегким. Хотелось показать, сколько различных вариантов разнообразных историй приходится придумывать, записывать, обсуждать прежде, чем музыкантами будет принят окончательный текст. Хотелось вскрыть подтекст, так называемое «двойное дно» некоторых песен. Хотелось, наконец, показать, как тяжело работать этакой «Джинном» по вызову из бутылки или лампы. А сколько обид, сколько непонимания... И с той, и с другой стороны. А еще обиднее, когда тебе говорят: «Пушкина, ну что ты пишешь для этих металлюг?! Ты же совсем другая!» А какая я? Разве кто-нибудь знает до конца, какой он на самом деле? Нет. Вот и я - разная. Многие черновики, к сожалению, уже утеряны. Большую часть материалов к альбому

«Игра с огнем» мы подарили широко разрекламированному музею Рок-н-ролла, некогда открытому в Московском Дворце Молодежи. Думаю, драгоценные для нас бумаги исчезли безвозвратно.

Принцип, выбранный при написании этой книги, прост - от недавнего прошлого к далекому прошлому, от последних работ к первым. Словно пятишься назад. Вот почему рассказ начинается с альбома «Химера», который пока считается у «Арии» новым и благодаря которому в полку «арийцев» прибыло. Расшифровка текстов ставших легендой альбомов «Ночь короче дня», «Кровь за кровь», «Игра с огнем» и «Герой асфальта» - ждет впереди, если прочитавшие первую книгу решат, что это им нужно. Если правительство не сделает так, что покупка книги в скором времени станет равноценна покупке слитка золота.

Наверняка среди читателей и книги найдутся музыканты. Если им понравится что-нибудь из текстов, не использованных «арийцами» или «мастерами», или Мавриком, они могут взять эти стихи и спеть их. Но обязательно сообщить, об этом моему издателю.

...Скорее, это даже не книга - а здоровый чугунный чан с неизвестным кулинарной науке варевом. Из этого чана я извлекаю то корешок, то лягушачью лапку, то еще не проварившегося до нужной кондиции кузнечика и исполняю а капелла соответствующую маленькую арию...

Думаю, самым большим сюрпризом эта книга станет для самих музыкантов, с которыми написаны вошедшие в данное издание альбомы. Должны же они разобраться окончательно, о чем поют...

Маргарита Пушкина

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Группа АРИЯ:

Валерий Кипелов (Кипелыч) - вокал, музыка

Владимир Холстинин (Холст, Петрович) - гитара, музыка

Сергей Терентьев (Теря, Полковник) - гитара, музыка

Виталий Дубинин (Дуб) - бас-гитара, басвокал, музыка

Александр Манякин (Маня, Яша) - барабаны

Из группы МАСТЕР:

Алик Грановский - бас-гитара, музыка

Лехх - вокал

Сергей Маврин - экс-гитарист группы АРИЯ, самостоятельный проект, гитара, музыка

Брюс Диккинсон

Дядька Харрис (группа IRON MAIDEN)

Элис Купер

Оззи Осборн

BLACK SABBATH

Курт Кобейн

Джим Моррисон и THE DOORS

NAZARETH

GRAND FUNK RAILROAD

GOLDEN EARRING

WHITE LION

TWISTED SISTERS

Мотоциклы «HARLEY-DAVIDSON»

Народ (фэны или поклонники, кому как нравится)

Я, Маргарита Анатольевна Пушкина (стихи, тексты, слова)

«ХИМЕРА»

АРИЯ, 2001 год

ШТИЛЬ (музыка В. Дубинина)

Самое интересное на «подготовительном» этапе сочинения песни - придумывание сюжета. Лозунги, которые потом станут шлаг-фразами, можно списать с забора или стен, где потрудились веселые матерщинники или уличные художники, а вот изобразить что-нибудь этакое... - дело весьма увлекательное и захватывающее тебя целиком. В момент плетения сюжетных канатов можно без труда угодить под колеса какого-нибудь автомобиля, стать объектом пристального внимания толстозадой овчарки, и потом долго носить на собственном предплечье «собачье тату» - впечатляющие следы клыков, можно съесть что-нибудь несъедобное и мучиться день-другой, обнимая унитаз и с болезненной радостью делясь с ним со-держимым своего слегка тронутого гастритом желудка.

Самые яркие мысли приходят в голову в довольно неожиданных местах и в неподходящее для закатывания глаз под потолок время. Эксклюзивным местом для пробуждения моей фантазии стало московское метро, облицованное мрамором таинственное подземелье, где даже ночью по рельсам неслышно несутся поезда-призраки. Что будет с клетками драгоценного моего мозга в недрах лондонской или нью-йоркской подземки, не знаю, Я там не бывала, и едва ли буду - Судьба распорядится так, что пока дальше подмосковной Апрелевки, которая пугает своей неустроенностью и схожестью с Городом дураков (читай историю о юном бизнесмене Буратино), в ближайшем обозримом будущем выбраться мне не дано. Тем более что великий пророк Нострадамус недрогнувшей некогда рукой написал: ждите, земляне, третью мировую войну в ноябре 2010 года, которая продлится по октябрь 2014 года, или затянется и того дольше... А сколько песка высыплется из моего израненного рок-н-роллом и бытовыми неурядицами организма к тому времени? И без ядерных ударов с применением химического оружия загнута можно.

Работа над этим номерным альбомом нашей уже заматеревшей группы началась с песни, позже получившей название «Штиль». Кассету с «рыбой» Дубинин (далее для простоты писания и прочтения - Дуб) передавал мне так, как передают шифровку в кондовом фильме о советских разведчиках: у автомобиля, хмурым днем, когда зима никак не надумает, в какую сторону все-таки ей стоит податься - то ли назад, к изможденной истериками осени, то ли вперед, к необузданно кокет-ливой по молодости весне.

«Помнишь, у BLACK SABBATH была такая песня «Children of the Sea»? - начат свой заход в сторону потенциального хита композитор Дуб, некоторое время для порядка похмурив брови, пожевав губами, изображая таким образом мучительно трудную работу серого вещества. - Может быть, придумаешь что-нибудь в таком духе?»

Тарабарщина на английском была напета, надо сказать, самим Виталием, и напета довольно впечатляюще. Торжественность и обреченность. Прилив и отлив. Цветные, отполированные водой осколки стеклянных бутылок и чьи-то белые кости. Коричневатые длинные водоросли - должно быть, влюбленные в моряков русалки кромсают свои волосы в знак траура, после того как узнают, что корабль, команда которого им приглянулась, все-таки пережил устроенный рыбо-девушками шторм и с малыми потерями (съеденные юнги не в счет!) добрался до порта приписки...

Сюжет №1

Давным-давно, когда Земля еще не славилась своим красноватым оттенком, а болота светились задумчивым голубоватым светом, из мистических вод Мирового Океана явились мы ... Отпуская нас из родных глубин на незнакомую твердь, Великий Отец сказал: «Помните, все сущее вышло из воды, все сущее уйдет в воду...». Нам была гарантирована вечная молодость, мы были обречены на вечность Великим Отцом, который подарил нам ту красоту, которую хранят в себе кружащие голову напитки из растворенных в них жемчужин... Правда, мы не просили Отца о таком щедром даре, ибо не знали, что это такое - непрерывность существования и наслаждение этой непрерывностью. На дне Великого Океана не хранилось никаких книг, даже сказок, и никто из нас слыхом не слыхивал о жестоком пацане, которому надлежало складывать слово «Вечность» из кусочков льда. У нас были здоровые уши и крепкие нервы, и мы не слушали тогда группу АРИЯ, которая посмела вслед за каким-то свихнувшимся французом утверждать, что в вечности нет никакого толку или проку. Когда были мы - АРИИ просто не могло быть. Лишь тончайшее ультразвуковое соло дельфинов считалось для нас подходящей музыкой.

Мы вышли на берег и принялись за дело - решили заселить всякими интересными существами пустующие леса, болота и степи... Откройте «Красную книгу», и вы узнаете, сколько всяких тварей мы тогда выстрогали, вылепили из глины и высекли из камня. Вырезали из бревна волка, а из оставшихся щепок получались вОроны и ворОны. «Что-то многовато волков... Где волки, там и оборотни» - думали мы, но никак не могли остановиться. И вот один перебравший растворенных в вине жемчужин Young God (Молодой Бог) поставил сделанного им волка на задние лапы, подпилит ему уши и нос, подкоротил зубы, и оживил - получилось то животное, которое принято называть «человеком». Остальным Молодым Богам такая забава пришлась по душе, всех незаконченных волков мы переделали в людей, по-красили в белый, желтый, красный и черный цвета, а Великий Отец, который слишком любил нас, баловал и выполнял каждое наше желание, оживил деревянных недозверей одним своим вздохом. И мы решили, что сделали главное: Земля насе-лена, счастье и восторг не за горами, огонь зажжен. И ушли резвиться в вол-нах, открывать новые острова, придумывать любовь и сочинять запах для цветущих в мае звезд.

А недоволки-недоземляне принялись делить кормящую их земную плоть, выжигать подаренным огнем все что могли, и выпивать всю пресную влагу до капли, вытягивать из неба все слезы.

Устав от придуманных нами же магических игр, мы вышли на берег, но не узнали его - совсем другая земля горбилась перед нами. Распятые на деревьях птицы, останки недоеденных дельфинов на прибрежном песке, выгоревшие на сотни миль вокруг леса, А в небе - побелевший от горя Ворон, который хотел, но не смог вовремя предупредить о Несправедливости, выплеснутой людьми.

Великий Отец молча смотрел на нас миллионами изумрудных глаз. Мы повернулись спиной к пожарищу и побрели назад к Океану.

Шаг за шагом мы погружались в гостеприимные воды, и наша боль утихала с каждой секундой погружения в Покой...

Красивая получилась сказка. Вполне в духе лорда Дансейни! Но хотела бы я посмотреть на того, кто уложил бы этот сюжет в предложенные Дубом запевы-припевы, и не застрелился бы от выражения физиономий читающих получившийся текст «арийских» деятелей.

Сюжет №2

(история долгая, можно пропустить без вреда для здоровья)

У группы NAZARETH в свое время была замечательная песня на стихи Кристофа Буссе и Альберта Фрэма - «Suite: Nowhere Land».

Итак, сотня джентльменов со всего мира отправились - по морям, по волнам, куда глаза глядят, куда компас укажет - искать где-нибудь там, за горизонтом, неизвестный остров, чуждую страну? Эти люди оставили дома своих жен и детей, надеясь встретиться с ними - когда-нибудь - уже на новой счастливой земле.

Метраж произведения НАЗАРЕТ был впечатляющ и позволял не только подробно описывать все этапы путешествия, но и подробно представлять список участников экспедиции:

Малыш Джонни - звезда рок-н-ролла, из Таксона, Аризона,
И колдун, заклинающий цифры, - Мистер Би,
Работавший в какой-то компьютерной фирме,
И Гарри - крепкий морячок,
Который ни разу не выигрывал войну,
И я, шут и клоун, лелеявший свою мечту,
Играя на гитаре...

Особенно мне нравились вот такие персонажи (ибо веяло от них непроходимо «арийским» духом):

Мы были учителями,
Мы были проповедниками,
Падшими ангелами и монахами,
Бродягами и легионерами...
Мы были триумфаторами и неудачниками,
Волшебниками и запойными пьяницами,
Безвредными дураками с печальными глазами...
А я был клоуном-шутком,
Который лелеял свою мечту,
Играя на гитаре...

И вот мы здесь,
Мы так далеко зашли,
Нет больше никаких пешек или марионеток в крысиной гонке,
Мы стремимся ввысь,
Улетая в небеса.
Там, где кончается океан,
Мы откроем новую землю,
Для любого человека,
Такого, как я и ты...

"Ария Маргариты" - часть 2.

Перед глазами разворачивается дивное полотно: Океан - такой, каким я видела Его когда-то. Почему так почтительно, с большой буквы? Чтобы подчеркнуть величие, фантастичность, божественность этого простора и глубины.

Когда смотришь на Него сверху, - из иллюминатора самолета, - то на ум приходит увиденное в «Солярисе» Андрея Тарковского. Нечто живое, огромное, ворочающееся, пугающее. Серого цвета. С редкими точками плывущих кораблей. Вернее корабликов. Даже мощный авианосец будет выглядеть с такой высоты игрушечным и хрупким. Пухленькая стюардесса, нацепив ярко-оранжевый спасательный жилет, подносит к накрашенным губам серебристую фигурьку: «А это свисток, товарищи пассажиры. Им следует отпугивать акул, если ваш самолет потерпит катастрофу, и вы окажетесь в воде». Представляю себе команду сигарообразных чудовищ-людоедов с пастями, вырезанными полуподковой, которые только и ждут сигнального свистка, чтобы начать атаковать упавшие с неба акульки консервы в виде перепуганных до смерти человечков. На экране воображения - акулий футбол с обязательным ритуальным разрывом на мелкие кусочки захлебывающегося соленой водой арбитра.

Ближе к берегу - вода светло-бирюзовая, большинство почему-то называет этот цвет «голубым», но он все-таки бирюзовый! За бирюзовой полосой идет темная, до боли в глазах синяя таинственная полоса. Там очень глубоко, там плавают страшные барракуды и электрические скаты, парализующие человека своим молниеносным прикосновением. Повторение светло-бирюзовой полосы означает присутствие коварной мели. Мель заканчивается, темно-синий цвет вновь предьявляет права на пространство и доводит Океан до экстаза - Он сливается с небом. Разграничительной полосы больше не существует, желание вызволить ее из-за огромного занавеса, высмотреть ее, лишь вызывает слезы. Белый песок под ногами. Ослепительно белые раковины, которые прибой беззастенчиво переворачивает с бока на бок... Эти ракушки не подлежат обмену на одеколон и не могут быть проданы даже за медный грош - в их боках зияют черные дыры, словно кто-то из безбашенных пьяных пиратов целился, целился да и пальнул из музейного кремневого пистолета... Навстречу прямо по расстрелянным ракушкам движется белая лошадь. В седле - местный крестьянин, campesino, в полотняной рубашке и по-лотняных портках. Загорелые босые ноги покачиваются в стремянах, на голове - сомбреро с безнадежно обвисшими полями.

То и дело возникающие картинки и запахи из прошлого когда-нибудь меня погубят... Часть (f) назаретовского творения называлась «Остров под солнцем» (f - уже шестая буква английского алфавита).

Капитан, эй, капитан!

Всего лишь в пяти милях прямо по курсу

Лежит остров,

Всего лишь в пяти милях прямо по курсу -

Белые холмы и пляжи,

И что-то зеленое на голубом фоне...

Капитан, эй, капитан!

Вот все и стало реальностью,

Вот он - остров под солнцем!

Станем едины,

Прямо по курсу -

Остров.

Уже сентябрь,

Мы плыли так долго,

Целую зиму, целое лето.
Неужели там, откуда мы приплыли,
Это кажется всего лишь одним шагом
В лучах заходящего солнца.
Наше путешествие подошло к концу...
Или оно только началось -
Вот остров под солнцем,
Станем едины,
Прямо по курсу - остров...

Самые умные, наверное, уже догадались, чем должна была закончиться эта эпопея с открытием очередной Америки.
(g) - седьмая буква английского алфавита, седьмая печать с изображением альбатроса.
Все было забрызгано кровью. Земля словно взывала о чем-то, песок стыдливо прикрывал тела убитых людей, а золото... Те, кто явился сюда раньше, похитили его и разрушили души живших здесь. Самые отчаянные и страстные молитвы поте-ряли всякий смысл. Всюду - следы войны. Пришельцы выжигали эту землю, пока она не превратилась в безжизненную пустыню. Лишь альбатрос вычерчивал круги высоко-высоко, сопротивляясь мрачным порывам ветра. Он молчаливый хозяин этого края, но голос его становится все тише и тише.

Когда мы приплыли сюда,
Нас было около сотни.
Осталось всего десять человек
На этой разбитой лодке.
Девяносто надежд мы похоронили в песке,
И ни одна из них никогда не вернется,
А ведь нам всего нужен был
Кусочек земли,
Горсть песка -
В стране-нигде-и-ниоткуда.

Мы были молоды,
Мы были храбры,
Мы были упрямы...
Наши иллюзии исчезли,
Одна тысяча дней заставили нас постареть,
А незатихающий ветер - чертовски холодный...
Нам всего-то нужен был
Кусочек земли,
Горсть песка -
В стране-нигде-и-ниоткуда...
Все, что здесь осталось, так ничтожно мало,
Но тот, кто был последним, станет,
Наконец,
Первым...

Прощание с мечтой состоялось. Путь домой будет опасным и долгим. Прочь от растерзанной пришлыми варварами золотоносной земли...

Но, если мы не будем слишком торопиться, ребята,
Очень скоро мы узнаем конец этой истории...

НАЗАРЕТ установили точное число для всего случившегося: плавание началось 15 августа 1989 года - корабль вышел из лиссабонской бухты, прошел по Атлан-тическому океану вдоль западного побережья Африки и первый раз бросил якорь у Мыса Доброй Надежды... Штиль царил там, а небо было усеяно спелыми звездами.

Острова появились на горизонте 8 марта 1990 года. Альбатрос послал мечтателям свое зашифрованное горестное послание 20 сентября 1990 года.

Мне захотелось узнать, можно ли эту печальную, но жизненную историю урезать до состояния «запев-бридж-запев-бридж-припев-запев-бридж-припев. Зачем? Да затем, чтобы посмотреть, как адаптируется повествование длиной в 9 букв английского алфавита к нашим, российским, условиям. Вот как выглядел утрамбованный в «арийский» асфальт вариант назаретовской идеи.

Плыть, плыть на Восток,
Лететь к неизвестной Земле,
Там золотой есть песок,
И ничем не запятнан рассвет.
На борту - сто душ,
Сотня человек,
Бурям на беду
Собран наш ковчег...
Вот шут и моряк,
Палач, музыкант и монах –
Все, кто устал от себя,
Найдут счастье на островах...
Целый год в пути,
Но мечты сбылись -
Берег впереди,
И другая жизнь!
Горек вкус старых морских истории,
Шторм и штиль их достают со дна,
Жизнь и смерть здесь ничего не стоят...
.....(ничего не придумала).
Но стынет ужас в глазах:
Ни птиц и ни рек золотых,
Кровь на песке и камнях –
Войны надоевшей следы...
До родной земли
Волны донесут!
Но доплыть смогли
Лишь палач и шут...

Получился довольно простенький текст, в котором всего 2 ключевых слова: «палач» и «шут», две центральные фигуры создаваемого мной мира.

По одной из теорий Судьбы, человеку подаются всякие знаки: предупредительные, настораживающие, успокаивающие. И, если человек наблюдательный и внимательный к себе, он научится читать их и сможет во многом себя обезопасить. Если же он двоечник и раздолбай по жизни, - Судьба, помаявшись над изобретением знаков и поняв всю тщетность своих усилий, замыкается в себе, дает знакам команду «Место!» и перестает обращать на такого человека внимание...

Для хиппов самый горестный знак - когда ни с того ни с сего рвется на за-пястье фенечка, которую принято плести с добрыми намерениями и обязательно следует дарить... Слезами

бисер падает на пол или теряется в жухлой городской траве, на руке некрасиво обвисает тоненькая леска. У любителей «тяжелая» один из самых гнусных знаков - когда ни с того ни с сего на заднице лопаются новые кожаные штаны, со стола или откуда-нибудь сверху (скажем, со шкафа) падает отшлифованная временем человеческая черепашка, а из глаз солиста группы «Cradle of Filth» на любимом плакате рекой текут кровавые слезы... Также следует обратить внимание, если вдруг из отверстия в ванной начнет отчаянно пованивать канализацией или болотом, а вместе с водой вылезают кло-чья чьей-то шерсти или волос (любого цвета). Однозначно - жди беды с любой стороны, по всем фронтам. Самое главное в такой ситуации - не расслабляться, сосредоточиться и понять, где твое самое уязвимое место.

Сочетание «палач» и «шут» всплыло в разминочном варианте текста не случайно. Это две самые вечные профессии на земле, которые могут исчезнуть только одновременно с жизнью на этой планете. Один смешит, забавляет, говорит самую нелицеприятную правду, другой - казнит, выполняя роль чистильщика, или «санитара леса». Так выплыла тема «палача», но не в любовном смысле, как некогда у группы МАСТЕР. Однако в придуманном нами виде мы оставили ее до лучших времен - философскую подоплеку образа и подсказанный мной сюжет на эту тему оценил Холстинин, с которым на «Химере» я не работала.

Разминка окончилась - Дуб начинал нервничать, а запахи сигар и хорошего кофе не давали мне покоя. Я ходила по Москве, подергивая, пардон, ноздрями и представляя, что вот-вот удастся уловить аромат любимого стариком Хемингуэйем коктейля «Дайкири», и прохожие могли подумать, что у рыжеволосой джинсовой тетки такой вот нервный тик случился, но...

...но тут появился Терентьев...

Да, в этот самый момент моего вероятного безоговорочного погружения в прошлый кайф появился Сергей Терентьев, которого я застать и командный голос люблю называть «Полковником»... Точнее сказать, в телефонной трубке зашелестел его полковничий голос. «Помню, - говорит Серега, - есть у Джека Лондона ' замечательный рассказ... Очень подходит под настроение музыки. Команда кораб-ля, попавшего в штить, выживает, убив юнгу и отведав его мяса и крови... И называется рассказ...»

Когда-то собрание сочинений американского писателя Джека Лондона в виде толстых томов в темно-фиолетовой обложке украшало книжные полки во многих квартирах. В те дни считалось хорошим тоном обзавестись полным собранием со-чинений Бальзака, Сервантеса, Мамина-Сибиряка, Мопассана, Диккенса, Паустовского, Голсуорси.

Вожделенные книги получали не в обмен на сданную макулатуру, родители - или родители наших родителей - подписывались на эти фолианты, вовремя выкупали подписку и торжественно водружали на почетные места. И (что самое интересное) - читали... Вот в таком обязательном для приличной семьи комплекте в восьмом томе Джека Лондона, автора всемирно известного «Белого клыка», и узрел Терентьев поучительную историю. Смотрю на заветные тома - все на месте, восьмого нет... Ушел, исчез, испарился... Что это, очередной знак? «Коза», что ли, перевернутая?

Первоначально песня называлась «Жертвоприношение», ибо иначе как ритуаль-ным убийством случившееся на борту «Френсис Спейта» не назовешь. Об этом написал в интернетовской «Гостевой» на «арийском» сайте один из поклонников группы. Кипелыч воспротивился такой трактовке - уж больно его достали все кивки в сторону религии. Но здесь мой приятель-вокалист оказался неправ. Теоретически сие есть своеобразное причастие в диких условиях, принесшее спасе-ние команде. Но это может быть и жертва морю, взятка Нептуну Человеческая жизнь в обмен на спасительный ветер в парусах. Хотя на самом деле песня совсем о другом...

Один из первоначальных вариантов:

Штиль - ветер молчит,
Молчит, затаясь, глубина.
Штиль - нет ни капли воды,
Хотя за бортом океан.
Между всех времен,
Без имен и лиц,
Мы уже не ждем,
Что проснется бриз.
Штиль - сходим с ума,
Жара пахнет черной смолой,
Смерть одного лишь нужна,
И мы, мы вернемся домой!
И моряк-бунтарь
Жертвой выбран был,
Пальцем тронул сталь,
И сам вены вскрыл...
Море ждет - жертву приносим морю,
А взамен море нам дарит жизнь,
Только жизнь здесь так немного стоит,
Море ждет...
Так что, держись!
Да, мы остались в живых,
Та кровь нас от смерти спасла,
Но что, что мы скажем святым,
Спустив шлюпки на небеса ?!
Что в последний миг
Он открыл глаза,
Крикнул нам из тьмы:
«Впереди земля!»

Минус этого варианта. Драматический накал текста слабоват. Припев - неяркий, не хватает глубины мысли и образности. В целом - довольно холодный плоский камень. Хотя Кипельчу и мне очень нравились строчки «Что, что мы скажем святым, спустив шлюпки на небеса?».

Плюс этого варианта. По «рыбе», предложенной Дубом вначале, песня заканчивалась речитативом, который Виталик читал впечатляюще замогильным голосом, с чувством и расстановкой. Что-то вроде «and then was born the seventh son of the seventh son». С точки зрения законов драматургии, такой финал истории был бы хорош и уместен. За совершением злодеяния должно последовать наказание, а в конце истории должна стоять жирная, впечатляющая воображение, точка. Без такого речитатива никакого наказания не получалось - метраж полотна не позволял отнести его к категории эпических.

1-й вариант речитатива

В порту сказали, что чуму
Мы в темных трюмах привезли,
Корабль предан был огню,
Все мы по свету разбрелись.

А наш безумный капитан
Стремился к морю поутру,
Чтобы соленая вода

Смывала кровь с дрожащих рук.

2-й вариант речитатива:

В порту нам сказали,
Что мы прокляты морем,
Ночью кто-то поджег корабль.
Удалось спастись всем...
Кроме капитана.

Дубинин почитал-почитал, подумал - подумал и решил вообще убрать речитатив. Жаль...

Жизнь - смерть. Смерть - жизнь... Законы «тяжелого» жанра заставляют то и дело обращаться к этой паре слов. Точно так же, как и к сочетанию «адского» и «райского», «Жил-был на свете Мексиканец», - начинаю я опять отклоняться в незапланированную сторону, и представляю, как бритоголовые братки при слове «Мексиканец» скребут когтями по груди, обтянутой черной майкой с броской надписью «White Power» - «Власть Белым», - и грозятся «замочить вонючего латиноса»...

А что делать, если человеческая мудрость разбросала свои семена по всему миру: и там, где орел терзает змею, восседая на кактусе, рождаются мысли, так похожие на хардрок-песни. «Смерть - зеркало, в котором понапрасну кривляется жизнь», - сказал Октавио Пас, тот самый Мексиканец.

«В жизни самое главное дело - это смерть», - откликнулся Милорад Павич, и натовские снаряды принялись расчленять Белград. Город пытался концертами рок-н-ролла разогнать смертоносную тучу, но, увы, рок-н-ролл так же смертен, как и сами люди.

Юрии Шевчук рванул в Белград петь свои песни, оставив в Москве обиженных столь стремительным рывком ЧАЙФов и испортив праздник журналистам, которые жаждали устроить из отъезда русских рокеров на войну «яркое и ослепительное шоу». Сербы послушали песни Шевчука и, вздохнув, сказали:

- Песни, - это, конечно, хорошо.... Но лучше бы нам русские оружие прислали, ракеты...

«В смерти самое важное дело - это жизнь», - продолжает Милорад Павич, двигая мизинцем левой руки стеклянную улитку по отполированной хвостом рус-ской борзой поверхности письменного стола. На свет появляется действующий и поныне припев к «Штилю»:

Что нас ждет? Море хранит молчанье,
Жажда жить сушит сердца до дна,
Только жизнь здесь ничего не значит,
Жизнь других, но не твоя...

«Штиль» - о том, что кроме самого себя человек не видит никого, кроме собственной жизни, для него не существует ничего святого. Ради спасения своей шкуры он способен идти по телам и головам других, уже упавших и обессиленных. Он готов сожрать слабого... Не спорю, есть исключения, которые чаще всего проявляются в сугубо экстремальных ситуациях. Но посмотрите вокруг: как изменился человек, в нем все чаще проглядывает первобытно звериное, как меняемся все мы, становимся равнодушными и показательно хладнокровными. Вернее, холоднокровными. Общество квакающих лягушек. Да простят меня настоящие лягушки...

После трагедии, произошедшей в Баренцевом море с атомной подлодкой «Курск»,

некоторые изыскатели скрытого смысла в «арийских» текстах вдруг решили, что песня «Штиль» именно об этом, хотя никаких сюжетных привязок к столь печальной истории не существовало. Совпало лишь место действия - водные просторы. Кстати, когда люди впервые услышали «арийскую» «Улицу Роз», многим пришла в голову совершенно неоригинальная мысль - что в ней рассказывается о Жанне д'Арк. Наверное, надо совершенно не иметь ушей, чтобы придти к такому зубодробительному выводу и строить свои теории лишь на совпадении имен или событий.

На самом деле морская тема интересовала нас давно. Говоря «нас», я имею в виду музыкантов и лично себя. Еще в те далекие времена, когда была написана песня «1100», зародилась идея пройтись по всем родам войск, создавая словес-но-музыкальные картины развернутых батальных сцен. Каким-то образом, «Дезертир» с альбома «Генератор Зла» (см. дальше) касался сухопутных войск - герой, судя по всему, был пехотинец. Вообще после баталий в небе хотелось, конечно, изобразить нечто грубо морское. Но о подводной лодке и речи идти не могло - сильнее Владимира Высоцкого вряд ли кто-нибудь напишет о погибающих от удушья в морских глубинах парнях.

«Битва на Курской дуге - вот мощь! Танки... Огонь! Горящая земля! И у англичанов с америкосами такого не было!» - вопила я, одушевленная успехом нашей отчаянной песни о летчиках. Может, конечно, какой-нибудь немецкий бритоголовый коллективчик и выдал поклонникам Третьего Рейха молотильную песню о танковом блицкриге Хайнца Вильгельма Гудериана (Guderian) в Польше, Эта песня вполне могла называться «Танки, вперед!», повторяя название мемуаров взятого в плен американцами бывшего командующего 2-й гитлеровской танковой армией.

«Арийцы» же, похоже, отказались от продолжения широкомасштабных песенных операций. Но мне удалось все-таки вклинить Курскую дугу в творение недолго просуществовавшей хард-роковой группы СС-20. Группе отчаянно не везло в раскрутке, хотя и музыканты были довольно сильными, и певица Ольга Дзусова наносила энергетические и вокальные удары с завидной мощью. В неудачах винили предубеждение против двух букв в названии - СС. То, что СС-20 - ракета определенного класса, никто не знал, а шаловливые ручонки так и тянулись изобразить «эс» в виде хорошо узнаваемых эсэсовских молний (вообще-то это не молния, а солярный знак).

Песня «эсэсников» называлась «Фрау Мюллер», исполнялась басистом с весьма распространенной фамилией Тарасов, который до этого ни разу в жизни сольно не пел, и вызвала резко отрицательную реакцию со стороны некоторых наиболее сознательных журналистов. Они увидели в тексте прямой призыв к очередному разжиганию вражды между немцами и русскими, покушение на примиренческие настроения не только перестроечных времен, но и всего цивилизованного мира.

В основе песни, между прочим, лежат подлинные события, случившиеся с одним из моих знакомых длинноволосых обалдуев, отправившихся автостопом в Европу. Пацифик на шее, рюкзачок на горбу, все дела... Дай вообще о «добром» отношении к русским в Германии, тогда еще народной Венгрии или в советской Лит-ве я знала не понаслышке.

"Ария Маргариты" - часть 3.

FLASHBACK

В Будапеште, помню, мы никак не могли купить билеты на оперу Дж. Верди «Бал-маскарад» с участием заезжей итальянской звезды баритона Пьетро Капучили. Просили у кассира на страшной смеси русских и венгерских слов: «Дайте, пожалуйста, кету билет, Капучили»... «Эть, кету, харум» - раз, два, три - таков был мой скромный набор мадьярской лексики, хотя прожила я в завораживающем обилием черных чугуновых королей городе без малого 9 лет. Да еще «кесенем» - «спасибо» - и фраза из увиденного уже тогда мультфильма «101 долматинец», переведенного на венгерский: «Дере иде, кутья, дере иде» - «Иди сюда, щеночек, иди сюда!».

Ну, кассир закатывает глаза под потолок оперной кассы: дескать, достали, демоны, билетов на сеньора Капучили давно нет, а тут еще эти русские приперлись, оккупанты проклятые, баритона заезжего им подавай! «Нихт!» - по-немецки рывкнул вреднюга, вернув глаза из положения «закат» в положение «строго по горизонту». Тогда мы применили обходной маневр - выпустили вперед даму, говорившую по-французски. Через секунду четыре билета были у нас в кармане...

Давным-давно в мрачном неприветливом литовском городе Паневежисе (позднее прославившемся своим драматическим театром), где из кранов текла почему-то желтая ржавая вода, двое литовцев утопили нашего солдата из авиационных частей в бурном весеннем ручье. Отловили его, спешившего в увольнение, у разрушенной школы, навалились сзади, долго держали голову под водой, пока не захлебнулся...

За двумя пятиэтажками, где жили семьи советских военных, стоял покосившийся дом многодетной семьи литовцев... Там, в огромной комнате с мрачными темно-серыми водяными разводами на потолке, с черной паутиной по углам, на грязной широкой кровати лежала умирающая от туберкулеза скелетообразная ста-руха. Над ее головой пробоиной, готовой принять харкающую кровью странницу в иные миры, чернел огромный католический крест. «Господи, когда же, наконец, придут американцы и выгонят этих русских свиней,» - шептала литовка, с ненавистью глядя на мою мать, которая шила у дочери умирающей красивое шелковое платье. Дочь была портнихой:, а по совместительству - агентессой местной националистической группировки. Она исправно передавала бойцам литовского невидимого фронта все разговоры болтливых жен советских офицеров. Хотя едва ли эти сплетни представляли какую-нибудь ценность...

Рифма в песне «Фрау Мюллер» явно хромала, но в целом получалось весело и зло. Видимо, все-таки во мне заговорили гены, и захотелось хоть как-то отомстить неприкаянным призракам фрицев, убивших в первые дни войны на западной границе дядю Женю, - его заставу сожгли дотла из огнеметов. Дядю Колю убили под Харьковом, там полегли почти все из московского ополчения. Знаю точно: стрелял дядя Коля из рук вон плохо, он почти ничего не видел... В принципе у него была бронь - работал на оборонном заводе, а засунули его в ополчение в последнюю минуту, вместо чьего-то благополучного сына.

ФРАУ МЮЛЛЕР (группа СС-20)

Я дошел до Берлина,
Сам дошел, на своих двоих,
Все было чинно-мирно,
Но шепнул мне один мужик:
«Эй, Иван! Ты русская свинья!».
Я зарыл свои пацифик
У ворот, где была Стена, -

Дедов ген хуже тифа, -
И в ответ я сказал ему:
«Эй ты, фриц! Ты сам немецкая свинья!».
Фрау, фрау,
Фрау Марту Мюллер
Словно ветром сдуло,
Фрау, фрау,
Фрау Марте Миллюр
Вдруг явился фюрер –
Йя, йя -
И Курская дуга.
Фрау - кричать,
Немец - бежать,
Я - наступать!
Я был взят полицаем
За попытку начать войну,
Но 9-го мая
Я сбежал, чтоб выпить их шнапс
За себя и нашу страну!
Фрау, фрау,
Фрау Марту Мюллер
Словно ветром сдуло,
Фрау, фрау,
Фрау Марте Мюллер
Вдруг приснился фюрер -
Йя, йя -
И Курская дуга,
Фрау - кричать,
Немец - бежать,
Я - наступать!

На фоне проигрыша Ольга Дзусова что-то отчаянно верещала по-немецки, то ли фрагменты из зонгов Бертольда Брехта, то ли знаменитое: «Ахтунг, ахтунг! В небе Покрышкин!».

Окончательный вариант

ШТИЛЬ

(Дубинин/Пушкина)

Штиль.., Ветер молчит,
Упал белой чайкой на дно,
Штиль,.. Наш корабль забыт,
Один в мире, скованном сном.

Между всех времен,
Без имен и лиц,
Мы уже не ждем,
Что проснется бриз.

Штиль... Сходим с ума,
Жара пахнет черной смолой,

Смерть одного лишь нужна,
И мы, мы вернемся домой.

Его плоть и кровь
Вновь насытят нас,
А за смерть ему,
Может, Бог воздаст!

Что нас ждет?
Море хранит молчанье,
Жажда жить сушит сердца до дна,
Только жизнь здесь ничего не стоит,
Жизнь других, но не твоя!

Нет, гром не грянул с небес,
Когда пили кровь, как зверье,
Но нестерпимым стал блеск
Креста, что мы Южным зовем.

И в последний миг
Поднялась волна,
И раздался крик:
«Впереди земля!».

Что бы почитать (если есть желание):
Джек Лондон. «Френсис Спейт», рассказ
Роберт Саути. «Ингкапский риф» (можно найти в Библиотеке Всемирной Литературы, в томе «Поэзия английского романтизма»)
Самуэль Тейлор Колдридж. «Сказание о Старом Мореходе» (там же)
Октавио Пас. «Освящение мига»
Милорад Павич. «Звездная Мантия, Астрологический справочник для непосвященных»
Эдвард Дансейни. «Рассказы Сновидца»
Э. Хемингуэй. «Фиеста», «По ком звонит колокол», «Праздник, который всегда с тобой»

Для тех, кто против людоедства:
Александр Грин. «Алые паруса»

Я НЕ СОШЕЛ С УМА (музыка С. Терентьева)

Сначала, естественно, была «рыба».

«БАШНЯ» - фантазия, написанная в ночь с пятницы на субботу под впечатлением от первого знакомства с музыкой Терентьева.
Иногда можно попробовать музыку на вкус. Но., втайне ото всех, где-нибудь в чулане. Ибо это запрещено в Башне, где все звуки прослушиваются через стены при помощи обычных жестяных кружек, где по этажам в плетеном из вьетнамского тростника лифте разъезжает сторож Куприянов (для башенного народа - просто Купер, но не Элис) и порет вымоченными в соленой воде розгами всех тех, кто смотрит MTV.
Башню строили еще при Иосифе Джугашвили-Сталине, которого после 1953 года принято считать Диктатором и Порождением Ада. Послушные воле прораба башнестроители согнули ее по флангам, перепутав Север ~ с Западом, Юг - с Востоком, вырыли между

флангами яму, облагородили ее фонтаном и спустили туда десяток таинственных золотых рыбок. Рыбки были перманентно пузатыми - умные ребятишки утверждали, что в рыбьих животах прячутся настоящие жемчужины, , по вечерам вылавливали несчастных обитателей фонтана и неумело препарировали. Бездыханные, посеревшие от общения с вредным кислородом трупики с большим удовольствием поедал драный черный кот Василий, дворовый сексуальный террорист. Оставшиеся в живых пучеглазые рыбки беззвучно открывали рты, пытаясь передать жителям Башни послание - message - об опасности, таящейся в строительстве будущей Винтовой лестницы-Штопора во втором подъезде.

В основании лестницы должны были лежать сны, мысли, желания, разочарования, поздравления и проклятия жителей Башни. При помощи этого странного сооружения молчаливые потомки Диктатора мечтали приблизиться к Высшему Разуму и получить в награду за свою смелость координаты Вечности.

Дети довольно быстро покончили с рыбками, жемчужин в брюшках не нашли и принялись гонять и шпынять цыган, которые то и дело заходили во двор, введенные в заблуждение путаницей сторон света.

Цыганам надо было попасть на Юг, в царство мертвого песка, чтобы закопать там 1 000 001 колоду карт Таро. Карты цыгане погрузили в берестяные короба с колесиками и повсюду таскали их за собой - часть колод погибла в брянских лесах, где за цыганами погнались сбежавшие из Беловежской пуши зубры, часть колод они побросали в костер, когда грянули в мае январские холода и разгулявшиеся было первые, опьяневшие от весны, бабочки примерзли к зеленым стеблям травы. Цыганские кони похрустывали их крыльями и никак не могли понять происхождения столь странного хрума.

Под покровом песков Долины Царей, согласно видению, явившемуся старому цыганскому барону Яшке, скрывается большущая, неизвестного науке вида, птица, то и дело заглывающая свое собственное правое крыло. Вокруг птицы-самоедки лежит, дескать, шифрованное изложение учения о Вселенной, в виде больших два-дцати двух символических картин... Так вот, большое всегда притягивает малое! Эти двадцать две картины отчаянно притягивали из Долины Царей свои разбросанные по всему миру копии, которые некогда были призваны нести людям Знания Древних. Но, увы, такие знания были сложны и величественны, а люди - мелки и алчны. Эксперимент с обогащением умов не удался. Тень древнегреческого бога мудрости Тота приказала барону Яшке вернуть малое большому... Но тут построили чертову Башню, все стороны света смешались, цыгане все время ходили по кругу, старели и натывались на двор с фонтаном по центру и на глумливых избалованных мармеладом и компьютерными приставками детишек.

Из окна за проказами повизгивающих от удовольствия детенышей наблюдала Лунная Графиня, вот уже более полувека прикованная к походной раскладушке времен открытия союзниками Второго фронта. От рождения черные глаза графини ежеминутно меняли свой цвет: иногда они были зелеными, иногда совершенно белесыми, иногда светились диковатым красным огнем, и в такие секунды она шептала домашним: «Уберите веник! Сожгите веник!». Веник торопливо сжигали в центре кухни, вонища захлестывала квартиру, домашние блевали и падали в обморок. Графиня облегченно вздыхала и засыпала, умиротворенная...

Ко всем своим детям она умудрилась протянуть невидимые при дневном свете лунные ниточки, прочнее которых мог оказаться лишь канат, протянутый между жизнью и смертью. Когда дети хотели сделать какой-нибудь шаг в незапланированную Графиней сторону, взлететь выше установленной для них Графиней высоты, опуститься на полюбившуюся им, а не ей, глубину в чашу кораллов, старуха моментально дергала за нить и принималась наматывать ее на кулак. Откуда только силы брались в этом изможденном долгим лежанием на ложе воспоминаний теле! Нечеловеческая мощь тянула плачущих детей домой, протаскивая по камням и степным колючкам, отчего на

коленках, спинах и животах графских отпрысков появлялись царапины и кровоточащие раны. Они усаживались вокруг раскладушки, делали вид, что заботливо поправляют крахмаленные простыни, а сами утирали слезы бессилия и шептали: «Господи, когда же мы будем свободны?!». Для их освобождения существовало лишь одно условие - смерть Графини. И об этом знали все, даже сама Графиня. Но она жила, ибо питалась самой сытной пищей - Собственным Духом Противоречия. Когда на экране показывали, какие похороны зака-тил ирландец Бона из группы U-2 своему старику - черные лимузины, горы белых лилий... - когда дети Графини слышали его слова: «Надо беречь своих больных стариков», они вслух согласились с ним, потому что произнесенное слышала и их мучительница и зорко следила за реакцией своих пленников. Но в душе каждый из графских детей спросил ирландца: «А ты сам-то выносил дурно пахнущие горшки за своим отцом? Нет, это делали сиделки. А ты-то сам терпел его истерики? Нет это сиделки получали по лицу описанными твоим папашкой пеленками. А мог бы ты, красавец, спеть хотя бы одну ноту, если бы твой отец перехватил твоё горло прочной лунной нитью, привязанной к его худой птичьей лапке?! И тянул бы, тянул, затягивал?».

Было сожжено 669 веников Графини, прежде чем великий строительный проект удался, и тоталитарно-вызывающая Лестница-Штопор предстала перед изумленным взором обитателей Башни. Десятки ступеней со страшным скрипом сделали попытку ввинтиться в небо. Но лестница пошла не вверх, а начала ввинчиваться вниз, в землю. Левый и правый фланги Башни принялись медленно подниматься, а сама Башня - складываться, проваливаясь точно посередине. Цыганки, визжа, повисли в воздухе, ухватившись за вырванные с корнем из земли стояки газопровода, удерживаясь в воздушных потоках благодаря своим многочисленным разноцветным юбкам и откупаясь от воспрянувших духом кровожадных ворон золотыми мониста-ми... «Веник! Жгите веник!!!» - закричала Графиня, срываясь с раскладушки и разбрасывая простыни. Так - случайно - она выпустила все лунные нити из своих рук.

И тут Башня с диким грохотом сложилась вдвое. Рухнула Башня.

Остался лишь фонтан с несколькими случайно выжившими золотыми рыбками, которых цыганки своровали и спрятали в карманы своих грязных фартуков. Глупые рыбки принялись трудолюбиво открывать рты, пытаясь все еще передать доверенный им message в пустоту.

Уцелели и здоровенные мраморные шары при въезде на территорию... Через несколько поколений освободившихся детей Графини эти шары украдут ночью ушлые голодные дядьки в телогрейках, а кладбищенские скульпторы изваяют из них двух плачущих ангелов. Ангелов под звуки похоронного оркестра, уставшего от ханжеского минора, установят на могилах бывшего сотрудника Комитета Башенной Безо-пасности, после крушения переквалифицировавшегося в профессора божественных откровений, и его тишайшей супруги безимени и фамилии, некогда работавшей на Центральное Управление Псевдоразумом по ту сторону Океана. После каждого дождя внучка-разведчица, ярая путинистка, будет находить у ног каждого ангела по трепещущей золотой рыбке - на губах у рыбки так и останется непрочитанным Спасительное для Башни Слово.

Но все-таки!

Сюжет №1

Иногда, когда слова отказываются складываться во фразы, я пробую музыку на вкус. Эта сочиненная Полковником Терентьевым песня сначала показалась терпкой... Даже скулы свело, словно я съела за один присест килограмм хурмы.

Прошло минут пятнадцать, и во рту остался привкус абрикосовых косточек - качественный ликер «Амаретто», не контрабандный, а «родной». Или - синильная кислота.

Видение мандрагоры, пускающей корни к центру Земли. Вслед за ним появляется тень

Отшельника 9-й карты Таро, с тенью фонаря в тени руки. Отшельник слоняется по всем измерениям, после того как «арийцы» перестали исполнять песню во славу его на концертах, и в каждом измерении жалуется соответствующим мойрам на свою горькую судьбину. Одна мойра - в косухе с плеча Рыжебородого Эрика, вторая - в омовском камуфляже, а третья - в чем мать родила. Загорает.

Вот Отшельник возникает на верхней ступени огромной, тяжелой винтовой лестницы с намертво впаянными в столбы красными рубинами. Рубины светятся, подобно глазам голодного волка... Нет, они мигают, словно огни идущего на посадку корабля Пришельцев, ввинчивающегося в сердце джунглей мексиканского штата Чиapas. О таком корабле мне рассказал еще один мексиканец - субкоманданте Маркое, скрывающий свое лицо под черной маской повстанца и поднявший тысячи аборигенов против президента страны, президента, чей героический облик четвертовали Зеркала Власти (см. Приложение 1).

Точно: не просто лестница, а спираль! Стальная спираль, тяжело и больно проникающая в сознание, - вот с чем ассоциировалась терентьевская мелодия. Становится трудно дышать, потолок опускается все ниже и ниже, касается головы Отшельника, и его фонарь гаснет. Вернее гаснет тень фонаря, зажженного даже днем...

- Может, получится что-нибудь о пришельце, чужом в нашем мире? - словно читает мои мысли Теря.

- Ага, «в краю древних предков я жил чужаком», - мрачно цитирую я самое себя, тщетно пытаюсь отделаться от видения лестницы-спирали.

Но заход в сторону темы пришельца я все-таки делаю, вспоминая фильм, где играл рок-персонаж по имени Дэвид Боуи, - «Человек, который упал с неба». Но, как всегда, получается перевертыш. Мы все - пришельцы. Мы приходим в этот мир по воле или против воли родителей или, как считают религиозные люди, по воле Господа Бога. Нас никто и не спрашивает, хотим ли мы лицеизреть этот мир и жить в нем.

ПРИШЕЛЕЦ

Где-то там, в море звездных гамм,

А не на Земле,

Я должен был родиться.

Все не так:

Я в земных руках,

И вокруг меня -

В масках лица...

Эй!

Первый (ерик мой

Был мольбою о пощаде,

Самый первый крик мой

Был прощанием с мечтой,

В первом детском крике

Люди в масках слышат радость,

Но я крикнул сразу,

Что для Земли я чужой...

Снег свой меняет цвет,

На снегу мой след,

Я смотрю на небо,

Я пришелец...

Путь к звездам мне закрыт,

До какой поры -

Я не знаю, ноя верю, верю...

Сквозь меня каждый встречный взгляд,
А мои слова -
Для многих гарь и копоть.
Я живу... но во тьме ночной
Вдруг пронзит тоска
Сердце когтем...
Дай,
Дай мне право
Жить той жизнью, что мне снится!
Глотки льют неправду,
Что мир вокруг ~ другой.
Фарсом цепь трагедий
В этой жизни повторится...
Знаю, мне ответят:
Ты не пророк,
Ты чужой!».

Сюжет №2

С пришельцами благополучно пролетели. Но счет-пересчет ступеней винтовой лестницы не давал мне покоя. И тогда, из-за этого чувства по-ступательности, появился Сизиф. Сизиф - не то Герой, не то бандит и разбойник. Имечко, может быть, и не очень благозвучное для песни (это вам не Жанна!), да и тема - чересчур философская. «Одной борьбы за вершину достаточно, чтобы заполнить сердце человека», - сказал Альбер Камю, произвольно сделавший после своей смерти огромный вклад в дело АРИИ. Суть выбранной мной для текста истории такова: жил-был Сизиф, са-мый хитрый из всех смертных и мудрый. В хитрости своей и изворотливости он не уступал богам. И боги наказали Сизифа за его проделки, отправили к нему Смерть, чтобы та отвела богача и лукавца в Аид, царство мертвых. Но Сизиф подстерег посланницу богов и заковал ее в кандалы... Люди перестали умирать, началось, естественно, перенаселение планеты, войны прекратились. У богов крыша поехала, и самый деловой из них - бог войны Арес - сумел освободить Смерть и этапировать Сизифа по местной Владимирской дороге - по-нынешнему; шоссе Энтузиастов - в царство теней. Но Сизиф и здесь сумел перехитрить Зевса и всю самовлюбленную компанию: он приказал своей послушной супруге не предавать его тело земле и не приносить никаких жертв. Командиры-начальники подземного мира, Аид и Персефон, выразили свое неудовольствие таким несоблюдением проверенных веками обычаев. Тут-то Сизиф и уговорил их отпустить его наверх, дабы вразумить непутевую женщину. Очутившись на воле, под милым сердцу Солнцем, Сизиф ударился в загул и не думал возвращаться во мрак и холод. Пил, гулял Сизиф, баловался с девочками... И опять пришла к нему Смерть, и утащила его в царство Аида. Там ему в наказание выделили персональную вершину, персональную глыбу, которую он лично должен был катить вверх. Но как только его персональный камень достигал персонально выделенной Сизифу вершины, неведомая сила персонально толкала его вниз... И даже облака не могли скрыть ухмыляющееся бородатое лицо Зевса. Сизифу приходилось начинать все сначала... Альбер Камю препарировал этот миф по-своему. Я попыталась изъять зерно из «Бунтующего человека» и вместить его в терины рамки.

МИФ О СИЗИФЕ

Вечно вверх,
На глазах у всех,

Позабыв про сон,
Катит древний камень.
Цель близка,
И тверда рука,
Но хвалебный хор
Петь не станет...
Нет!
Вниз по склону
Камень мчится вновь к подножью,
Следом - отрешенно –
Молча идет Сизиф.
Камень в наказание
Вверх опять он двигать должен -
За то, что Смерть стреножил
И заковал в кандалы (один лишний слог).

Припев (не случился)

Речитатив:

Да, он Смерть победил, заковал в кандалы,
Все бойни, чумные уголья остались пусты,
А может быть, промышлял он разбоем...
Боги решили: он кары достоин,
В пространство без неба
Он катит свой камень,
Он катит свой камень,
Он катит свой камень...

Снова вверх -
На глазах у всех...
Для одних - смешон,
Для других он страшен.
Не лицо - лишь одно пятно.
И что задумал он -
Вряд ли скажет!
Ночь -
Лишь начало,
Солнца нет без этой тени,
В каждом звуке ветра
Спрятан огромный мир.
Если есть вершина
Для борьбы и покоренья,
Вверх без промедленья
Камень вновь
Катит
Сизиф...

В первоначальном варианте музыки, как и в случае со «Штилем», после 1-го припева было место для речитатива. Вы заметили, как щедры и великодушны музыканты до того, как появляются хотя бы первые наметки текста? До записи Пол-ковник аж светился благодушием и щедростью.

- Здесь есть где тебе развернуться, - говорил Теря.

Я и «разворачивалась». Сейчас, произнося это слово, представляю, как меня самое разворачивают в виде широкой ленты с металлическими шипами где-нибудь на шоссе, перед появлением автомобиля кого-нибудь из сочиняющих «арийцев». Маня отпадает. Он не сочиняет, он стучит.

В процессе придумывания новых и новых версий сюжетов для териной песни речитатив то удлинялся, то укорачивался, пока не сгинул вовсе.

«Сизиф» вызвал у «арийцев» необузданный приступ веселья, что еще раз свидетельствует об их абсолютном душевном здоровье - только полностью отрешенный от мира человек, маниакально погруженный в глубины собственного «я», не придет в бурный восторг, услышав такое имечко. Музыканты тут же превратили этот мифический персонаж в главного героя нового альбома и с удовольствием рассказывали журналистам о том, что новая работа целиком посвящена некоему товарищу Сизифу и его подвигам. Так, песня, впоследствии ставшая «Тебе дадут знак», получила условное название «Сизиф на фронте» (когда звучала медленная часть, Кипелыч складывал руки в виде креста: дескать, все - капут чуваку! А Дуб радостно возвещал: «Погиб Сизиф!»), «Штиль» обозначался как «Сизиф на море», «Ворон» - откликался на «Сизиф в Техасе», какая-то песня (Кипелов уже забыл) называлась «Сизиф идет за пивом». Самой смешной песней казался будущий «Вам-пир» - первая строчка пелась от имени жены Сизифа и выглядела следующим образом: «Как-то раз пришла домой, там сидят Сизиф с Эзопом». На сохранившемся у меня вкладыше от кассеты, на которой были записаны «рыбы» песен, рукой, кажется, Дубинина зафиксированы - и «Сизиф медленный», и «Последний Сизиф», и «Сизиф у Осборна (друга)»... (см. на стр. XX вкладыш к кассете, где кем-то из музыкантов АРИИ зафиксированы вышеперечисленные названия).

"Ария Маргариты" - часть 4.

Сюжет №3

Конечно, было жаль мыкающего со своим камнем в обнимку Сизифа. Тем более что у нас с ним оказалось много общего - написание текстов зачастую сродни толканию упрямой каменной глыбы к чертовой вершине. Толкать-то - еще ладно, а вот когда дело срывается, и камень катится вниз... приходится улепетывать от него с такой скоростью, что только пятки сверкают. Иначе тобой же созданная глыба тебя и придавит.

- Давай еще что-нибудь придумай! - бодро воскликнул Теря, неизвестно для чего притащив мне томик Антона Павловича Чехова с рассказом «Скрипка Ротшильда». Я и придумала... Нарисовала сюжет о старике (или, как часто бывает, Дьяволе?), перевозчике в царство мертвых, когда обычная река в жаркий день превращается в Стикс. Антон Павлович оказался здесь ни при чем.

СТАРИК

Жаркий день -
Я иду к реке,
Чтобы лодку взять
И плыть к своей любимой.

Лодка ждет - и старик везет,
Все успев узнать,
Даже имя.
Но!..
Миг за мигом
Происходят превращения,
День становится ночью,
И беззвучным - крик,
Берег скрыт туманом,
Лодка стынет без движенья,
Ветер воет по-волчьи,
(Мне) смотрит в глаза старик.

Речитатив:

У меня нет права переплыть эту реку,
Она разделяет два мира,
Мир мертвых и живых:
Во-первых, я жив,
Во-вторых, я дал старику совсем другую монету,
Он не должен - не должен - не должен -
Переправлять меня через Стикс!
Я жив!
Я дал другую монету,
Я жив!

В царство тьмы погрузились мы,
И старик сменил
Свой плащ на красно-черный,
Я клянусь в этой тьме ему,
Что сожгу мосты
В мир мой вздорный..
Но!..
Миг за мигом
Происходят превращения,
Нас потоком выносит
К жарким небесам,
Тенью стал старик мой,
Я забыл все за мгновенье,
Но порой темной ночью
Вижу его глаза.

Принцип спиральности и в этом сюжете был соблюден. Старик-перевозчик был не просто молчаливым, угрюмым Хароном, согласно древней легенде перевозящим души мертвых в царство теней, а самим Хозяином. Вот что может привидеться в жаркий полдень человеку, получившему прямой солнечный или тепловой удар. Весьма вероятно, что герой данного варианта возвращался к подруге, нагружившись пивом «Старый мельник», с рок-фестиваля «Крылья», на который орга-низаторы не приглашают «тяжелые» команды под благовидным предлогом: «неформат нам не нужен». И здесь возникают (попутно) соображения по поводу существова-ния негласной цензуры в радио- и телеэфирах, а также мозгах наших граждан. Телеэфир, правда, опустим; у «тяжелых» команд, включая АРИЮ, приличных клипов никогда не было. Те же ролики, которые на сегодняшний день

(13 августа 2001 года) удалось снять «арийцам» в режиме жабодушительной экономии, лично я при-берегла бы исключительно для домашнего просмотра в кругу захмелевших друзей.

С радио - другая история (идущая в ногу с кино и печатной продукцией). История тотального опопсения, низведения слушателей до уровня жвачных живот-ных, хамящих всем встречным-поперечным и бросающих друг в друга жестяными банками с напитком «Dew». Эпизодически случается редкий прорыв - у кого-то происходит нечто типа просветления. Но это просветление резко прикрывается из-за отсутствия финансирования. Единственным словом, которое скоро останется в обиходе получившихся в результате животинок, будет омерзительное «Вау!». А как славно, бывало, выражали мы свои восторги другими, типично русскими словечками и словосочетаниями, из которых одним из наиболее удобопечатных можно считать «Усратья можно!». Это чертово «Вау!» произносится по-разному, с раз-личными эмоциональными оттенками, в зависимости от ситуации. Я чувствую, как внутри меня начинает развиваться неприятный вирус, и мой внутренний космополитизм практически без боя уступает душевный плацдарм национализму. Мне жаль то немногое русское, что еще у нас осталось, Сингапуризация страны вызывает во мне отвращение. Еще большее отвращение вызывают люди, охотно позволяющие производить над собой подобные эксперименты и покупающиеся, как последний де-бильный папуас, на все яркое и броское. Но разгрызенные по дури стеклянные бусы вызывают у папуасов кровохарканье.

- Вот ты и стал жвачным животным! - ласково говорит Хозяин, поглаживая фигурно выбритую макушку форматного слюнявого существа.

- Вау! - утвердительно-восхищенно восклицает существо, жмурясь от удо-вольствия, наслаждаясь прикосновением к своему телу Командира Всеобщей Участи.

- А сейчас я загружу тебя чипсами, биг-магами, всякими какашками, и дам запить все это жирное дерьмо «Спрайтом», - глумится Хозяин, на полную мощь врубая радио с ликующими в эфире очередными «Девочками», которые в свою оче-редь умеют промякивать только полубранное «Хула-ла»...

- Вау! - мечтательно реагирует на неприятзательные звуки существо, и с его нижней губы свисает бесконечно мерзкая слюна...

Однако вернемся, как говорится, к яйцу.

Название реки, разделяющей мир мертвых и живых, - «Стикс» - удачно вписывается в музыкальную канву териного творения (кстати, во втором эшелоне иг-рающих тяжелую музыку команд была такая группа STYX). Вообще-то, я имела в виду ту самую реку забвения, выпив воду из которой, человек напрочь забывает о том, кем он был при жизни и кто вообще он такой.

«Я дал старику не ту монету», - эти слова звучали в речитативе. По древ-нему обычаю, монету любого достоинства могли положить в рот умершему, чтобы он мог заплатить за доставку в мир иной. Иногда заботливые родственники про-совывали деньгу между стиснутыми зубами усопшего.

Испуганный герой придуманного сюжета, судя по всему, всучил еще на берегу Старику-Дьяволу уже не имеющую хождения монету, и в опасный для своей жизни момент решил раскататься в содеянном. Дьяволу-нумизмату на самом деле было все равно - богатства у него полно, а под перевозчика он замаскировался с одной-единственной целью: заполучить еще одну душу для бесценной коллекции.

Герой, видимо, все-таки глотнул водички из реки забвения, раз пытается поклясться Хозяину, что уничтожит мосты в тот мир, откуда они опустились на дно... Практически он готов произнести так называемую «клятву ненависти», ко-торую (по преданиям) дают все, кто лишь пригубил эту воду..

Сюжет «Старика» идеально подходил для съемок минитриллера. Особенно живо я представляла себе, как неожиданно из осенней или зимней тьмы в окне посте-пенно высвечиваются два красноватых глаза. У многих довольно часто возникает ощущение, что

за ними кто-то наблюдает. И совсем не обязательно этот кто-то - Циклоп (о нем поет Брюс Дикинсон, подразумевая контроль со стороны спецслужб)... Думаю, что на самом деле это Старик-перевозчик, раздумывающий о том, пришло ли время предложить смертному клиенту прогуляться... в один конец.

Но клип снят не был, да и текст послали если не ко всем чертям, то к Хозяину уж точно.

Сюжет №4

Этот вариант появился сразу, минут за 30: в мозгу щелкнуло, словно кто-то подключился к линии, и факс пошел. Хотя с первых же секунд было ясно, что «арийцы» такой текст в работу не возьмут, довольствуясь написанной ранее «Ангельской пылью».

В голове звучала музыка, серебристая спираль опять ввинчивалась в трясину мирового болота. То и дело вспыхивали блуждающие болотные огоньки - то ли гнилушки так светились, то ли волчьи глаза...

ХИМИЧЕСКИЙ СОН (ЗАПРЕДЕЛЬНЫЙ СОН)

Грязный мир,
Равнодушный мир,
Он совсем другой
В сказках или песнях.
Всем вокруг
Все равно, кто мы,
И какую боль
Носим в сердце...
Ты -
Ненавидишь
Эти двери и ступени,
Пыль ни цветах бумажных
И свое лицо.
Небо станет ближе,
Небо будет течь по венам,
Смех по стенам размажет
Твой химический сон.

Ты спешишь
Поскорей сгореть,
Смысла нет взростеть,
Плодить себе подобных,
Тесно здесь,
Здесь - не жить, а тлеть,
Рыскать по земле
В стае злобной...
Я-
Выкликаю
Твое имя этой ночью,
Свечи упрямо гаснут
На окне моем,
Ветер взвыл по-волчьи.
Этот вой я понял сразу,
Путь назад не подскажет

Тебе твой химический сон...

Припев:

Свет, всюду яркий свет,
Но тебя здесь нет -
Ты уходишь
В сон свой, не прощаясь...
Снег, ты так любишь снег,
Но на щеке твоей
Этим утром белый снег не тает.

«Волчий вой ветра» (или «3 В») будет потом кочевать по вариантам текстов. У меня весьма интересные отношения с волками. Наверное, в одной из прошлых жизней я была либо волчицей, либо волком, а может быть, у моего племени волк был тотемным животным. Этот зверь везде и повсюду со мной, вернее его тень, его дыхание. Мне всегда хотелось иметь друга, который был бы похож на этого зверюгу с серебристой шерстью... Да мимо, задрав хвосты, все больше шастают драные полоумные коты.

ОТКРОВЕНИЕ ОТ ПОЛНОЛУНИЯ

(к текстам каких-либо групп отношения не имеет)

Растворите меня в своей искренней нежности!
Но Вы пьете коньяк - это, право, достойное дело.
И поете опять о каких-то пределах, а я - о безбрежности,
И твердите о кленах, а я - о священных омелах...

Электрический скат - моя рыба кубинских мгновений,
Старый Фрадкин сказал, что глаза у меня, как у хитрой лисицы
(Ах, как хочется сесть на джинсовые Ваши колени!..),
Но мне волк, а не лис в полнолуние каждое снится.

Он по красной земле то бежит, то ползет, припадая к ней брюхом,
Он прекрасен - мой Бог желтоглазых и мудрых созданий,
Серебристая шерсть - и звезда, как серьга, в волчьем ухе
(Мне так хочется лечь у огня и молчать рядом с Вами...).

А пока - рядом с Ним по снегам и осенним распадам,
Но пока - рядом с Ним по таинственным горным пещерам,
Льется кровь тех, кто слаб, но - чтоб выжить - так надо!
Я и Волк... между нами - в Любовь бесконечная чистая Вера.

Если вдруг ухнет свет в непроглядную, вечную пропасть,
Где инстинкты сплетаются кольцами бешеных змей, -
Грянут - выстрел ... и музыка пьяной команды LOS LOBOS,
И Старый Волк - Древний Бог ~ приползет умирать
В грязный город
Ко мне.

Немного лирики, пусть даже волчьей, не помешает... И, помимо жизни во славу друзей из хэви-групп, у меня есть совершенно другая жизнь, которая ни-кого из поющих мои тексты

не интересует. «Как Вам удастся писать такие лирические стихи от имени мужчины?» - спрашивай меня как-то молодой человек, ры-дающий от «Я свободен» с альбома «Смутное время», записанного и написанного тандемом Маврин-Кипелов. Тогда я напустила на себя таинственный вид и произ-несла какую-то ерунду, вроде «Да я вашего брата как свои пять пальцев знаю». В определенной степени это правда. Знаю настолько, насколько мне хотелось уз-нать этих самодовольных «венцов творения», которые из-за собственной душевной и физической слабости вымирают гораздо быстрее, чем задумали боги... Но дело совсем в другом: просто я беру сюжет из собственной жизни, свои собственные переживания, до которых музыкантам, естественно, нет никакого дела, и расска-зываю обо всем от имени не героини, а лирического героя. Ощущения, как прави-ло, совпадают... И, имея на руках конечный продукт, напрашивается весьма гру-стный вывод: «Мужчины гораздо сентиментальнее женщин».

«Химический сон» - если кто не понял - о наркотиках, о девушке-наркоманке.

Я понимаю, что ребенок-наркоман - трагедия, но я ненавижу визгливых типов, которые кричат, что наркоманов надо изолировать от общества, надо расстреливать, надо сажать в тюрьму. Ясно и понятно, почему люди, особенно молодежь, подсаживается на наркотики. Разрушение личности в нашем обществе гаран-тируется разными способами. Исчезнут наркотики, но всегда будет огненная во-да. Ее никто не отменит - она выгодна. Даже церковь торгует водкой.

«Выкликаю твое имя» - по глубокому убеждению прогрессивных медиков, любя-щие люди могут удержать умирающего человека в этой жизни, держа его за руку и постоянно называя его по имени. Этот прием будто бы не дает ему уйти по кори-дору к ослепительному, чистому свету (который успел увидеть «арийский» Герой Асфальта во второй серии своих походов). Умирающий поворачивается на го-лос, и возвращается...

Второй куплет по тексту выдержан в кобейновском настроении. Я имею в виду Курта Кобейна, лидера группы НИРВАНА. Всмотритесь в его глаза на фотографии, сделанной незадолго до самоубийства. Взгляд из такой глубины тоски и отчаяния, что дух захватывает. На Арбате я встретила девушку, одетую в черные джинсы и в черную майку с портретом Кобейна, в глазах у нее была точно такая же беспредельная печаль, невыплаканные слезы по еще непржитой жизни... Чем помочь? И надо ли помогать? Да и имею ли я право это делать?

Твой друг и учитель - Кобейн из НИРВАНЫ,
Самоубийца, а может быть, жертва,
Его лицо на твоей майке рваной
С тобой несется навстречу ветру.

У твоего бой-френда есть кличка «Кобейн»...
Ты мне сказала, что лучше бы сдохнуть,
Чем биться в этой крысиной гонке,
И спину гнуть за какие-то крохи,
Когда вокруг жируют подонки.

У твоего бой-френда есть кличка «Кобейн»...

Ты мне сказала, что в Бога не веришь,
А веришь лишь Курту, он все понял верно,
Сам вышел в раскрытые звездные двери,

Но должен вернуться назад непременно,
Чтоб забрать всех в Нирвану,
Всех как есть - без обмана...
В джинсах драных,
Без копейки в карманах,
Всех - грязных, чистых,
Трезвых и пьяных...
Курт вернется, чтоб взять всех в Нирвану!

У твоего бой-френда есть кличка «Кобейн»...

На эти стихи певица Ольга Дзусова написала музыку.. Когда такое случает-ся, я буквально плачу от радости, ибо постоянное втискивание себя в рамки и скелеты всяких «рыб» может привести к серьезному умопомешательству. Но у му-зыкантов хард-роковой группы SS-20, к которой, кстати, Дубинин относился очень скептически, не было сил и средств, чтобы обеспечить нормальную рас-крутку, победить непобедимый «неформат» при помощи питательных финансовых вливаний, и песня зависла. А вместе с ней и куртовская тема - «лучше сгореть молодым, чем коптить это небо», а я бы добавила: «и разлагаться при жизни».

«Арийцы» легко пропустили «Хим. Сон» через сито своего восприятия, ничего в этом сите не оставив, - все проскочило в дырочки, и Сергей произнес священ-ные слова: «Придумай что-нибудь еще!», будто я - не живой человек с определенным запасом сил и энергии, а некий агрегат по производству сюжетов и укла-дыванию мостовых из рифм. Не знаю, услышали ли боги у себя в штаб-квартире мою тихую, но выразительную ругань, но кто-то из них прислал мне на помощь НЕПРАВИЛЬНОГО АНГЕЛА В ЛИЦЕ СЕРГЕЯ МАВРИНА (любой бывший музыкант совсем правильным ангелом стать не может, даже если ведет совсем праведный образ жизни).

Я думаю, этим сжалившимся надо мной богом был Один, повелитель рун, которые я то и дело бросала после полуночи, чтобы удостовериться в правильности взятого в текстах курса. Маврик экспроприировал текст, долго крутил его так и эдак, подкладывал под него брутальнейшие риффы. Результат превзошел все ожидания: один лишь инструментал, еще без инфернально-проникновенного вокала, ударил наотмашь, волчий вой хлестнул по нервам. Представилась долгая, беспро-будная ночь, когда всем своим существом ощущаешь опасность, нависшую над близким тебе человеком. Когда в глубине коридора тихо плачут чьи-то тени, а ты боишься повернуться спиной к открытой двери, чтобы не оказаться в роли ге-роя романа Стивена Кинга «Кладбище для домашних животных» - он сидит за сто-лом, именно спиной к двери, пьет молоко. Дверь открывается, комната наполня-ется могильным запахом - запахом тления человеческого тела и умирающих цветов. Герой знает, что это явилась его горячо любимая жена, которую зарезал скальпелем малыш-сынок и которую герой (заранее зная результат) закопал на мистическом индейском кладбище. Все похороненные там через некоторое время выбирались на свет божий, но уже как маньяки и убийцы. По-английски последняя строчка романа читалась просто убийственно. Существо подходит к герою сзади и кладет испачканную глиной руку ему на плечо. «Darling, - It said». Эта фраза, переведенная на русский и отредактированная, теряла свою мрачную красоту.

До знакомства с отвергнутыми «арийцами» текстами для альбома «Химера» Маврик ни разу не писал музыку на готовые стихи. Наконец, круг творческого мученичества замкнулся. Сначала я впихивала свои мысли в брюхо «рыбы» териной песни, - впихнула, но не попала в «арийское» яблочко, - а теперь бывший «арийский» музыкант потел, укладывая свои музыкальные идеи в предложенный мною словесный футляр... Вдохновленный полученным результатом, Сергей решил назвать свой 3-й, тогда готовящийся к записи, альбом именно «Химический сон».

Но мои персональные приключения с этой винтовой лестницей спиралью (или «рыбой», как угодно) не закончились.

Сюжет №5

- Представляешь, лежит человек, - Холст сделал эффектную паузу, давая возможность представить человека, лежащего: а) на поле брани, как у Харриса в песне «The Trooper», б) в джакузи для поправки здоровья, в) под здоровым прессом, за какое-то мгновение превращающим огромный грузовик в образцовую лепешку. - Лежит, значит, человек в больничной палате, от него отходят всякие трубочки и проводочки... Он ничего не ощущает, он вроде бы все слышит, но двигаться не может, говорить не может. Короче, живой труп. Но мозг-то работа-ет.

Разговор на эту тему состоялся давно, то ли во время работы над «Генератором Зла», то ли над «Ночью...». Но тогда сюжет повис в воздухе, хотя внут-ренний голос, периодически приходя в себя от Придумывания новых идей, начинал припоминать, где же он уже слышал подобное. «...МЕТАЛЛИКА, - тянет голос, переходя на шепот, - или, склеротик я этакий, все тот же покойник Кобейн».

Лично я склоняюсь в сторону «металликосов», а вот самостоятельный внут-ренний голос голосует за Курта. И ошибается, гад. А вариант для Терентия складывается сам по себе, и... - правильно! - летит в мусорное ведро.

РАСТЕНИЕ

Ты один в гулкой пустоте,
Белый потолок
Тебе заменит небо,
Чью-то кровь перельют тебе,
Сотни проводов
Стянут к телу...
Ты
Просто номер,
Ты растение без названия,
Боль давно остыла,
И застыла жизнь...
Ты совсем не помнишь,
Как рвануло рядом пламя
Люди в белом бесшумно
В мозг твой забрались...

Припев:

Но ты увидишь сон -
Там ты вспомнишь все:
Над водою дым беззвучно тает,
А в небесах - огонь,
Ты зажег его,
Но об этом только ты и знаешь...

Рядом смерть - яркое пятно,
Лучше не дышать,
Чтоб убежать с ней вместе,
Смерть за дверь гонят вновь и вновь,

И опять душа -
В клетке тесной...
Но!

Выньте иглы,
Отключите все системы,
Второпях забудьте
Влить чужую кровь...
Крик твой здесь не слышен,
Ты же номер, ты растение,
Боже, взгляни на землю,
Где же твоя любовь?!

Проигрыш

Ты
Не воскреснешь,
И не сдвинешь с места камень,
Просишь, чтобы кто-то
Выключил весь ток.
Но пока - лишь ужас,
Ад, оставленный на память...
И никакого неба -
С трещиной потолок...

"Ария Маргариты" - часть 5.

Особенно мне нравились две последние строчки - «и никакого неба с трещиной потолок». Кто внимательно читает варианты текстов, без труда обнаружит прямую связь треснувшего потолка со строчками из Сюжета №2 для «Огненной стрелы» (см. дальше). Вообще, больничные потолки - удивительная территория!

Валяешься дурным валенком на больничной каталке, отходишь после наркоза. В палату медсестры пока тебя не везут: рано еще, если случится что-нибудь непредвиденное, то моментально отправят через дверь в сверкающую холодом кафеля операционную. Туман в глазах рассеивается не сразу, висящий напротив огнетушитель медленно, но верно принимает знакомые очертания, а вот на потолке... Странный человек, словно впечатанный в побелку сапогом какого-то ходившего по потолку психа. Худенькое тельце, бескровные ножки-ручки, голова - аккуратной петелькой. Зажмуриваю один глаз - уродец смешается вправо, но не падает, зажмуриваю другой глаз - существо перескакивает влево... Ко мне подплывает квадратная, пахнущая хлоркой особа в белом, гладит, жалея, по голове: «Все в порядке, деточка?». «Деточка», с трудом справляясь с собственными губами и совершенно закостеневшим языком, еле слышно шелестит: «В порядке... а скажите... там, наверху., человек?». Сестра ничему не удивляется, поднимает голову, рассматривая моего уродца. «Это провод, деточка, его не заделали, вот он и торчит». Легко сказать - не заделали...

Что же касается темы «Растения» - ничего удивительного в повторении ее нет. Война есть

война -противопехотные мины взрываются везде, стреляют тоже везде. Смерть пасет нас повсюду... Но кого-то она убивает постепенно: то ли жив человек, то ли нет. И не существует такого аппарата или прибора, который смог бы прочитать мысли бессловесного больного, над которым колдует наука, пытаясь извлечь пользу исключительно для себя. Гуманность медицины не позволяет врачу поднять руку к заветной кнопке и нажать ее. Я и думаю: а гуманность ли это? И начинаю балансировать на скользкой грани проблемы: что дозволено нам, а что - нет. И выслушиваю банальности вроде: «Только Господь может решить, умирать человеку или нет». Я знала только одну женщину, биолога по профессии, которая сама выдернула из вен спасительные трубочки и провода, необходимые для продления ее жизни еще дня на три. Выдернула, и рухнула в аго-нию.

Вспоминаю смертельно больных людей, их глаза... Их взгляд обращен внутрь себя, они прислушиваются к каждому своему вздоху. А в последние дни они уже не видят вас, они уже видят тот город золотой с прозрачными воротами и яркою звездой. Но не говорят об этом, ибо душа их уже там, а тело - пока здесь, на земле. Мы им уже неинтересны.

Сюжет №6

В процессе работы над песней Теря несколько убыстрил темп. Прodelал с ней ту же злую шутку, что и с «Дьявольским зноем» с альбома «Генератор Зла». Спи-раль, или винтовая лестница, от этого только проиграла. Но вырулился вариант текста, который чуть позже по требованию Сергея и пребывающего в меланхолии Кипелова был несколько упрощен, кастрирован. Первоначально присутствовавший в песне 3-й бридж был упразднен, и отвалился как хвост у ящерицы.

Предложенный мною вариант пришелся по душе Холсту, но принцип «невмешательства» в дела соседа, который действовал в процессе работы над этим альбомом, соблюдался сторонами соглашения неукоснительно. На мой взгляд, для успеха нашего с Терентьевым предприятия должна была остаться именно эта версия.

НИЧТО

Дай мне жить
Так, как я хочу,
Или же убей –
Сразу станет легче.
Целься в лоб –
Я не убегу,
На твоей земле
Мне нет места.
Здесь
Бродят тени,
Ими движет запах денег,
Деньги дают свободу
Даже мертвецам...
Связь времен распалась,
И Злодей, и Светлый Гений
Бьют, смотря друг на друга,
Молотом по сердцам.

Припев:

Все, что в руках, - ничто,
Всё вокруг - ничто,
И ничто - все то, что так печалит.
Вся наша боль - ничто,
И любовь - ничто,
Так задумано еще вначале...

Лучше быть одному всю жизнь,
Чем найти свой дом,
Но жить в нем с кем попало,
Лучше смерть, чем по-волчьи выть,
И ползти ползком,
И есть падаль.
Бог
Создал звезды,
Но он нас лепил из грязи,
Дал нам несколько истин,
Право отнял на смерть.
Я все отрицаю -
Целься в лоб, ставь точку сразу,
Или отдай часть жизни,
Ту, что хотелось мне...

Проигрыш

Ты
Можешь снова
Предложить мне стать любимым,
До седьмого пота,
До безумных слез...
Значит все напрасно -
Я взывал к тебе в пустыне,
Где у подножия Сфинкса
Время оборвалось...

В основе сюжета лежала все та же фантазия о Лунной Графине, жившей в Баш-не. Эта особа, которая невидимыми нитями привязала к себе своих свободолюби-вых детей, не давала мне покоя даже в самые безлунные ночи. Она не всегда жила в Башне, построенной при помощи черной магии Диктатора. Как-то раз она обронила на Землю свой кружевной платок с пришитыми серебром к ткани живыми пчелам, и и спустилась за ним вниз. А на Луне детей у нее было гораздо больше, чем она притащила за собой к нам, на Землю. Кое-кто, устав от эгоистической материнской привязанности, добровольно нырнул в коварный Кратер Мучеников, кое-кто стер свое изображение с лунных камней, и таким образом смог исчезнуть навеки (нет изображения, нет движения ~ нет предмета разговора). Слезы доведенных до истерики Лунных Дочерей превращались в лунные камни, которые то и дело падали в земную траву или в зыбучие пески. Некоторые люди называли их «обмылками» и презрительно отбрасывали ногой в канаву, некоторые - вроде английского писателя Уилки Коллинза ~ посвящали им целые романы с приключениями, индусами и самоубийствами. В этой фантазии появлялся и мужской элемент, в результате собственной мягкотелости ставший послушной тенью сумасбродной Графини, - некто Лунный Граф. Время сложило у него на спине настоящий горб из грехов молодости, а его мозг превратился в копию

карты лунной поверхности с точными координатами уже упоминавшегося Кратера Мучеников.

- Когда мы умрем, - тихо-тихо говорил Лунный Граф, перебирая четки, сделанные из слез собственных детей, - вы будете свободны!

- Но вы же вечны... - стройным хором отвечали ему чада, позвякивая перла-мутровыми чашками о перламутровые блюда в час нескончаемого семейного чаепития. А сердца их кричали: «Дай нам жить так, как мы хотим!». - Но вы же веч-ны...

- Вечны!!! - вторило им Лунное Эхо, добавляя от себя пару капель ненависти в этот крик. Всепонимающие улыбки Графини и Графа переплетались, растягивались по всему небу, вдоль горизонта и завязывались морским узлом под брюхом страдающей одышкой черепахи. Той самой, на панцире которой держится мой мир.

Кипелов отказался нести в массы столь депрессивное произведение. «Суицид, - мрачно констатировал Валерий Александрович, - петля, веревка... Если все - ничто, жить-то зачем?» Вот здесь-то и зарыта московская сторожевая! Знать, что все - суета сует, тлен, прах, ничто, и при этом жить, создавая самого себя, оставляя отпечатки ног на камнях, которые горды одним только сознанием того, что они - камни, и не думают о своем неминуемом превращении в песок. Жить, воспевая свою неповторимость и неповторимость каждого из нас. Светлая сторона темы, конечно, получается очень замаскированной, таким зашифрованным посланием Штирлица Юстасу. Помню, как на праздновании 15-летия АРИИ в Лужниках девушка по имени Марина, жизнь которой сложилась совсем не так, как бы ей хотелось (а по-другому редко у кого получается!), просила оставить в текстах хоть какую-то надежду.. Я клятвенно обещала выполнить ее просьбу, но что де-лать., если в деле сочинения альбомов музыка первична? Грустная или патетиче-ская, пафосная, яростная... Именно от нее зависит настроение и содержание текста, между словом и нотами предполагается гармония. И в принципе это пра-вило почти всегда соблюдается. За исключением, на мой взгляд, одного момента в написанной в период «золотого арийского века» «Баллады о древнерусском вои-не». Есть там одно несоответствие.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ (ПОВТОР): ВСЕ ТЕКСТЫ ГРУППЫ АРИЯ НАПИСАНЫ НА ГОТОВУЮ МУЗЫКУ!

Припев с ключевым словом «ничто» заменили на « Я не сошел с ума». Получи-лась невольная переключка с насильственно лесбийской поп-группой «Тату» и их песней «Я сошла с ума». Слава Богу, «арийская» песня отношения к гомосексуализму не имеет. Здесь можно было бы порассуждать о «голубых» и «розовых», но тема эта уже скучна своей затертостью. Рост числа двух цветных меньшинств умиляет тех, кто считает бравоирование неверным набором хромосом главным достижением демократического процесса в России. Вообще, мне как-то трудно представить себе милей-шего сэра Элтона Джона, который, задрав штаны, носится по Трафальгарской площади и орет в мегафон: «Я педрила, я педрила!».

Чтобы не впадать в патетику и не превращаться в идеологический отдел ЦК КПСС, вспомню-ка я замечательный клуб «Голубая Устрица» из дурацкого сериала «Полицейская академия»...

...Мне всегда нравился классический хард-рок и хэви тем, что на сцене там главенствовали настоящие мужики - плоть от плоти, кровь от крови. Если у кого из них и были какие-то нетрадиционные заморочки, мировую общественность в из-вестность об этом не ставили. Кстати, а при чем тут Сфинкс - в третьем, отрезанном хирургами Кипеловым и Терентьевым, бридже?

Мне жаль маленьких питерских сфинксов, принимающих на себя удары гнусной непогоды, полузатопленных психующей неводской водой. Им надлежало бы царствовать совсем в другом мире, будучи младшим отражением Отавного Египетского Величия с отбитым наполеоновскими солдатами носом. АЙРОН МЕЙДЕН очаровывались тайнами древних... Наверняка они были потрясены, узнав, что египетские жрецы владели молниями и могли приказывать им поражать все то, что было жрецам не по душе. Храмы по всей земле рушатся и восстанавливаются, книги уничтожаются и пишутся, племена исчезают и зарождаются, а Сфинкс остается. На его голове - символы посвящения, лапы его крепки, ион вынослив, словно работающий бык. А крылья у Сфинкса - крылья орла. Чтобы уноситься в области созерцания и открывать секреты мира. «Знать, сметь, хотеть, молчать» - вот что советует Сфинкс, не нарушая тишины пустыни, посылая лишь импульсы. Останавливаешься у подножия странного великана, забыв о хитроумных египтянах, подсунувших тебе для путе-шествия самого упрямого верблюда, и ощущение остановившегося времени не покидает тебя. Воздух становится вязким, песчаная буря забывает о заданном было себе направлении... Всего лишь доли секунды достаточно, чтобы ощутить свое ничтожество перед фигурой, олицетворяющей для верного христианина Ангела, Орла, Льва и Тельца. «Знать. Сметь. Хотеть. Молчать»... «Знать. Сметь. Хотеть. Молчать», - так каплет вода, капля за каплей, с потолка камеры твоей серой будничной жизни, выбивая лунку на младенческом темени. Ибо по сравнению с Символом Мудрости ты всегда останешься малышом, то отказывающимся от памперсов, то снова возвращающимся к ним. Не знаешь, не смеешь, не хочешь, не молчишь.

Окончательный вариант

Я НЕ СОШЕЛ С УМА
(Терентьев/Пушкина)

Дай мне жить так, как я хочу,
Если нет - убей, мне здесь тесно,
Знаю я: я всего лишь гость,
На твоей Земле мне нет места.
Здесь
Бродят тени,
Ими движет запах денег,
Боль других и холод
Греют им сердца.
«Связь времен распалась» -
И Злодей, и Светлый Гений
Тесно сплелись в объятьях,
Их различить нельзя!

Я не сошел с ума,
Мир так стар и мал,
Что его делить нет больше смысла,
Нет, ты возьми себе
Все, что на Земле,
Мне оставь простор небесной выси!
Лучше быть одному всю жизнь,
Чем найти свой дом, и жить в нем с кем попало!
Ты молчишь, ты не против лжи,
Если в ней есть звон, звон металла.

Что бы почитать:

А. Камю. «Бунтующий человек», Легенды и мифы Древней Греции

Стивен Кинг. «Кладбище домашних животных»

«Жизнь и смерть Курта Кобейна», (изд-во «Русское слово», тираж 500 (!) экземпляров)

Уилки Коллинз, «Лунный камень», роман-детектив

ОГНЕННАЯ СТРЕЛА (музыка В.Дубинина)

Размер, предложенный Дубининым, был настолько прост, что поначалу я растерялась... А потом один сюжет начал сменять другой с катастрофической для моего мозга быстротой, остановиться было чертовски трудно, зажженная для вдохновения толстенная парафиновая свеча (в церковной лавке уверяли, что она из чистого воска) отчаянно коптила. Боги, давно пристрастившиеся к компьютерным играм, то и дело меняли у меня в голове дискеты, и вот уже из готовых вариантов можно было составить самостоятельный альбом. Однако Дуб требовал новых и новых идей, отбрасывая исписанные листочки в сторону. Сам он до последнего момента не знал, о чем же должна была быть его песня. Но вот наступил момент весьма интересного совпадения: я, устав от блуждания по лабиринту тем, закрыла глаза, и четко услышала перестук колес взбесившегося поезда, Виталик в тот же вечер увидел, как из тумана на него выезжает нечто грохочущее с бьющим навывлет светом прожектора. Восточный экспресс, который никогда не достигнет Запада, ибо он провосточничился насквозь, но который, тем не менее, мчится на закат. У итальянца Джанни Родари была премилая сказка, она называлась «Голубая стрела». У модного сегодня писателя Виктора Пелевина - «Желтая стрела»... И вот - сочиненные варианты текста, разложенные по порядку, в виде ступенек к мрачному зданию вокзала, откуда потом рванул «арийский» бронепоезд.

Сюжет №1

(здесь двух куплетов мне показалось мало, я занялась самоуправством и дописала третий).

ПРОРВЕМСЯ!

Пока не продан грязный воздух городов,
Пока все небо не раздали,
А ноздри ловят запах потных продавцов -
Жизнь горячее, чем вначале!
Вокруг нас - каменные джунгли,
Где каждый - и стрелок, и зверь...

Среди камней скользи, как, мудрая змея:
Капканы ставить научились,
Одним нужна твоя бессмертная душа,
Другому - тело, чтоб убили...
Вокруг нас - каменные джунгли,
Где каждый - и стрелок, и зверь.

Пускай огонь
Коснется нашей кожи,
Пускай вода
Расправится с огнем,

Кто хочет жить,
Тот все на свете сможет,
И мы с тобой
Прорвемся все равно!

Рожденный ползать крылья привязал к спине,
Покрыл их золотом отборным,
Но мы-то знаем, что в небесной тишине
Есть трассы лишь для непокорных!

Идея прорыва живет в рок-музыке с древних времен. В прошлом веке (только вслушайтесь в эти слова - «прошлый век», чудно как-то, вроде ничего и не кончалось) ее четко оформил хулиган и понтырщик Джим Моррисон: «Break on Through (to the other side)» (альбом THE DOORS, 1967 год).

Знаешь, день разрушает ночь,
Ночь разбивает на части день.
Ты пыталась бежать, ты пыталась скрываться,
Прорывайся на другую сторону,
Прорывайся на другую сторону,
Прорывайся на другую сторону, да...

Мы охотились за удовольствиями здесь,
А откопали свои сокровища - там,
Но способна ли ты все еще помнить то время,
Когда мы проливали горькие слезы?

Прорывайся на другую сторону,
Прорывайся на другую сторону...

В твоих объятьях я обрел остров,
В твоих очах я обрел целую страну,
В объятьях, что сковали нас одной цепью,
В очах, что одарили ложью.

Прорывайся на другую сторону,
Прорывайся на другую сторону!

Джим устраивал прорыв скорее в личных отношениях, связываясь то с одной, то с другой ведьмочкой, тангонизируя (танго+агония) с наркотой и устраивая, как говорил Эрих Мария Ремарк, «танец напитков в глотке». Для глиняно-металлической России такое решение слишком мелко, масштаб не тот. Если представить, что тебя со всех сторон окружают рвачи, хамы, киллеры, шлюхи, парламентарии, попыгрешники, настоящие инвалиды души и лжеинвалиды тела, вруны всех рангов и мастей, новоявленные инквизиторы, которым разрешено на государственном уровне подсматривать за тобой и подслушивать твои разговоры, продажные менты, глупые комментаторы и вороватые реформаторы, то единственным выходом из этой затхлости действительно покажется прорыв... Как из окружения, с затяжными боями. На другую сторону бытия, под собственным знаменем. Я пыталась провести эту идею через МАСТЕР, Грановский (человек, разглядывающий внутри себя некую мерцающую тайну) превратил ее в «Metal Doctor», прости гос-поди (см. альбом «Лабиринт»).

Меня связывают с духом Моррисона самые дружеские отношения (из личного опыта: с духами дело иметь гораздо проще и приятнее, чем с реально существующими людьми, даже с самым зловредным можно договориться). Настолько дружеские, что временами люди, прочитавшие написанный мной на одном дыхании рассказ «Визит», иногда не понимают, о каких событиях там идет речь - реальных или нет. И приходится терпеливо объяснять, что коридор в моей квартире действительно длинный-длинный и с покопанным линолеумом, словно по нему возюкали пулеметом, что эта коридорная кишка действительно заканчивается пованивающей пастью мусоропровода, что действительно одно время дворниками у нас работали два бывших «афганца» и что как-то раз действительно случился у мусоропровода Великий Засор... Все остальное - буйство летней фантазии. Но «American Prayer» Моррисона я переводила на самом деле.

Знал ли ты, что свобода
присутствует
лишь в школьном учебнике?
Знал ли ты, что безумцы
управляют нашей темницей,
Находясь в своей тюрьме, в своих застенках –
Только для вольных, и только
для белых протестантов...
Мальстрем.

Мы опрометчиво карабкаемся
на самый край скуки,
Мы приближаемся к смерти
на самом острие пламени свечи,
Мы пытаемся отыскать нечто,
что уже само отыскало нас...
и т.д.

Фокус с прорывом на обратную сторону Луны с «арийцами» не прошел. И то-гда... (делаю эффектную паузу, закатываю глаза под потолок)... явился рыжево-лосый Маврик - он превратился в копию призрака отиа датского принца Гамлета. Кто не в курсе, сейчас расскажу.

Жил-был английский писатель-драматург-поэт Уильям Шекспир. Кое-кто из ум-ников предполагает, что это был вовсе не Шекспир, а сама королева Елизавета, или философ Бекон, или... Короче. Так этот Уильям мог по праву считаться од-ним из первых успешных «металлических» авторов. На его совести десятки поруб-ленных, отравленных, преданных, повешенных, проклятых человеческих существ, рота ведьм-диверсанток... Несколько шекспировских комедий можно считать неким отходом в сторону относительно облегченного психоделического рок-н-ролла.

Осведомленность Маврика в вопросах мировой литературы вполне могла позво-лить ему сойти за бледную тень гамлетовского папы, подло отравленного собст-венным братушкой соком белены.

- А вот, Маврик, еще текст, - безнадежно сказав я гитаристу, с тоской глядя на листы с отпечатанными и отвергнутыми виршами.

Листочки сильно смахивали на трупики аккуратных белых птичек. - Дуб за-вернул, стремясь к совершенству.

- Совершенство - это смерть, - обронил Маврик inferнальную фразу и забрал листочки-трупки, - Давай все. что есть, разберемся.

Так текст «Прорвемся!» перестал быть сиротой при живых родителях и при-соединился к

«Химическому сну». Слава Богу, у меня хватило ума не говорить Маврику, на какую музыку писались стихи, иначе он бы забуксовал, и тогда все пропало бы окончательно.

"Ария Маргариты" - часть 6.

Сюжет №2

- Скажи, в чем смысл жизни, - спросил ходок из Европы у тибетского Далай-Ламы.
- О, сын мои... - загадочно улыбаясь, отвечал ходоку Далай-Лама и поднял вверх указательный попей,. Его улыбка расплзлась по стенам древнего монастыря и отпечаталась на лицах десятков сидящих на листьях лотоса Будд... Я пой-мала себя на мысли, что было бы прикольно, если бы Далай-Лама поднял вверх средний палец, и послал тем самым любопытного ходока на ставший международным «Fuck»... Действительно, Дал ай-Лама, в чем смысл жизни? Как только человек разгадывает эту загадку, он тут же исчезает...
Получился вот такой заезд в тибетский монастырь. Естественно, отвергнутый. Еще один белый бумажный трупик на моем ковре.

ЗАЧЕМ ЖИВЕМ?

В нем смысл жизни - не узнаешь ни за что,
Пока твой бункер не взорвется,
Пока не рухнет вниз больничный потолок,
И боль не вспыхнет черным солнцем.
Тогда наступит озаренье,
По ты исчезнешь в этот миг.
В чем смысл жизни ~ не кричи, не говори,
Когда вернешься вновь на Землю.
Пусть каждый в пламени своем сгорит,
Пройдет сквозь собственную темень -
Тогда наступит озаренье,
И все исчезнет в этот миг....

Написав этот текст, я почему-то сильно рассердилась (неизвестно на кого) и выдала следующий: «Мы», о той категории, которую «арийцы» на свой счет не приняли, т.е. полностью себя из нее исключили, поделив присутствующих в отдельно взятой стране на «мы» и «вы». Слова «жвачка, карболка, дураки и дурни» совершенно не вписывались в привычную для них романтическую канву, да и, насколько я смогла понять, «поиск смысла жизни» моих братьев по АРИИ особенно не беспокоил.

МЫ

Пусть за идею умирают дураки
Или безумные святые.
Святыми быть нам в этой жизни не с руки,
А дурнями мы в прошлом были,

Когда искали смысл жизни -
Как черных кошек в темноте!
Мозги - как зубы - чистят людям каждый день,
Мир пахнет жвачкой и карболкой,
Мы - между небом и землею, мы - нигде,
А в том, что знаем, - мало толка.
Мы словно армия пришельцев
На новых опытных полях.

Мы те, кто есть,
Таких не переделать,
То - рвем, то - бьем,
То - вскачь, то - столбняком.
И так живем.
Кому какое дело,
Взгляни наверх -
Там знают обо всем!

Сюжет №3

Почему западные группы не боятся упоминать в своих песнях всяких бесов и богов поименно? Интересный вопрос. А потому, что им глубоко наплевать, поймут ли их или нет. Пожелавший узнать, например, кто такой Азazel, залезет на вы-сокую стремянку в какой-нибудь библиотеке. Выступая в качестве страховой ком-пании и спасая конечности некоторых любознательных личностей от возможного перелома, я выдам короткую справку относительно этого персонажа.

«Азazel» иногда произносится как «Азazelь». Это слово в наши беспокойные дни можно увидеть на книжных лотках: модный писатель Б. Акунин (читается как «Бакунин») назвал так один из своих опусов.

Азazel - падший ангел, отличавшийся своей изобретательностью и смекалкой. Считается изобретателем всего холодного оружия в мире: кинжалы, мечи, шпаги, ножи и ножички, включая перочинные, - все это дело его рук. Для женщин Азazel придумал другое хитрое оружие - косметику, тени и краски, притирки, помады, мази, щипчики для прореживания кустистых бровей и всяческие украшения, чтобы соблазнять и губить падких на развлечения мужичков. Мусульмане считают его высшим ангелом, который после своего падения стал называться сатаной.

Присутствие имени «Азazel» на вышедшем раньше «арийской» «Химеры» альбоме IRON MAIDEN вдохновило меня на очередной подвиг. В дебри демонологии, щадя чувствительные души музыкантов, я не стала залезать. «Ну уж Абадонну они точно знают», - наивно рассуждала я. Повелитель и царь над саранчой, вышедшей из дыма, из кладезя бездны, когда вострубил пятый Ангел (глава 9 «Откровения от Иоанна»), по-еврейски звался Авадонн, а по-гречески Аполлион, «разрушитель». Был членом партии падших ангелов. У Булгакова он - как демон войны - появлял-ся в черных очках, которые снял всего один раз - чтобы ликвидировать барона Майгеля, покусившегося на царство Воланда.

АБАДОННА

Один и тот же сон преследует меня:
В мой дом приходит Абадонна,
Слепой хозяин нашей смерти и огня
Объявлен небом вне закона,

Он не мирился с властью Бога,
Был в наказанье сброшен вниз.

Он появляется из каменной стены,
И так же тихо исчезает,
Его очки от крови пролитой черны,
Но он пока их не снимает,
А если снимет - все живое
Мгновенно обратится в дым!

Зажги мне свет ~
Везде, где только можно,
И я проснусь,
А ночь сотрет свои след,
Моей душе не будет так тревожно -
Кругом светло,
И Абадонны нет...

Он обещал во сне вернуться,
Отдать мне черные очки...

Абадонну знал (заочно) Холст. Получалось, что у остальных с булгаковским романом «Мастер и Маргарита» отношения были более чем прохладные...

- Да какой такой Абадонна? - вопил темпераментный Дуб, ошалевший от предлагаемого тематического разброса. - Да кому он нужен, этот твой Абадонна?!!

А какой клип можно было бы снять... Закройте глаза, и представьте себе, что Абадонна молча вручает вам свои черные очки.

Правда, по состоянию на 30 сентября 2001 года, похоже, что свои окуляры уставший командовать саранчой демон по дешевке уступил Бушу, президенту Соединенных Штатов Америки, коэффициент умственного развития которого, согласно данным зарубежной печати, ниже среднего.

До американцев никак не доходит, и никогда не дойдет, что все случившееся в них 11 сентября - взрыв небоскребов-близнецов Международного Торгового Центра, пожар в Пентагоне, белый порошок в конвертах - всего лишь обычная ма-гическая «обратка» за Белград, Ирак, Вьетнам, Корею. За то чувство вседозволенности, которое испортило жителей американских городов гораздо сильнее, чем квартирный вопрос (по наблюдению мессира Воланда) испортил москвичей.

Было время разбрасывать камни - бросать их в чужие затылки, спины, окна, двери, жизни; было время возвращать семена ненависти и злобы, породить врагов для своих врагов. Пришло время собирать камни; в собственный фартук ло-вить падающие с неба булыжники, спасая свою кухню с микроволновками и недожа-ренными ко Дню Благодарения индейками...

Сюжет №4

Говорят, когда трещит и коптит зажженная свеча - горят всякие чернушные краказямбрики. Когда тянет наворотить что-нибудь с неким душком, я всегда за-жигая свечу, даже если включена обычная настольная лампа.

Но очередной сюжет на заданную «рыбу» я сочиняла не только при свете свечи, но и под присмотром Черного Монаха.

- Вы не пугайтесь, если к вам какое-то время будут навеваться тени, - говорил мне

человек, пристраивая деревянную фигурку монаха на верх книжного шкафа, с таким расчетом, чтобы сей сумрачный - и прямо скажем жутковатый - сторож мог видеть всех, кто входил в квартиру.

- Да в мой дом постоянно заходят всякие экстраординарные личности... - я нисколько не умаляю их способностей, но одна моя знакомая, сама из компании сенсов и ведьм-самоучек, как-то сказала: «Вы, Маргарита Анатольевна, просто магнит какой-то для придурков!». На языке у меня вертелось самокритичное: «Дурак дурака видит издалека», но я промолчала.

Кстати, до того как поставить Монаха среди книг, его владелец отчаянно тер фигуркой о свои взъерошенные волосы. Магический обряд.

От Монаха веяло чем-то потусторонним и загадочным. Но никто из тех, кто входил в комнату, его почему-то не видел. Много раз у меня появлялось желание взять черную фигурку и спрятать куда-нибудь подальше, но условия моего договора с магом такого малодушия не допускали. Даже если хозяин Монаха и не был настоящим магом. С такими людьми лучше не конфликтовать, их моментально бро-сает из одной крайности в другую, от симпатии к ненависти.

- Я его в прошлый раз поставил в доме у N (имя и фамилию тогдашнего клиента мага я не называю по этическим соображениям, но человек он в рок-мире известный)... помогло. Несомненно помогло! Если мне не изменяет память, тот тип, кажется, сильно погорел на едва реализованном журнальном проекте.

И вот как-то ночью... лицо Монаха в подпотолочном полумраке нехорошо сморщилось, и капюшон будто бы надвинулся еще глубже на глаза. По противоположной стене амбно поплыла неясная тень, которая сфокусировалась в аккурат напротив меня в виде трех колеи...

Чуть позже я сообразила, что это была всего лишь тень от монументального нефритового подсвечника, купленного за 2 дня до знаменитого августовского об-вала рубля в 1998 году. Но, поверьте, сердце екнуло, Я хотела сказать Монаху что-то вроде «Не балуй, дядя», но почему-то вспомнилось трогательное предупреждение родителей в детстве: «Не разговаривай с незнакомыми дяденьками!». Таких слов, как «сексуальный маньяк», тогда и знать не знали даже взрослые (а если знали, то вслух не произносили, считая их верхом неприличия), но подтекст предостережения был ясен. Теперь к сексу прибавились - помимо рок-н-ролла - наркотики: родители стали бояться дилеров-обольстителей. Смотрю в окно, и представляю: человек, у которого вместо лица, в целях конспирации, голимое белое пятно. Он облачен в китайский шелковый халат с драконами на спине. На столе с бюстиками Наполеона и Черчилля - кокаиновая дорожка. Тонкими белыми пальцами перебирает рассыпанный на черном бархате матовый жемчуг, выкладывает из него причудливые рисунки. Так получился «Гений мрака» для «Неформата» Маврика, который, правда, был Сергеем отвергнут. У нас тогда вообще с ним конфликт вышел, во всяком случае - у меня с ним. «Неформат» увидел свет без моего участия.

ГЕНИЙ МРАКА

Иди прямиком,
Через город, где твой дом,
Иди сам, не жди провожатых!

Иди, только знай:
Этот путь ведет не в рай,
Не ищи потом виноватых.
Вот - мост, а вот - овраг,
Делай шаг, последний шаг,
Ты у цели,

Назад не смотри,
Видишь, в черном, впереди –
Твой герой.

Он призрак, он пророк,
Человек, и дух, и бог,
Он открывает гостю объятья.

Он гений темноты,
Он ждет таких, как ты,
И ты забудешь путь обратно.

Тебе он все даст,
Но не в долг, а навсегда,
И ты согласишься:

Вы с ним - против всех,
На летящей в ночь Земле,
Он - с тобой!

Он просто тот, кто любит черный бархат,
Он просто тот, кто любит
Неверный лунный свет,
Он просто гений,
Гений долгой,
Зимней тьмы.

Когда ты был мал,
Черный цвет тебя пугал,
Но был и сказочным магнитом,

Ты знал, что тьма сотрет
В порошок полярный лед
И солнца диск, что спит в зените!

Тогда твой герой
Пировал ночной порой,
Злой и гордый,
Казнил он и любил,
И сквозь стены проходил,
В сон-но-но-твой...

Он просто тот, кто любит черный бархат,
Он просто тот, кто любит
Неверный лунный свет,
Он просто гений,
Гений мрака!

Теперь ты никто,
Ты зависишь от него,
На поводке длиннее жизни.

Зачем и почему,
Как на огонь, летим на тьму...
Ответа нет, хоть крикни трижды!!!
Вот - мост, вот - овраг,
Делай шаг, последний шаг,
Ты у цели.

Назад не смотри,
Видишь, в черном, впереди -
Твои-но-но герои...

Он просто тот, кто любит черный бархат.
Он просто тот, кто любит неверный лунный свет... и т.д.

ТВОЙ ВРАГ

Когда ты встретишь незнакомца на пути,
В глаза ему смотреть не надо -
Взгляд может быть и отрешенным, и пустым,
И полным дьявольской услады,

Тебя потянет как магнитом
Уйти за незнакомцем в ночь...
Твой враг не тот,
Кто с ног собьет ударом,
Твой враг не тот,
Кто любит сплетен яд,
Твой враг - другой:
Считай, что все пропало,
Лишь Он вонзит
В тебя горящий взгляд!

Когда ты встретишь незнакомца в час ночной,
То вспомни старую молитву,
Пусть черным вороном взовьется над тобой,
И упадет с крылом подбитым...

Оставь его на растерзанье
Воронам и голодным псам!

.....

Ты ночью встретишь незнакомца -
Не смей ему смотреть в глаза!

Кстати, кадры с кокаиновыми дорожками на столе позаимствованы из любимого кинофильма группы МЕТАЛЛИКА - «Человек со шрамом», где задиристого красавца наркоторговца играл Аль Пачино.

Сюжет о столкновении невинного юного существа с нехорошим незнакомцем брал на вооружение и дядюшка Харрис, но делал это слишком по-британски: ника-ких рекомендаций по битью морды или приемов каратэ против маньяка он не давал. Ну, не надо смотреть незнакомцу в глаза, а дальше что? Под бдительным оком Черного Монаха вырисовывался наш, русский, вариант встречи с сомнительным ночным прохожим.

Он содержал исконно русскую рекомендацию: прочитать молитву, как умеешь (лучше всего подходит «Отче наш»), чтоб сгинула нечистая сила. Особой надежды на то, что Дуб даст добро», у меня не было, но усовершенствовать по-русски литератора-бэсиса Харриса я сочла своим долгом.

Сюжет №5

Опять начались блуждания вокруг да около извечной темы о смысле жизни, ибо чем дальше от даты рождения в глубины окружающего маразма, тем больше этот вопрос меня занимает. Фраза «Смысл жизни в неминуемой смерти» - почему-то не устраивает, во всяком случае в те дни, когда светит солнце, и батарейки моего капризного организма беспрепятственно получают необходимую подпитку.

МИННОЕ ПОЛЕ

Над минным полем собирается гроза,
Я в центре поля жду удара,
Прочь убежать и где-то спрятаться нельзя:
И слева мины есть, и справа!
Вся жизнь - то взрыв, то ожиданье
Взрывной волны, для всех одной.
Зачем живем?
Ответ - за дверью в небе,
Три раза в дверь
Ударь, когда дойдешь,
Там знают все,
Но я еще там не был,
А тех, кто был,
Назад не заберешь!

Над минным полем ведьмой носится метель,
Мне б оторваться вместе с нею,
И пролететь над этой жизнью без потерь,
Я не летал, но я сумею!

Под белым снегом спрятан провод,
Он ждет, когда я ошибусь!

Зачем живем?

Минное поле, оставленное после себя то ли фашистами, то ли чеченскими боевиками, стало как бы прелюдией к военной тематике на этом альбоме. «Война призраков» - так назвали бойню в Чечне телекомментаторы, рассказывая о днев-ных и ночных перевоплощениях чеченцев. Да и наши парни тоже разные: одни возвращаются в Чечню, чтобы отомстить за погибшего друга, другие - чтобы грабить. На войне как на войне... «Ты чего, не понимаешь, что ли?» - пялит глаза здорово набравшийся де-сантник, с которым мои друзья из одной известной московской группы познакомились в вагоне-ресторане, возвращаясь с гастролей. - Мы же там кайфуем. Заходишь в дом, всех лицом к стене, берешь что хочешь, золото у женщин забираешь, ничего с ними не случится, еще наживут...» Сказал, и пристально уставился на шевелюру лидера коллектива, весьма колоритного армянина. «Ага, - щелкнуло в армянской голове, - и меня ведь может прирезать защитник отечества, я ж «чер-ный»...» Не дожидаясь развязки этой

сомнительной истории, рокеры выставили «защитникам» еще шампанского, и под благовидным предлогом дематериализова-лись...

ВОЙНА ПРИЗРАКОВ

Война для призраков всегда была игрой,
А для живых война - ловушка,
Смерть до рожденья нас заносит в список свой,
И отмечает самых лучших!

Кому - герой, кому - убийца,
Кому - «груз 200» в страшном сне...
Уймись, душа,
Тебе какое дело?
Мы здесь - никто,
Лишь ветки для костра!
Уймись, душа,
Поставь крест
В поле белом,
Поставь крест всем,
И тем, кто жив пока!

Ты возвращаешься туда, где кровь друзей,
Ведешь на призраков охоту,
Ты быстро стал одним из новых сверхлюдей,
И сделал смерть своей работой...

На бойне не бывает правды,
У каждого она своя!
.....

Ты и герой,
Ты и убийца,
И ты «груз 200» в страшном сне.

или

Чем больше вижу я - тем вера все слабее,
Что мы разумные созданья,
Мне хочется закрыть глаза... и побыстрее
Покончить с глупостью всего одним касаньем.

Безумство породит безумство (насилие породит насилие),
И это бесконечный путь.

Когда вода стечет с клинка - ей кровью быть,
Дождь над землей - и тот багровый,
Я сотню раз готов был сам себя казнить,
Лишь бы воскреснуть в мире новом...

Но старый мир в меня вонзился
Летящей огненной стрелой (ага! Вот оно!).

Уймись, душа,
Тебе какое дело?
Чужая жизнь - темней, чем зимний лес.
Уймись, душа,
Крест выставь в поле белом,
И поклонись истерзанной Земле.

Привет группе DOORS, которую вряд ли слушают поклонники АРИИ...

Что люди сотворили с Землей?
Что они сделали с нашей прекрасной сестрой?
Опустошили и разграбили ее, избили и вспороли ее,
Вонзили ножи в тот ее край, из-за которого Солнце восходит,
Связали ее тело оградами, унизили ее.,,

Отказ Дуба от всех предложенных мною вариантов довольно быстро приближал нас к «паровозной» развязке. Для меня железнодорожная тема новой не была. Оба моих деда имели непосредственное отношение к поездам, к московской Казанской железной дороге. Один, бывший крепкий середняк из деревни Суконники, все больше занимался партийной работой, другой - еще до революции - тайно возил на паровозе оружие для большевиков. Наверное, это его гены начинают бунтовать во мне, когда я вижу распоясавшихся толстожопиков с золотыми цепями на шеях, и мне хочется выковырять из мостовой булыжник - орудие пролетариата, чтобы засветить камушком в какой-нибудь «джип» хозяина новой жизни, писающего средь бела дня на Комсомольском проспекте столицы на куст шиповника. «Революционный» дед был голубоглаз, усат, отменно танцевал кадрили, по воскресеньям пел в церковном хоре, и не оставил это богоугодное занятие после победы тех, кому он собственноручно доставлял винтовки и патроны. Вооруженные им товарищи гневно осудили деда, указав ему на несовместимость Бога и революции, да и исключили Петра Степановича из своих рядов... Несколько лет назад мной уже был сочинен скоростной опус на «паровозную» тему для благополучно развалившегося все того же хард-рокового проекта СС-20.

"Ария Маргариты" - часть 7.

Безумный поезд
Режет ночь
Дыханьем Змея Горыныча,
Безумный поезд
Гонит прочь
Трудяг в оранжевых куртках.

Глаза - их целых три!
Распахнуты не на шутку,
Стоп-кран давно сорвали,
У машиниста в лице ни кровиночки.

Уголь кидай
В жаркую топку,
Уголь бросай
В жадную глотку.
Эх, жива анархия -

Вольный рок на рельсах.
По небу - дымный след,
Свободы очень хочется...
Но в коммунах умер свет -
Взорвали остановку...

Уголь кидай
В жаркую топку,
Уголь бросай
В жадную глотку!

Близка и понятна цель,
А кайф какой в движении!..
Безумный поезд уцелел
В полдюжине крушений...

Уголь кидай
В жаркую топку,
Уголь бросай
В жадную глотку!

Но рельсы разобрал какой-то оборванец,
А до свободы - три версты,
Ох, сколько будет грязи...

В этой песне меня интересовал отнюдь не сам паровоз с тремя глазами (один прожектор наверху, плюс два боковых), а та самая Свобода, до которой мы при каждой смене лидера в стране пытаемся докатиться. В какой-то степени этот «Поезд» можно считать вариациями на тему революционной песни «наш паровоз вперед летит, в коммуне остановка». Только остановку уже... того... ликвидировали, то ли свои, то ли чужие. - Дзинь! Трррр! - Дубинин на проводе. - А не взять ли нам Пелевина? «Жел-тую.....» - «Стрелу», - радостно подхватываю я, - и переделать к чертям собачьим. Почему у него герой так тихо сходит с поезда? Не по-нашему это!

Дуб провидчески и героически дает «добро», у меня в районе солнечного сплетения образуется благодатная, святая пустота - верный, подтвержденный годами, признак того, что все будет «тип-топ», и нас ждет удача.

У Пелевина мне нравилось многое, и жаль было, что это многое придумала не я: и вагоны, уходящие на Восток и теряющиеся на Западе, и похороны, когда умерших с помощью проводника выпихивали в окно. Да не устраивал лишь финал - без резкого движения, без шараханья кулаком по столу и терзания на груди тельняшки. По моему разумению, сбрендивший поезд так плавно, по-пацифистски не мог остановиться. Тот поезд, в который нас втолкнула жизнь без нашего на то согласия, иногда лишь замедляет скорость, рельсы проложены четко - в пустоту. Можно стать хиппи, панком, крутым альтернативщиком, металлистом, кон-торщиком - кем угодно, но бесповоротно соскочить с подножки жестокого транс-портного средства с космическим числом вагонов тебе не удастся. Эта мораль - или отрыжка этой морали - и гасит тот самый огонь в твоих глазах, о

котором любят писать поэты-романтики старой закалки, кого даже под дулом автомата не заставишь произнести слово из трех букв, начинающееся со священной буквы «х».
Первый куплет «Стрелы» несколько раз менялся.

Стрелой горячей поезд режет пустоту,
Послушный неизвестным силам,
Тебя втолкнули в этот поезд на ходу,
И даже имя не спросили.
Не знаешь ты, что будет дальше,
Каким ты станешь через миг...

или

Во тьму ночными часовыми
Уходят белые столбы.

Сложился и вариант 1-го запева, посвященный исключительно Владимиру Пет-ровичу Холстинину, и выглядел этот вариант так:

Стрелой горячей поезд режет пустоту,
Послушный неизвестным силам,
Закат Европы проскочил он на ходу,
Восход России пыль прикрыла.

Монументальный труд философа Шпенглера «Закат Европы» Холст мечтал каким-нибудь образом переложить на свою музыку, но отсутствие в нем героя типа За-ратустры делало такую задачу практически невыполнимой, а придумать более хит-роумный подход не хватало времени и сил - надо было пахать. «Работай, работай, негр, солнце еще высоко!» - гласит любимая «арийская» пословица.

В припеве уже чувствовалась готовность к прыжку - то ли с парашютом, то ли с «тарзанки», то ли с печки на лавку.

а) Не спи, пора!
Прощай, безумный поезд,
Стрела летит туда, где рухнул мост,
Пускай река (можно - Господь)
Их души успокоит,
А ты беги,
И прыгай под откос,

б) Сорви стоп-кран,
Он никому не нужен,
Стрела летит туда, где рухнул мост,
Разбей окно -
И прыгай в снег и стужу,
И прочь беги,
Под литургию звезд.

в) Безумный мир -
Безумный скорый поезд -
Летит стрелой
Туда, где рухнул мост.

Никто, поверь, стрелу не остановит,
Разбей окно -
И прыгай под откос!

г) (очень циничный вариант)

Не жди других -
Они на все согласны.
Стрела летит
Туда, где рухнул мост,
Там все найдут
Любовь, покой и счастье...
Разбей окно -
И прыгай под откос.

Серьезное стихоплетение, или укладывание слов в обязательную форму, иногда может довести до истерики. «Кровь, кровь, всюду кровь!» - хочется орать после появления на свет очередного «убийственного» опуса. Наступит тот момент, когда все созданные образы - зомби, Пилата, приговоренного к смерти уз-ника, не сошедшие с ума потенциальные самоубийцы, оболганный церковью Паганини - соберутся в огромной зале со сводчатыми потолками и решат разорвать меня на тысячу мелких кусочков или на тысячи маленьких медвежат, как любит приговаривать моя дочь. Они просто разом, по команде сурового небесного цензора, внедрятся в мое тело. Сначала оно. скроенное по среднестатистической российской модели, начнет светиться зеленоватым светом, потом розоватым, потом желтоватым, потом оранжевым... Цвета хитро переплетутся и рванут вверх преждевременным новогодним фейерверком. В июле. Ощущения, которые я буду при этом испытывать, трудно отнести к разряду приятных.

Итак, сижу, обложившись бумажками, карандашами, разноцветными ручками, амулетами и картами Тара. Чувствую, наступает кризис - из-за газовой плиты выползает призрак свертка. И тогда рождается посвящение господину Дубинину.

Идет такой Дуб по земле родного Внуково, идет вразвалочку, ветер со стороны взлетно-посадочной полосы играет дубининским хаером (вспоминаю, как в далеком 87-м году мы спасали дубининскую шевелюру с помощью лосьона «Бамфи», который отчаянно пах чесноком, но стабильно помогал от преждевременного облысения). Куртка на басисте - «Харли Дэвидсон», взгляд басиста - уверенный, на руке позвякивает браслет из белого металла в виде жизнерадостных свиных голов.

- Это что, черепушки? - спросила я Дуба, увидев пижонское украшение и зная наверняка, что череп всегда был любимым, можно сказать культовым, предметом металлистов.

- Не-а, - лениво тянет Дуб, - свиношки.

- А свиношки-то здесь при чем?

- А я-то сам кто?

Итак, Дубу с любовью (как некогда писал большой юморист Ян Флеминг, отец агента 007 Джеймса Бонда: «From Russia. With Love» - «Из России с любовью»...

Когда я утром на лицо свое гляжу,
Я ненавижу все живое,
Рука, быть может, и тянулась бы к ружью,
Но это самое простое...
Кому-то в тысячу раз хуже,
Но ведь зачем-то он живет!

Второго куплета для этого гастрольно-похмельного произведения не случилось, уж больно исчерпывающим оказался первый. А случилась как раз та самая стрела. Собственно адаптация пелевинских произведений музыкантами - фишка отнюдь не новая, оригинальным сей поступок назвать трудно. Александр Ф. Скляр и группа ВА-БАНКЪ выпустили целый цикл, основанный на его текстах, а кто-то из «продвинутых» журналистов (лично я называю их «задвинутыми») сравнил «ва-банковскую» продукцию с берроузовским «Black Rider»-ОМ. Берроуз - культовый человек Америки и нашего мира, весь пропитанный наркотиками, но не утративший от этого остроты восприятия реальности, писатель, философ, мелодекламатор, доживший до глубокой старости, похоронивший своего сына, принявшего слишком большую дозу. Именно Берроузу приписывается авторство термина «heavy metal» - этому худющему старику с пронзительным всезнающим взглядом. «Ва-банковский» альбом ничего общего с берроузовским не имеет.

Книготорговец, пытавшийся дорого мне продать пелевинское «Поколение П», патетически провозглашал, брызгая слюной: - Мадам, да это же Булгаков сегодняшнего дня!

- Да какой же Булгаков, помилуйте! - пыталась отбиться я.

- Булгаков! Наичистойей воды Булгаков! Какой слог! Какой язык! Какая мистика!

Пожалуй, в «Поколении...» мне понравился фрагмент с Че Геварой и «разго-ворной» дощечкой, не более того. Вспомнилась истерия, поднятая в свое время вокруг романа «Альтист Данилов», его автора Орлова тоже сравнивали с автором «Мастера и Маргариты», дамы визжали и вырывали друг у друга из рук затертые номера толстого литературного журнала (кажется, «Нового мира»), где частями печатался бестселлер. Но!.. Булгакову - булгаково, Пелевину - пелевиново, а Орлову - орлово. Каждой стреле - свою лягушку, а каждой лягушке - свое болото.

И второй куплет «Стрелы» менялся если не со скоростью локомотива, то со скоростью хорошо упитанной летней мухи, напившейся легкого церковного вина.

Вагонов поезда тебе не сосчитать,
В тех, что к Востоку, там - грязнее (пьянее),
Кто Богу душу от тоски решил отдать,
Того - в окно, и побыстрее...

или

Никто не помнит, чтобы поезд тормозил,
Никто не прыгал в ночь глухую,
Здесь верят - есть на свете лишь вагонный мир,
Где бьют, и любят, и воруют,

И этот мир в меня вонзился
Летящей огненной стрелой.

После проигрыша следовало торжественное заключение:

Все невозможное ты сделал -
Ты спрыгнул с поезда живым!

Покойников в моем поезде можно было выбрасывать в окна и по другой причине:

Вагонов поезда тебе не сосчитать,
Последний в небе затерялся,

Умерших в окна здесь приказано бросать,
Чтоб поезд с ритма не сбивался.

- Пушкина! Еще немного! - грохотал в трубке голос неугомонного Дуба. - Глобальнее, мать, глобальнее! Мысли!

«Остается самое сложное в жизни. Ехать в поезде и не быть его пассажиром, - сказал Хан» (если у вас в руках «Желтая стрела», изданная «Вагриусом» в 1998 году, то смотрите стр. 19). Это фраза стоит целого состояния в швейцар-ском банке.

FLASHBACK

(возможно, с художественным преувеличением)

Вспоминается вот какой эпизод из прошлой жизни, когда каждый день с 9.00 до 18.00 я работала прилежным младшим научным сотрудником в одном из научно-исследовательских институтов. Что я там делала? Переводила с английского и испанского всякие международные документы о взлетно-посадочных полосах, служ-бах управления воздушным движением, регулярно ездила на овощные базы перебирать гнилую капусту и картошку или в подшефный совхоз «Снегири» - выдергивать из хорошо утрамбованного сапогами колхозников грунта стойкие к насилию турнепс и свеклу. Выдергивать и складывать в безнадежно устремленные вершинками к небесам холмики. (Так, кстати, родилась песня «Турнепс» для группы РОНДО, когда ею руководил Михаил Литвин. Существовавшая в те времена цензура усмот-рела в милом рассказе о жизни бывшего студента и его трудовых буднях в подшефном совхозе антисоветскую пропаганду и запретила не только эту песню, но и литвиновскую группу. В списках запрещенных коллективов, с легкой руки соот-ветствующих органов, эта компания фигурировала именно как «Турнепс», по на-званию моего совершенно невинного опуса.)

С едой в родной стране в 80-е годы было напряженно. Это сейчас, в эпоху дикого капитализма, можно набить пузо до отвала всякой дребеденью, а если не на что набивать - посмотреть до дыр экран с рекламой бульонных кубиков «Маг-ги». Если, конечно, голубоэкранный друг не успел еще накрыться и не потребовал выделить энную сумму на замену своих собственных потрохов.

Продовольственная проблема решалась по команде сверху: работники государ-ственных учреждений (а других тогда не было) мобилизовывались на создание подсобных хозяйств. - А почему бы нам, товарищи, не приступить к разведению кроликов? - спра-шивала председатель(ница) партийного комитета нашего отдела, даря мужчинам сияние незабываемых голубых очей, а женщинам - превосходство любимицы венца творения над сделанными всего лишь из ребра конторскими балаболками. Идея вскармливания длинноухих кормильцев мгновенно всколыхнула народные массы. Сотрудницы засюсюкали, живо представляя себе, как они тискают пушистые комочки, совершенно забывая при этом о привычке всех существ прозаически какать и пи-сать. Джентльмены (разного научного достоинства) не на шутку загрузили, предвидя свое далеко не завидное будущее: рассвет, понимаешь, роса россыпью, вдалеке рев жаждущих дойки буренок и стройные ряды городских дипломированных умников, косящих клевер для проклятых одомашненных зайцев.

- Ухаживать за животными будем в три смены, - продолжала бредить парткомитетчица, и на щеках у нее алыми революционными гвоздиками расцветал лихора-дочный румянец, - клетки в несколько этажей планируется построить за зданием института.

- Замечательно! - воскликнула с восторгом такая же, как и я, беспартийная подруга, обязанная посещать все открытые партийные собрания, дабы быть в кур-се направления

генеральной линии (читай: «поезда»).

- Сразу после работы мы все переодеваемся и...

Знакомые мне уже лет 5 русские, еврейские и татарские лица коллег-сотрудников странным образом начали желтеть, черты - меняться и приближаться к ярко выраженному азиатскому типу, распространенному на берегах реки Хуанхэ.

- Прошу слова! - полковник авиации в отставке, пахнувший польским одеколоном, с лихим коком на голове, вытянулся перед братьями по партии, словно услышал команду «Смирно!». - Вдоль взлетно-посадочной полосы на аэродроме, то-варищи, в Шереметьево, много неиспользованной земли (пауза). Я предлагаю вынести на обсуждение соответствующих партийных и руководящих органов института вопрос о посадке на этой пустующей площади кар-то-фе-ля (пауза)/ Мы бы окучи-вали этот картофель и сдавали бы Родине полученный урожай...

Количество китаеобразных карапузиков неустанно множилось. Они улыбались с книжных шкафов, набитых юридической литературой, и крутили тонюсенькими пальцами у виска, по-детски намекая на сумасшествие присутствующих, выковыривали звездочки из погон второго авиационного полковника в отставке, из бровей которого при желании можно было бы наплести ямайские косички-дрэды.

- Дайте высказаться беспартийной единице! - неожиданно холодным, но громким голосом сказала я, зная, что выступления не имеющих партийного билета лиц на открытых собраниях поощряются и считаются свидетельством заинтересованности населения в жизни партии.

- Вы напоминаете сейчас китайцев... времен китайской культурной революции, - с эмоциями справиться было трудновато, появившаяся откуда-то из глубин организма злость на разыгранный спектакль была через край. - Если вам прикажет плавить металл в самодельных печах в деревне, вы, что же, согласитесь?!

Такой выпад был равносителен срыву стопкрана или уничтожению одним ударом оконного стекла в вагоне... Нет, я тогда еще не была готова прыгать под откос, но руку уже о стекло порезала.

- Что она себе позволяет! - кричал полковник, отец «картофельной» инициативы. - Какие мы ей китайцы?!

- Что тут вообще эти беспартийные делают? - вопрошал некто, недолго просидевший у нас в комнате, но успевший переписать детским округлым почерком на большие листы в клеточку все международные инструкции для диспетчеров воздушного движения. - Что тут вообще эти беспартийные делают?! - повторил он на пару тонов выше, и я вдруг осознала, что я убийца. Жестокая, мерзкая джинсовая тетка, отправившая на тот свет запросто, без малейшего раскаянья, мечту бедного шизофреника о его единении с частью природы, пусть засаженной в ряды тесных клеток, пусть зачастую дохнувшей от чумки.

- Им нельзя давать траву с росой, они от росы умирают, - тихо и печально произнес некто, возвращаясь к теме кроликов. Его трогательный шепот перекрыл отчаянные визги и пiski партийной тусовки...

Этот поезд вручную не остановить, меняется только бригадир, иногда одичавшие ковбои убивают машиниста, но ему на смену холеные руки командиров безумной ж/д тут же из картонной коробки достают новенького сменщика в мундире с иголки.

Идея о ждущем нас впереди взорванном мосте, где все, собственно, и кончается, балансирует на грани воплощения в жизнь. Похоже, что диверсанты уже родились и неплохо натренировались, запущенная АРИЕЙ формулировка «наш ум - генератор зла» работает в полную силу.

На этом месте поток моего сознания и река воспоминаний на заданную тему были бесцеремонно перекрыты приездом в Зеленый театр московского парка Горького калифорнийской группы DEFTONES, чрезвычайно модной среди молодежи. По крайней мере, летом 2001 года.

Концертное отступление

Гнусные сплетники распространяли слухи о том, что эти парни из калифорнийского городка Сакраменто нагло тырят музыку у KORN и LIMP BIZKIT, кто-то безоговорочно заносил их в категорию рэп-кора, кто-то - в нео-металл. В Пау-тине эти характеристики перечеркнули, заявив, что DEFTONES купаются во флюи-дах новой волны. Глядя на упитанных калифорнийцев, бесившихся на сцене Зеленого театра 26 июня, я сделала несколько приятных для себя выводов. Во-первых, скейтбординг - чудовая штука, раз он выявляет таких персонажей из жующей биг-маки толпы и способствует их оголтелости (вспомним еще группу GUANO APES с их гимном этому экстремальному виду спорта). «Дефтоновцы» давно прикалываются к чудо-доскам на колесиках. Во-вторых, не сходя с облупленной скамейки театра, я почти угадала тайну вокалиста Чино Морено. «Слушайка, - сказала я сидевшему со мной по соседству поэту Аркадию Семенову, известному в рок-н-рольных кругах как Солдат Семенов, - а ведь поет так же нервно, как Бьерк... Стонет, причитает, маниакалит, а потом - как сорвется в эту разруху, как заорет, словно кипятком ошпаренный...» Оказалось, что Морено тащится от певиц Пи Джи Харви и Шале, считает их как бы проявлением своей скрытой женской сущности. Между прочим, там, где хрипит Харви, там и Бьерк танцует в по-темках. Совсем неподалеку. Кого-то у самой сцены малость придавили. Морено пытался вразумить танцующих на чужих костях, что, дескать, не надо своих топтать - они, эти свои, тоже люди. Топтуны-садисты думали, что заморский гость рассказывает им о чем-то своем, сокровенном, и пытались приложиться к ручке вокалиста. Вообще-то вся интрига концерта закручивалась вокруг именно этого кручинистого парня, и сво-дилась к следующему: упадут штаны с его далеко не тощей задницы при очередном припадке антибуржуазной ярости или же не упадут? Фантазия знатоков разыгра-лась не на шутку: портки все-таки падают, а там - вместо лучезарной сакраментовской попы лицо Тони Йомми из BLACK SABBATH. У которого крутой-трижды-крутой Морено отказался петь на сольнике. Еще секунда, и... АН нет, не упали... И не потому, что по-хитрому держались на ремне, а потому, что непосредственно в текстах «Белого пони», их третьего альбома, никакой ярости или гнева нет. Обычная, не брутальная, американская нервозность. Форматные такие тексты, вполне подходящие для нашего радиоэфира. Все сильные эмоции сожрали музыка и вокал. Живьем в тот вечер гитарист Степан Плотник (Stephen Carpenter) адреналинил и рубился так, что все соловьи-разбойники России обвисали на ветвях ду-бов-колдунов гнилыми бананами, Чи Ченг вышибал тусовке запломбированные зубы своими басовыми бомбардировками, а барабанщик мог даже и не лупить по банкам, а просто замогильным шепотом произнести свои имя на манер заклинания: «Я Эйб Каннигэм!» - и все девушки были бы его. Если, конечно, они ему нужны, девушки эти. Но... хорош пошлить, все дружно слушаем балладку «Подросток» («Teenager») с коммерчески успешного альбома «Пончик», которую так хвалит продажная музыкальная пресса, и понимаем, что группа RAGE AGAINST THE MACHINE идеологически мыслили круче и альтернативнее (за что их, наверное, и запрети-ли в радиоротации после террористического беспредела в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, когда захваченные террористами самолеты протаранили два небоскреба и уничтожили часть здания Пентагона). На альбоме «Белый пони» у Морено с друзьями тоже есть песня на железнодо-рожную тему: Америка - страна большая, можно стучать и стучать колесами с Севера на Юг, с Запада на Восток. Называется песня гениально просто - «Пасса-жир», но до нашего Пелевина им скакать на своих недокопяшках и скакать.

ПАССАЖИР

Слушай сюда: лежу я,

Спокойный и бездыханный,
Вообще-то, как всегда,
И все еще хочу, чтобы по бокам
Было больше зеркал
Заднего обзора...
Вообще-то, как всегда,
Я все еще твой пассажир.

Хромированные кнопки, скобы и кожаная обивка,
Эти и другие счастливые свидетели...
А теперь, чтобы успокоить меня,
Переверни меня (на другой бок),
Прибавь скорость,
Опусти стекла окон,
Этот прохладный ночной воздух
такой странный...
Пусть целый мир заглянет вовнутрь,
Те, кто тревожится, кто все видит,
Я твой пассажир,
Я твой пассажир...
Опусти их, и положи их на меня -
Чудесные прохладные сиденья,
Чтобы удобнее было вашим коленям...
Теперь, чтобы успокоить меня,
Еще раз переверни меня,
Не перетаскивай меня (с места на место),
Не будете ли вы так любезны,
Не прибавите ли вы скорость на этот раз?
Опусти стекла окон вниз,
Этот холодный ночной воздух
такой странный...
Пусть внутрь заглянет весь мир,
Те, кто тревожится,
Те, кто понимает,
Что опустит эти запотевшие стекла вниз,
И вновь поймает мое дыхание...
А потом ехать, и ехать, и ехать,
Всего лишь отвезите меня обратно домой...
Еще раз...
Здесь, как всегда, я лежу,
Не позволяйте мне идти,
Доведите меня до грани...

Американский пассажир «арийскому» персонажу не пара. Ника - кого сопротивления действительности, лежит себе валенком под слоем легкой мистической пыли (присутствует тема воровства дыхания демонами или невидимками, затронутая, кстати, чуть раньше АРИЕЙ в «Потерянном Рае»).

Меня в жизни никогда не интересовали пассивные люди, назову их «неосознанно американскими пассажирами», я всегда уважала и любила людей действия. Action. Об одном из таких, собственно, и сочинялась «Огненная стрела».

Из истории «нехороших» пушкинских совпадений

Невыносимая легкость бытия мне не грозит. Последнее время жизнь так круто завернула свои гайки, что дышать почти нечем. Остается только смеяться и, рассекая плывущую навстречу толпу, фальшиво петь одной мелодию хора рабов из оперы Джузеппе Верди «Набукко». Слух у меня так называемый «внутренний»: когда слышишь все неверные чужие ноты, но сама в ноту попасть не можешь. Для искоренения этого дефекта надо заниматься ненавистным с детства сольфеджио.

Прихожу в конторку под названием «Оптика», заказывать очередные очки, рассказываю даме-приемщице пару нескучных коротких историй.

- Вы такая веселая. - с хорошо читаемой завистью в голосе произносит ры-жеволосая приемщица, выписывая мне квитанцию, - у вас в жизни, наверное, все так хорошо...

- Точно, - радостно отвечаю я, - лучше не бывает. Знаете, как моя фамилия?

- «Пушкина», - уверенно отвечает приемщица, читая написанное на бумажке.

- Нет, не Пушкина, - продолжаю я и с удовольствием отмечаю изменение фор-мы лица моей несчастной собеседницы. Нормальное овальное лицо резко вытягивается по вертикали. - Не Пушкина, а КАТАСТРОФА.

Во вторник, 3 июля 2001 года, я написала для «Московского каннибальца» (т.е. «Московского комсомольца») статью, которую окрестила весьма элегантно: «Шесть концертов и одни похороны» (по аналогии с названием фильма «Четыре свадьбы, одни похороны»). В число концертов входили: концерт группы SKATAUTES, фестиваль Зеппелиномании, фестиваль «Улица яблочных лет», концерт КРЕМАТОРИЯ в День защиты детей, концерт «THE DEFTONES». «Похороны» были опи-санием не настоящих похорон, а пересказанное в непринужденной манере сообщение о смерти 83-летнего блюзмена Джона Ли Хукера... Последняя фраза статьи гласила: «Описания шестого концерта не будет, его место сожрали похороны...». Поставила я точку в компьютерном тексте, и тут же на землю рухнул авиалайнер, жертвами катастрофы стали 143 человека... Был объявлен национальный траур. Выпускающий редактор в «МК» схватился за голову: «Нельзя такой заголовок! Что за шуточки!». И статье дали какое-то нейтральное, позорное имя.

С тех пор я и стараюсь ставить многоточие где ни попадя, и избегаю ис-пользовать лексику погребальной конторы «Ритуал».

Окончательный вариант текста:

ГОРЯЩАЯ СТРЕЛА

(Дубинин/Пушкина)

Стрелой горячей поезд режет пустоту,
Послушный неизвестным силам,
И стук колес здесь заменяет сердца стук,
И кровь от скорости застыла.

Движенье стало смыслом жизни,
Что дальше будет - все равно.

Дрожит земля, дрожит горячий воздух,
Стрела летит туда, где рухнул мост,
Не жди других: пока еще не поздно,
Разбей окно, и прыгай под откос!

В руках билет, чтоб мог ты с поезда сойти
И не играть в игру чужую,

Но нет того, кому ты можешь предъявить
Свой тайный пропуск в жизнь другую.

Весь этот мир в тебя вонзился
Летящей огненной стрелой!

Что бы почитать:

У. Шекспир. «Гамлет»

В.Пелевин. «Желтая Стрела»

Джанни Родари «Голубая стрела»

В. Орлов. «Альтист Данилов»

М. Кундера. «Невыносимая легкость бытия» (к вопросу о невыносимой легко-сти бытия Пушкиной)

Что бы посмотреть:

«Человек со шрамом» (любимый фильм группы МЕТАЛЛИКА)

«Поезд-беглец» (реж. А. Михалков-Кончаловский)

"Ария Маргариты" - часть 8.

МАШИНА СМЕРТИ (музыка С.Терентьева)

Думаю, эту песню в том виде, как она была записана для альбома «Химера», не услышит никто. В крайнем случае она появится на каком-нибудь сборнике. Скорее всего, Терентий творчески переработает ее, замедлит, пропустит через мясорубку своего внутреннего цензора, и - глянь-ка, дяденька! - на свет появится новый медлячок... Потом оказалось, что все случилось с точностью до на-оборот: эта музыка «Машины...» уже была когда-то медляком, предназначенным чуть ли не для первого сольного терентьевского альбома. Автор-композитор ее убыстрил, и получил то, что мы теперь имеем в запасниках. Когда все было записано, включая вокал, и сведено, музыканты прилепили на получившийся продукт ярлычок «Полька-дристушка», а Петрович заявил о своем бескомпромиссном пацифизме и о том, что тема войны в предложенном виде ему глубоко противна.

Если бы кого-нибудь интересовало мнение поэта (т.е. меня), бившегося (бившейся) за торжество ясной мысли в рамках предложенной мне рыбы, то поэт (т.е. я) сказал бы (сказала бы): «Подобная динамичная вещь необходима на этом альбоме!».

Но... Летел бы в этот момент по небу веселый молодой летчик в блестящем своем аэроплане, захотел бы прикурить, да и уронил бы случайно в окошко летающего домика зажигалку. Не одноразовую. Дорогую. Подарок любимой девушки-козочки.

Посмотрел бы красивый молодой летчик вниз, увидел бы пустыню и какую-то особу в клешеных джинсах, воздевающую к опупевшим от временного безделья не-бесам натруженные писанием руки, «А вот и глас вопиющей в пустыне», - равнодушно констатировал бы отличник, выпускник академии имени первого космонавта Земли Юрия Гагарина, и чиркнул бы обычной спичкой о ребристую подошву обычно-го американского

летного ботинка. И закурил бы... И взорвался бы дорогой блестящий аэроплан к чертовой бабушке. Может, от искры какой-нибудь, может, от моего гласа.

Сюжет №1

Терентьев пару раз менял предложенный им размер, но первоначальный вариант текста был таким:

НЕНАВИСТЬ

За сорок дней до сотворения любви
Явилась ненависть сюда,
Она одета просто, просто говорит,
Читает мысли без труда.

И с нею вырос мир.
В котором мы живем,
То на щите, то со щитом.
Как надоело умирать
На землю падать вниз лицом,
Свинцом изранив облака...
Как надоело убивать!

Как надоело умирать,
И бессловесным быть скотом,
Но знать, что ненависть - легка,
Как надоело убивать!

Нас приучили к виду крови на руках,
К ночам, истерзанным стрельбой,
Берет пусть ненависть любви ненужный прах -
Развеять утром над рекой.

Жестоким вырос мир,
В котором мы живем,
То на щите, то со щитом!

Особенно я гордилась в этом варианте первыми двумя строками «За сорок дней до появления любви явилась ненависть сюда».
Песня удивительно напоминала «Стрелу», даже по структуре, и в этом скрывалась «погибель ея».

Сюжет №2

Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Неполноценен тот раб, который не мечтает превратить господина в своего раба, чтобы выдать ему по полной программе. Согласно, «раб» - словечко из старорежимного лексикона. Его можно убрать, но проблема останется. Даже бунт детей против своих родите-лей - это то же восстание рабов. Но восставшие точно так же превращаются в очередных порабощителей. И тогда восстают их дети... Бесконечная цепочка, ко-торую прервет только смерть всех и вся.
... Перед последней битвой Спартак приказывает распять плененного римлянина, чтобы устрашить своих солдат, показать, что их ждет, если они дрогнут. И победивший

полководец Кресе за одну единственную жизнь гражданина Вечного Города приказывает распять 6 тысяч восставших рабов. Шесть тысяч крестов вдоль дороги, шесть тысяч мертвых тел, двенадцать тысяч мертвых глаз, пытавшихся некогда увидеть свет... Самого Спартака в битве убивает не свободный человек, а такой же невольник...

ВПЕРЕД КОЛОННЫ!
(СПАРТАК)

Рабы громят за легионом легион,
Им точит меч сама Судьба,
И Вечный Город должен быть дотла сожжен
Рукою беглого раба -
И станут все равны,
Среди своих господ
Свободный раб раба найдет.

Вперед, колонны Спартака,
Свободой дышит неба свод,
Свобода ярости полна,
Вперед, колонны Спартака!

Вперед, колонны Спартака,
Свобода лучших отдает,
Их распинают на крестах,
Вперед, колонны Спартака,
Вперед, колонны!

Трибуны цирка чернью праздничной полны,
Всем слышен рев голодных львов,
Быть гладиаторами те обречены,
Кто обрекал на смерть рабов.

Опущен палеи, вниз -
Здесь милости не жди,
Ревет толпа, и сыты львы.

В том мире равных нет,
Где сила лишь права,
Спартак убит мечом раба...

Второй куплет основан на легенде, приведенной у столь любимого нами А.Камю. Возьми «арийцы» этот текст, они вошли бы в историю футбольного клуба «Спартак» и его фэнов. В том случае, если красно-белые шли бы в бой с болельщиками других команд, вопя «Вперед, колонны Спартака, свободой дышит неба свод!», группе (помимо уже надоевшего всем обвинения в сатанизме) пришили бы обвинение в разжигании вражды между объединениями футбольных фанатов.

Сюжет №3

Написан в результате наблюдения за пацанами, которые постоянно мутузят друг друга, в которых столько энергии, что хватило бы для функционирования нескольких атомных станций. Такие обычно не могут откупиться в военкоматах от призыва, мастерски

симулировать маниакально-депрессивный психоз, и отправляются во всякие «горячие» точки с улыбками обреченных.

МЫ БУДЕМ ДРАТЬСЯ

Под черной майкой играет кровь,
И в сердце - жажда побеждать,
Так дай нам дело, приказ готовь,
Пошли подальше воевать.
Придумай войну,
Придумай врага
И смерть, что рыщет в трех шагах.

Мы будем драться на земле,
Под солнцем и в кромешной тьме,
Мы будем драться в небесах,
Сверкая сталью в вышине.
Мы будем драться, чтобы мстить
За тех, кто первым был убит,
Пусть враг наш - призрак без лица,
Мы будем драться до конца,
Мы будем драться!

Машина смерти сошла сума,
Она летит, сметая всех,
Мы увернулись на этот раз,
Ушли по белой полосе,
Но все равно - война,
И все равно - враги,
И битва с тенью - впереди...

Много совпадений было между текстами к «Стреле» и «Мы будем...». Оттуда - сюда и обратно кочевали, например, призраки и тени, но уж очень хотелось про-тащить эти образы. За кадром осталась давняя мысль, что у каждого поколения есть своя война, а у тех, кто не отправляется воевать, линия фронта проходит внутри. Теря поменял запевы местами, изменил название на «Машину смерти», и... что было дальше, уже известно. «Кирдык», - как любит говорить демон КузьмичЪ из радиопрограммы Маврика «Железный занавес».

Что бы почитать:

Рэй Брэдбери. «Детская комната» (дети против родителей)
А. Камю. «Бунтующий человек», III - Исторический бунт
Р. Джованьоли. «Спартак», роман

ВАМПИР (музыка В. Холстинина)

Музыка понравилась сразу. Может быть, потому, что напоминала аранжировкой «Dreamstate», одну из моих любимых вещей Брюса Диккинсона с совершенно не коммерческого альбома «Skunkwork». Тоскливое, обволакивающее настроение, ощущение, что за твоей спиной стоит кто-то, сдерживая дыхание. Но песня, увы, находилась вне пределов моей досягаемости.

В результате оказалось, что она про вампира... Хотя (на мой взгляд: разу-меется, хозяин - барин) больше подходила бы для падшего ангела по имени Люци-фер. Но вокруг по земле ходит-бродит столько таких падших созданий, крылья которых компактно складываются в рюкзачок за спиной, что тема теряет свою привлекательность. Отложим трагедию Люцифера, некогда сиявшего рядом с Богом, а потом разжалованного за гордыню и бунт, и посмотрим на великое царство вам-пиров. Но другими глазами, не столь прямолинейно, как это случилось на «Химе-ре».

На память постоянно приходят кадры из фильма «Интервью с вампиром», а не из «Дракулы». Последний хорош, красив, но, на мой взгляд, примитивен.

Дальше каждый может выбрать себе любой из двух вариантов развития событий вокруг этой серебристо-чешуйчатой мелодии.

Вариант 1

Маргарита сама по себе, очарованная творением Холста, решает попробовать воплотить свое представление о вампирах в рамках снятой на слух «рыбы». Изго-товить муляж упыря, как говорится, для пожизненного хранения в пушкинском шкафу.

Любой взрослый человек (а именно к этой категории людей с некоторых пор и относит себя М.П.) понимает, что некогда пугающий набор из опусов типа «Зом-би» и «Вампир» в наше время, уже в XXI веке, слушается довольно смешно (об «Антихристе» - разговор особый). Да и в сопровождении такой музыки вряд ли пройдет какое-либо стебало, сопровождаемое криками придворного попугая: «Vampire! Vampire!».

Вариант 2

Как-то раз в ночи звонит Маргарите старик Кипелов и печально вопрошает: «Может, попробуешь написать свой текст на вампирскую музыку? Что-нибудь по-стинговски?». «А что на это скажет Холст?» - осторожно спрашивает Пушкина, решив поза-ботиться о сохранении чистоты дипломатических отношений. «Сделай в порядке эксперимента...» - разрешил проблему этики Валерий Александрович, и затих.

Эксперимент был осуществлен с опережением обычного графика - не за год, и даже не за полгода, а дня за два. Текст написан вчерне, и Кипелов, которого многое устраивало, даже собрался сделать пробную запись. Так, для внутреннего пользования. Холст, естественно, обо всем узнал, грозно нахмурил брови и спросил командным голосом: «Кто вообще Пушкину просил вмешиваться? Какое ей дело до моей песни?!». Гнусная интриганка Пушкина, как всегда, оказалась в дерьме, ибо страшная тайна, по чьей же инициативе вампирские страдания были рассмотрены несколько под другим углом, без участия стражи в лице работников КГБ и ФСБ, отслеживающих инакомыслящих так и осталась страшной тайной. На все времена.

В сюжете, конечно, присутствовала Луна, Люди, сведущие в колдовских делах и делах оборотней, должны понимать значение и влияние лунного света. Конечно, это был повтор, но повтор объяснимый...

Свет луны проник мне в кровь -
Я вижу лица, но сам невидим,
Тени нет, нет звука шагов,
Лишь лунный дождь.

Аромат твоих духов,
Как зверь, я чую уже за милую -
И лететь к тебе я готов...
Но ты не ждешь!

Должен любить я то, что сам разрушу,
Должен разрушить, что люблю так сильная...

Я, я забываю все,
Я, я слышу лунный зов...
Странный блеск в моих глазах,
В плену гипноза я был в том мире,
Где живым остаться нельзя, -
В царстве теней.

Видел то, что не дано
Увидеть всем: как
Смерть всесильна,
За что и был наказан Луной,
Кто я теперь?!

Руки святого... но в душе я грешник,
Сумрак не скроет мой горящий жадный взгляд...

Я всеми проклят, помолюсь,
Жизнь отнимаю, но люблю,
В кровь проникает
Ядом
Лунный зов,
Призрачный зов...

Бриджи могли бы быть и другими:

1-й Кончики пальцев прикоснутся к телу,
Через преграды, через лед и пламя
Я...
Я слышу лунный зов.
Я...
Я...
Я забываю все.

2-й Кончики пальцев сохраняют твой запах...
Через преграды, через лед и пламя
Я...
Я слышу лунный зов...
Я...
Я забываю нее.

Вырисовывается образ маньяка, жаждущего кропи. Это с одной стороны, С другой - влюбленного вампира, который не может не пить чужую кровь. Я даже знаю, что он сделал бы в конце, обезумев от безысходности, каждую ночь прихо-дя под окна любимой, слыша ее смех, видя ее слезы, отгадывая и проникая в ее сны. Заячьей губы у него нет, на ладонях не растут волосы, но!., у него голу-бые глаза и рыжие кудри, верные признаки вампиризма (черт, если следовать книгам борцов с вампирами, надо ликвидировать при помощи осиновых кольев и чесночных ванн добрую половину Ирландии!). Так вот, однажды утром, которые обычные люди наполняют иди похмельем, или

радостным ожиданием, или ненавистью к самим себе, он распахнет настежь дверь своей норы и стремительно выйдет на свет. Мой вампир - вампир решительного действия, самоубийца, он сам превращает себя в хрупкую пирамиду из пепла.

И он прав. Что за удовольствие вечно сосать чужие лейкоциты, не знать ужаса появления лысины и не верить в загробную жизнь. К тому же редкая девушка захочет побывать в объятьях существа с длинными, злобно искривленными ног-тями, со ртом, откуда стекает не просто кровавая слюна от случайно прокушен-ного языка, а настоящая кровь последней жертвы (не исключено, что последняя жертва страдала гемофилией - болезнью несвертываемости кровушки, как, например, убиенный царевич Алексей из династии Романовых). Наверняка претендент на яремную вену девушки при жизни был распутником, погряз во всех мирских грехах, все его прокляли и хоронили без причастия... Или через его брненное тело перепрыгнула кошка или перелетела какая-нибудь безумная птица. Ко всем отрицательным качествам потенциального любовника можно отнести и его малопривлекательную склонность к поеданию мертвых тел, совокупление с трупами на мо-гильных плитах, в моргах или на постели умершей (фу, сейчас стошнит!..).

Но один из основных признаков вампиризма напрочь перечеркивает нарисованную в песне романтическую картину. Вечным изгоем и персоной нон фата это существо стало совершенно не потому, что любило хлебнуть живительной теплой ве-нозной жидкости, по ходу дела проповедуя крамольные, с точки зрения общества, идеи.

Настоящий вампир. Воняет. Смердит и перлит. Такой нонючке действительно не место среди приличных люден. Во всяком случае, так думают англичане. Доб-рые русские наверняка предложат смердящему и пердящему гостю не чесночную во-ду, которая, согласно поверьям, болезненно ранит вампира, а настоящую, настоенную на гвоздях, водку - чтоб обтерся и принял вовнутрь.

Вонища, исходящая от вампира, размазала по стенам и звуки флейты, - пре-вратив их в мерзкое мяуканье котов, - и руки святого, и душу грешника.

Скорее прочь, на свежий воздух, для профилактики страшного недуга - ибо появление смердящего упыря свидетельствует о приближении чумы.

«Люди всегда разрушают то, что любят сильнее всего», - сказал когда-то великий человек Оскар Уайльд, не подозревая о мытарствах бродяги-вампира. И оказался прав.

Что бы почитать:

Говард Ф. Лавкрафт «Но ту сторону сна»

Что бы посмотреть:

«Носферату - симфония ужаса» (реж. Фридрих Мурнау, 1922)

«Дракула»

«Интервью с вампиром» (самый, пожалуй, философский фильм на тему)

«Заблудившиеся дети» (у вампиров в пещере висит портрет Моррисона)

«Тень вампира» (реж. Элиас Меридж, Весьма любопытный фильм, идея которого заключается в том, что актер Макс Шрек, сыгравший в фильме «Носферату» в 1922 году и после этого снявшийся более чем в 20 лентах, был настоящим вампиром. Особенно здорово у него получалось подергивание носом и волчий оскал, а также треск-перебор длиннющими ногтями)

«От восхода до заката» (сценарий баловня судьбы Тарантино)

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. ПРИ ЧТЕНИИ ЭТИХ ЗАМЕТОК ПОМНИТЕ: ВСЕ ПРИВЕДЕННЫЕ ТЕКСТЫ НАПИСАНЫ НА «РЫБУ» - ЗАРАНЕЕ ЗАДАННЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ РАЗМЕР!

ВОРОН (музыка В.Дубинина)

Все, как вчера... все, как всегда: сначала музыка. Потом слово. Слово происходит из чувства...

Берешь, зачерпываешь ладонями воду, смотришь в нее - и видишь маленьких смешных рыб, красных с синими головами, с торчащими на них гребешками-колючками.

Подбрасываешь воду вверх - она рассыпается на десятки капель, ко-торые падают на землю. Капли - отдельно, рыбки - отдельно. Первые быстро уми-рают, высыхая, вторые -дохнут чуть медленнее, превращаются в обыкновенные хрупкие палочки.

Берешь белый снег, только что выпавший, не успевший превратиться в порис-тое, бородавчатое чудовище, тяжело дышащее весной тысячами серых ноздрей. Лепишь снежок и целишься в стену с надписью «Скины – козлы». Снежок смачно шмякается о кирпичи. В стороны разлетаются белые комочки. Один ком, покрупнее, так и остается одиноким маленьким бугорком между «скинами» и «козлами». Вместо тире.

Мы всегда собирались под Рождество - в ночь с 24 на 25 декабря, еще до того как все россияне (и стар, и мал) бросились за порциями духовности и спа-сения к деловитым отцам церкви и принялись праздновать появление младенца Ии-суса на свет в январе. «Два раза никому не удавалось родиться, даже при помощи Святого Духа! А 24-ое число опять же ближе к язычеству, зимнее солнцестояние все-таки...» - отмахивалась я от любопытствующих, зорко следящих за веяниями общественной моды и в разрешенное для бегства в религию время дружно повесивших на шеи массивные кресты.

Стол накрывали белой накрахмаленной скатертью (для сохранности белизны сверху стелили тонкую прозрачную клеенку), ставили на него извлеченный из недр шкафов и буфетов родительский хрусталь и загружали совершенно неподходящей для хрусталя стряпней - сильно перченой вареной свеклой например, смешанной с мелко порезанным маринованным огурчиком. Кайф был не в меню, а в самом факте уютного сидения за буржуйским, сияющим искрами дорогой посуды, столом. Вот так, в тесной дружеской компании под пение подвыпившей канадской подруги с замечательным русским именем «Михалыч». Михалыч исполняла весь репертуар Элтона Джона, под аккомпанемент нашего местного студента консерватории, который был чуть-чуть в канадку влюблен, но страшился наказания за связь с иностранкой больше, чем матушкиного гнева за рождественский выпивон. Магнитофон выплевывал из своих надорванных внутренностей «Jesus Christ Superstar» - арию за арией, рыжий кот получал положенную по штату рюмашку «Алиготэ» и шел не-твердой четырехлапой походкой на кухню - облизывать горлышки стоявших на полу пустых бутылок. Человек по имени Боб, некогда служивший на далеком острове Диксон заместителем начальника тамошнего аэропорта, под шумок порывайся под-стелить под свою тарелку газету и ворчат, что так сподручнее, привычнее и милее, чем на «недешевых скатертях». Боб был славен тем, что на Диксоне у него жила ручная северная сова Федя, умевшая докуривать предложенные летчиками бычки и никогда не отказывавшаяся от портвейна. Еще Боб, очумев от долгой полярной ночи, над входом в свою комнату повесил лозунг: «Господу Бобу нашему помолимся!», писал мне письма' на бланках для радиogramм, слушал запоем груп-пу THE GUESS WHO, а длиннющие волосы прятал от начальника за воротник форменной авиационной шинели. По тем временам мы были очень продвинуты - читали Воннегута, рассуждали о психоделиках, перманентной революции, фарцовщиках джинсами и судьбах мира. И о том (причем в любом состоянии), как классно дергает за струну сумасшедший парень по имени Джими Хендрикс. «Foxу Lady»...

Тогда думалось, что сидеть нам и сидеть ВЕЧНО, вот так, в тепле, за длин-ным полированным другом-соучастником, попивать и попыхивать.

Но люди - все та же пригоршня воды, все тот же снежок... Многие из рождественской компании исчезли, не простившись, Боб, говорят, тихо сошел с ума - опустил все шторы на окнах, запретил включать в комнатах свет... Правда, от GUESS WHO не отрекся даже обезумев. Михалыч спешно уехала к родным корням в страну Канадию, в славный город

Галифакс, прихватив с собой опупевшего от привалившего(ся к нему) счастья русского мужа. Рыжий кот-пьянчужка жирует в своем, кошачьем, раю...
Потихоньку идет отсчет 100 лет одиночества.

Знаю, что жестоко
Так с тобою говорить,
Мы все одиноки
Даже в час своей любви.

В жизни или смерти
Человек всегда один,
Где-то больше света,
Где-то чуть плотнее дым.

Ангел там, на небе,
Ставит в окна по свече,
Чтоб забросить невод
И ловить сердца людей,

Чем улов богаче,
Тем больней смотреть в глаза,
Ничего не значит
Здесь даже детская слеза...

Образы накатывали волнами, слова сами выстраивались в нужные цепочки, одобрительно позвякивали два амулета - серебряная черепашка и медальон с великими символами инь и ян. Казалось, что весь московский и подмосковный мир должен взорваться благодарными аплодисментами, а на месте взрыва должны рас-цвести тысячи алых и белых пионов.

Знать, что завтра будет,
Я сегодня не хочу,
Пусть зажечь забудут
Наверху мою свечу.

Да, мы одиноки!
Но обмани себя в мечтах -
Может быть, жестоко
Говорить с тобою так...

Стой, оглянись,
Даль так темна!
Стой, мы одни -
Лишь ты и я...

"Ария Маргариты" - часть 9.

Кода так и не была написана.

Или дурость, или неистребимая наивность, через которую и приму когда-нибудь погибель свою, затуманили мне тогда глаза. Дуб, автор музыки, - которая по настроению так напоминала эпохальную по ощущению одиночества и отчаяния «November Rain» группы GUNS'N'ROSES эпохи своего расцвета, - молча выслушал мою восторженную декламацию. И это молчание сразу меня отрезвило.

- Э-э, неплохо, неплохо, но... - промямлил Дубинин.

- Но? - эхом повторила я, ставя на могилках китайских пионов, которые должны были расцвести, крестики из гнилых щепок. Так в детстве, на даче в подмосковном Алабино, мы с сестрой хоронили в зарослях бузины аквариумных рыб,дохнувших одна за одной от какого-то страшного рыбьего недуга.

- Я, конечно, попробую попеть, - сдался Дуб, - хм, завтра позвоню...

«Попробую» означало одно: «Ваш номер, сударыня, не пройдет. Ни-ког-да-с»,

- Я попробовал, - омерзительно бодро прозвучало в телефонной трубке на следующее утро, - и жена послушала. Знаешь, что она сказала? «Такие чудесные стихи, и такое говно твоя музыка».

(Необходимое примечание: В настоящее время Дуб может отказаться от своих слов, ссылаясь на то, что ничего не помнит. Мол, амнезия, как у каждого второго героя американского сериала «Санта Барбара»).

- ... музыка. Может, напишешь что-нибудь поговорнистее?

Хорошенькая просьба прозвучала из уст старого приятеля. Такого я еще не слышала. Бывали другие комбинации, вроде «Ну что за дерьмо Пушкина сочинила!», или «Бред какой-то!», или «Что, совсем сбрендилла наша старушка?».

Однако не долго пришлось мне заламывать руки, стоя на пике отчаяния: явился-таки скромный Спаситель в облике все того же Маврика... и забрал текст для своего альбома (напомню - «Химического сна»). Без припева. Песня теперь так и называется «Одиночество».

... Одним из той «рождественской» компании был толстый, похожий из-за усов на моржа, Сашка, который то и дело высказывал серьезное намерение написать потрясающий роман и с этой целью постоянно покупал пачку финской бумаги и хорошую ручку. Затраты получались приличными, которые компенсировались лишь эмоциональным размахиванием руками и воплями, как же это будет гениально. Роман так и не случился. Сашка умер 1 мая 2001 года, на улице, направляясь к кому-то в гости, 10 дней пролежал в судебном морге - документов при нем не было никаких... Незадолго до такого легкого для него ухода из суматошной ре-альности мы с Моржом в очередной раз помирились и собирались уехать в Амстер-дам, к тюльпанам, каналам и безбашенным коффи-шопам.

Сюжет №2

fantasia

ЕРЕСЬ НЕБЕСНОГО ПЛЕВКА

Жрецы гладко брили свои черепа. Удлиняющиеся к макушкам головы служителей культа смахивали на яйца, снесенные в понедельник удивленной курицей. В ма-кушку жрецам в порядке строгой очередности вживляли бриллианты чистой воды. Считалось, что это четвертый глаз, стягивающий в клетки мистического центра беспорядочно разбросанные в Космосе нити знаний.

В памяти жителей Безоблачного Царства долго болтался и просился наружу случай, когда у одного из Верховных Жрецов на бриллианте появилась крошечная желтая точка, которая медленно, но верно разрасталась, туманя чистый свет и завязывая на полезных ниточках вредные узелки. «Бельмо на четвертом глазу, - шепотом передавали друг другу

безоблачники, вышивая золотом крестики и нолики на попонках для штатных собачек породы шицу, - у Верховного на четвертом глазу - бельмо...».

То, что появление желтого пятна могло сказаться на безоблачности их существования, жителей Царства нисколько не волновало: для них не существовало таких понятий, как прошлое или будущее. Существовало лишь настоящее, очень удобное, бесконечно растягивающееся - словно резина - во всех направлениях.

Неожиданно у безбородого Верховного Жреца стала пробиваться щетина. Она неумолимо трансформировалась - от одиноких диковатых на вид волосков до состояния густейшей черной бороды, которую Жрец, вопреки всем безоблачным кано-нам, научился заплетать в десятки косичек. Он украшал косички невесть откуда взявшимися лентами, а на одну из лент даже привесил желто-розовый колокольчик.

Вместо ритуально-ночного приказа «Всем спать!», передаваемого по всем станциям, Верховный противным, почти женским голосом теперь выдавал: «Не буди нас, Будда, до побудки лучом будильника-рассвета...». Сначала все решили, что Верховный перегрелся в солярии, потом... усмотрели в желтом пятне признак тайной диверсии оппозиции (которой давным-давно не существовало из-за лени безоблачников)...

На самом деле все обстояло следующим образом: Господин Бог, зевая и под-пихивая под уставшие от вечного лежания худые бока набитые поролоном подушки, неожиданно плюнул вниз. Так, из старческого озорства, наугад. Бриллиант, си-явший на макушке Верховного, примагнитил божий плевок, а застарелая слюна принялась за свое нехитрое дело - разъедать захваченную площадь, которой на этот раз оказался четвертый глаз. Примерно через месяц после появления первых признаков желтизны, устав взывать к будильнику и Будде, Верховный заперся в Заоблачной Башне, достал из картонной коробки странного допотопного фасона медиатор, натянул на электро-трость несколько струн-проволочек и начал играть и наяривать ту самую Разру-шающую Покой Музыку, которую сам же запретил на Планете несколько поколений безоблачников назад, ради благополучия и здоровья новой нации... (Весьма ве-роятно, что Верховный, которого обуюла странная одержимость, отыграл все известные ему песни и, преступно занизив гитару в «до», лихорадочно воссоздал весь текст сожженных им самим гомеровской «Илиады», джойсовского «Улисса» и расписал акварельной «Гибелью Помпеи» все стены и потолки. О вероятности этого еще необходимо как следует подумать!)

Верховного брали целым войском, под барабанную дробь. Вертолеты болтались над Башней перегоревшими лампочками. Запрограммированная на безоговорочный штурм пехота разнесла незапертую дверь в щепки, снесла опоры лестницы, ведущей в альков Верховного, и, забрасывая в образовавшуюся вверху дыру крюки с канатами, добралась-таки до спятившего Жреца.

То, что увидел командир штурмового батальона, повергло его в такой ужас, что он так и остался стоять на веки вечные на пороге алькова, окаменев.

На полу лежал Верховный, вырвавший острыми ногтями с кожей и мозговым ве-ществом свой четвертый глаз. Верховный был мертв. Командир первый раз видел в своей жизни мертвого человека - всех умирающих, случайных больных и стариков в определенный час безоблачных суток куда-то увозил списанный в утиль звездолет. Он никогда не возвращался на Безоблачную Планету, и никто не знал, где падала старая летающая машина со своим печальным грузом на борту.

Выковыренный из макушки бриллиант отбрасывал на стены странные желтоватые блики, словно внутри него включался и выключался крохотный осветительный прибор. На полу обкусанными березовыми палочками была выложена фраза: «Лучше не знать другой жизни. Начинаешь ненавидеть эту!»,

Случай с Верховным Жрецом подвигнул ученые умы Планеты на проведение не-виданного доселе по степени секретности эксперимента. Подняты были все жизненные архивы планеты, ученым разрешили пройтись по прошлому, ознакомиться с тем, другим,

бытием, запредельным. И в результате раскопок и долгих бдений появился универсальный гуманный способ ликвидации неугодных и подмочивших свою репутацию законопослушных граждан. Придуманный учеными метод оставлял чистыми руки Жрецов и Офицеров корпуса Дематериализации...

К особо провинившимся перед Планетой в специальном зале подключали особые датчики, которые реконструировали в сознании приговоренного самые страшные картины из мирового прошлого. Начинали с наиболее безобидных вещей: как Оззи Осборн откусывает голову летучей мыши, как блэкари приносят в жертву помоечного черного котенка, как мечется по сиене худющий Мэрилин Мэнсон (не то ба-ба, не то мужик) в черных перьях, с измазанным белилами лицом и обведенными черной краской глазами. Транслировали и Вурzum. После него - впавший в безумие Ван-Гог в замедленном темпе отпиливал себе ухо, а на стоявшем перед ним холсте вяли некогда яркие параноидальные подсолнухи... Благодаря усовершенствованным до невозможности приемам мультипликации сотни человеческих черепов быстро складывались самим художником Верещагиным в высоченные горы, а смахивающий на среднестатистическую престарелую тетку Энди Уорхол заставлял живую Мэрилин Монро укладываться под здоровенный асфальтовый каток, который превращал американскую красотку в десятки тонко раскатанных слоев для торта «Напо-леон», И только потом шли мировые войны, включая напалмовый дождь во Вьетнаме, Чечню, бомбардировки Югославии, операцию «Буря в пустыне»... туда, назад, к Третьему Рейху, к газовой атаке на Ипре, к кайзеру Вильгельму, к Крестовым Походам и т.д., и т.п. Мозг подсудимого не выдерживал, начинал сбывать, происходило замыкание, появлялся пахучий дымок, и обезумевшего заключенного выпускали на свободу.

Он шел по прямым красивым улицам, не видя перед собой дороги, натываясь на прохожих, сшибая мусорные баки, и страшная горячая боль сжирала его мозг.

- Зиг Хайль! Зиг Хайль! Зиг Хайль! ~ стучал дрессированный молот в правый висок.

- Джи-хад! Джи-хад! Джи-хад! - стучал другой дрессированный молоточек в левый висок.

- Смерть-ок-ку-пан-там! Смерть-ок-ку-пан-там! - возникало ощущение про-сверленного неопытным учеником слесаря темени.

- Гроб-Гос-по-день! Гроб-Гос-по-день!

Стук справа сплетался со стуком слева, переходил в центр. Голову сдавливал раскаленный шлем рыцаря Ордена Тамплиеров.

- Ах, Бога ради, сир, не уходите, ибо город скоро будет потерян!

А в тело магистра уже погрузилась стрела сарацина... Гийом умирал во дворце Марии Антиохийской, жестокая резня обгадила землю... Кони сарацинов затаптывали малых детей, обезумевшая толпа сдавливала женщин, бывших в тягости, и в чревах их погибали нерожденные чада. .. Сарацины всюду зажигали огни, и пламя это освещало всю Святую Землю.

...Осужденный все ускорял и ускорял шаг, и вот он уже бежал так быстро, словно за ним гналась свора голодных гончих. А в голове набатом звучали непо-нятные слова... Декодер не работал. А если бы его включили, то осужденный услышал бы признания Нортумберлендских ведьм, в тела которых прокалыватели втыкали иглы - искали «клеймо дьявола»...

Никто не осмеливался остановить бегущего: слишком диким был его взор, а изо рта вылетали голубоватые искры перенапряжения.

Нелепость прошлого и ненависть людей друг к другу, связывающая три звена «the past-the present-the future», гнала несчастного к Скале Падения. Там, на вершине, в его искаженном болу мозгу вырисовывалась во всех подробностях картина смертной казни в 'одном из американских штатов: сначала крик «Мертвец идет! Мертвец идет!», потом - крупным планом - руки и ноги смертника, при-стегнутые ремнями к специальному столу, и через мгновение - лица людей за толстым стеклом, пришедших наблюдать за приведением приговора в исполнение. Иглы, через которые вводится яд, автоматически безошибочно

находят вены... Вспышка. Flash. «Вколи ему еще! Вколи ему еще, по полной!» - кричит старушен-ция, выплевывая красную пастилку. Красная слюна стекает по подбородку, остатки сиреневых кудряшек дрожат на покрытой коричневыми отметинами старости черепушке. Полицейский с уверенным пивным животом пытается утихомирить взбесившуюся даму, и она фиолетовыми коготками царапает свежевывбритую щеку копа. «Мертвец идет!» - в последний раз слышит приговоренный Жрецами и прыгает с вершины Скалы, чтобы избавиться от поселившихся в мозгу кошмаров прошлого. Красный террор. Белый террор. Желтый. Черный... Террор пустоты. Наказание прошлым пришлось по вкусу Правителям Заоблачной Планеты. Им больше не нужен был звездолет для перевозки стариков и умирающих в неизвест-ный Космический отстойник. Мозг отживших свое граждан обрабатывали усовершен-ствованным излучением, и они сами шли, брели, ползли, катили на инвалидных колясках по направлению к Скале Падения. Они не замечали ничего вокруг, им хотелось одного: как можно скорее заглушить шум бомбежек, одиночные выстрелы караульных в колымских лагерях и кровожадные возгласы хакеров: «Delete! De-lete! Delete!». Властям пришлось потратиться лишь на возведение Великой Не-пробиваемой Стены, чтобы отделить мир Идущих к Скале от мира Еще Не Готовых Пройти Этот Путь. За счет экономии средств на создании и эксплуатации звездолетов для Жрецов была закуплена новая партия бриллиантов чистой воды, а в макушках Великих Просветленных просверлены дырки сверлами усовершенствованного типа.

Вот к чему может привести бесконтрольный плевок с небес. Плевков так назы-ваемого «фантома абстрактного мышления».

К «арийской» действительности сюжет адаптировался в довольно куцем виде, пропадала фигура Верховного Жреца. Но для тренировки мозга годилось и такое.

ЦАРСТВО СВЕТА

На чужой планете,
Там, в космической пыли,
Строят Царство Света,
Царство Грезы и Любви.

Прошлое там стерто,
Чтобы счастлив был народ,
Стариков и мертвых
Прочь уносит звездолет.

Там нет смертной казни,
Нет работы палачам,
Но людей опасных
Сразу видно по глазам:

В них - безумья искры,
Жажда все на свете знать,
Вечный поиск смысла
И желанье бунтовать...

Бунтарям включают
Прошлых лет забытый ток,
Войны и страданья

Превращают их в ничто.

Со скалы их сбросит
Страх все снова испытать...
Царство Сладкой Грезы
Будет вечно процветать!

Чем не роман Хаксли «Brave New World»? Правда, там Дикарь, вернувшись в идеальное общество, сам повесился в башне маяка.

Что бы почитать:

Е. Замятин. «Мы»
О. Хаксли. «Новый Дивный Мир»
П. Лангерквист. «Улыбка вечности»

Что бы посмотреть

«Зардоз» (реж. Джон Бурмен)
«5-и элемент» (реж. Люк Бессон)
«Мертвец идет» (режиссера не помню)

Сюжет №3

(почти автобиографический)

... Слепящее солнце. Белые стены домов. Белая мостовая. Белые деревья' с сидящими на белых ветвях черными птицами. Стражники с белыми рожами. Глаза - рыбы, вываренные. Повозка подпрыгивает на булыжниках, и каждый толчок отзы-вается острой болью в измученном теле. Меня везут за городскую черту, чтобы бросить там: авось, волки сожрут. Вообще-то должны были сжечь на костре, но смилостивились в последнюю минуту, хотя искалечили порядочно. В черной каре-те, неотступно следовавшей за повозкой, сидит высокий человек в черном, до крови закусивший губы от злости. Это он написал донос Инквизиции, это он пытался уничтожить меня...

- Этот черный человек появляется в каждой твоей жизни и старается уничто-жить тебя, - полная женщина с серыми глазами пристально смотрела на стекающий по свече воск. Одна желтая капля набегает на другую, получают свирепые морды каких-то бородатых мужиков с крючковатыми носами. - В одной из прошлых жизней довелось тебе быть ведьмой... Ну, типа знахарки, которая лечит коров, людей, травки собирает, заговаривает. Примерно в 12-м веке, где-то в окрестностях Парижа...

Ведьмой? Вот тебе, бабушка, и Новый год! Давным-давно, в том самом детстве, которое пахнет венгерской черешней и настое иным на «Палинке» чардашем и в котором таинственно шуршит камыш, растущий у берегов озера Балатон, явилась мне во сне ведьма. Синий шелковый балахон, прямые волосы крыла озверевшего ворона, ни глаза... О, какие это были глаза! Они извергали яркий огонь, который, правда, не сжигал меня, а пронизывал миллионом искр и уходил в предрассветную даль. Чтобы стать там кострами скитальцев, пытавшихся найти Город Солнца. Она смотрела на меня и смеялась. Прошло много лет, но я часто вспоми-наю этот взгляд. Была ли эта ведьма чьим-то отражением?

- Считай, что в настоящей жизни твой Черный Человек появился в образе ал-коголика и артиста-неудачника, которого ты со всей бабьей дурью бросилась спасать. Он почти победил, забрал у тебя всю энергию, довел тебя до состояния соломенного чучела. Еще немного, и подчиненные ему шакалы радостно завыли бы, празднуя победу. Ну-ка, напомни мне, что ты видела...

Сплю. Вижу ванную комнату в своей квартире и того, кого сероглазая дама называет Черным Человеком. Он хватает меня за шею и пытается засунуть под раковину. Темно и страшно. Человек кажется огромным, почти великаном, а руки у него холодны и жестоки. Край раковины давит сверху на темечко и замыкает меня на кафельный пол пронзительной болью. И тогда я, сделав нечеловеческий рывок в сторону, освобождаюсь. Человек мгновенно исчезает, ванная комната наполняется успокаивающим серебристым светом. Но противно ноет темечко.

Вообще-то, если мне не изменяет память, такой мрачный спутник есть у каж-дого из нас...

- Очередная попытка прервать твою связь с Космосом чересчур банальна, он решил придавить тебя раковинной. Фу, неэстетично как! Ничего, поболит, поболит твое темечко и перестанет. Я связь восстановлю, а его, диверсанта, мы уничто-жим в фиолетовом пламени. Если получится... - дама отбирает у меня толстенный том «Тибетской медицины», который я в течение всей нашей беседы почему-то прижимаю к животу. - Учти, дружок твой бывший не так прост. Его питает энергия мертвых предков и энергия используемых им женщин.

Не гадай на картах,
Травы спрячь или сожги,
Завтра на закате
В темный лес быстрее беги.

Завтра на закате
В дом к тебе придет монах,
С ним десяток братьев
С искрой божьей в глазах.

Ты им предсказала
Смерть от крыс и пир чумы,
Сразу ведьмой стала,
Порожденьем злобной тьмы.

Лучше бы смолчала,
Золотой устроив дождь,
Но душа устала
Слушать лесть и слышать ложь.

Стой! Подскажи,
Как дальше жить?
Стой! Оглянись,
Мы здесь одни...

Стекла долго били,
Книгу Жизней долго жгли,
И монах убогий
Обезумел от молитв.

В полночь суд свершился,
Но до первых слез зари
К ним чума явилась
В окруженье черных крыс.

Тот самый монах, который ведет разъяренных предсказаниями жителей к дому знахарки, и есть Черный Человек. Фанатик, существо с горящим мрачным огнем взором, в рясе, подпоясанной грубой веревкой с размочаленными концами.

- Она ведьма! Ведьма! - кричит монах, размахивая крестом. - Она не спит по ночам! Все ведьмы и колдуны - ночные твари! И Сатана знает это и шепчет им по ночам свои мерзостные тайны...

И те люди, чьих детей знахарка лечила от губительной лихорадки и отравлений волчьими ягодами, чьих предков она пользовала травами, чьих жен и мужей она отваживала от поглощения губящей душу огненной воды, с просветленными лицами шли через лес за изрыгающим проклятья безумцем. Печально поскрипывая сломанные грубыми башмаками молодые деревца, не успевшие насладиться жизнью, черными пиками протыкали небеса сожженные походя ели...

Дом был пуст. Быстрой тенью промелькнула черная кошка и исчезла в вечных сумерках загадочных углов непростого жилища. Никого. Лишь на полулежал толстенный фолиант с золотым тиснением на обложке (единственное свидетельство присутствия этого презренного металла в колдовском доме. Этот фолиант и был «Книгой Жизней», где написано о каждом из пришедших сюда и о каждом, оставленном в обреченном на гибель городе. «В конце истории своего пребывания на земле любой человек сам ставит в ней точку своим последним поступком», - успел прочитать монах, но понять суть прочитанного ему помешал замутненный яростью рассудок...

- Это их Библия! Сатанинская Библия! Сожгите ее! И ведьма сдохнет вместе с ней! Прах и пепел! Прах и пепел!

Несколько раз огонь пытался сожрать белоснежные страницы книги со странными черными буквами, но отползал, словно бешеный пес, обломавший о волшебную кость гнилые, уже не страшные зубы. Фолиант так и не сгорел бы и остался бы лежать целым и невредимым, наводя ужас на истребителей прорицательниц, если бы из другого измерения не прорвался затянутый в черную кожу байкер-безумец на черном-черном байке и не плеснул на фолиант качественного бензина из Арабских Эмиратов. Чирк! На подступах к городу застонала от счастья, заорала пьяным голосом Чума.

И канистра, откуда Черный Байкер плеснул бензином, была черной. И Черные Часы на ведьминой кухне уже показывали Время - Специальное Время Сжигания Книг. Был час между Серебро лунным Волком и Огненно красным Быком, мгновение Раздавленной Мыши...

Дубинин раздавил этот текст легко и непринужденно - большим и указательным пальцем правой руки. «Не катит, - сказал басист, - фигня все это, валяй дальше, работай!»

Сюжет №4

Ворон долго и тупо рассматривал перечень совершенных им преступлений, пытаюсь понять, - за что все-таки на него такие напасти обрушились? И черен, как туча грозовая, мылом «Safeguard» не отмыться, наждаком не отнаждачить-ся... Зато как эффектен взгляд! Подсмотрев в широкую щель в старой оконной раме весьма сомнительный по благодости своей фильм «Омен», Ворон после долгих и изнурительных тренировок научился сверкать глазом в точности как его птице-родственник в киноверсии истории Антихриста. Зырк-зырк - и красноватый от-блеск вселял ужас в сердца зрителей.

(- Не может быть у ворона рубиновых глаз! - неуверенно пытался возражать мне Дуб.

- Может, - с удовольствием констатировала я, вспоминая «оменовскую» эпо-пею-страшилку. - Еще как может!)

- Что же во мне отрицательного? - ворчал мой Ворон, которому по правилам полагалось жить лет триста, но возраст которого, по необъяснимым для орнито-логов причинам,

перевалил уже за 366 годков. - Стало быть, все вороны, гайво-ронье, галь и галье, чернь всякая - мои родственники. Где галь, там и голь. А черен я оттого, что создан, мол. Дьяволом, - Ворон вздохнул и если бы мог, то пожевал бы губами, а так только щелкнул пару раз клювом. - И, типа, во мне живет душегуб... Посмотрим... Ворон вывернулся наизнанку переданным по наследству дедушкиным приемом: через попку потянул себя за язык черным стальным когтем. Вывернув, встряхнул, не нашел ничего предосудительного, восстановился и удовлетворенно потер бока крыльями. - А что плохого в том, что я помогаю душе откидывающегося колдуна легко выйти из тела? Чего плохого-то? Не понял я... Ну кружил я над его крышей, кружил, дык это у меня с вестибулярным аппаратом не того, заедает... Но все это антивороновое вранье имеет положительный момент: люди не сожрут, они те-перь богобоязненные, будут от голода погибаться, а в рот ни перышка, ни кос-точки... Слава Богу! (В том, надо сказать, Ворон здорово ошибался: сожрут, непременно сожрут, и про колдуна забудут с голодухи, и про мать родную, и про папаню убогого.)

Давным-давно Бог обидел Ворона. В те далекие времена, после сотворения мира, Ворон был самой белой и чистой птицей, голуби - говнюки к нему даже за гривенник подойти не смели - так уважали. Но случился Потоп, и Ной, гражданин мира, естественно, соорудил Ковчег... Плавали они, плавали, одурели от хрюка-нья, мычания, споров и дрызг на борту громоздкого сооружения старика-жизнелюба, первого в истории Земли начальника Службы спасения, и решили послать кого-нибудь из крылатых посмотреть - а не кончилось ли водоизвержение.

Бросили на щепочках: каждая божья тварь в душе молила небеса, чтобы мину-ла ее чашка сия - дело было темное, запросто можно было головушку сложить в сумерках Неизвестности. «Счастье» лететь на разведку выпало белоснежному Во-рону. Простился он с Воронихой и воронятами, присел на дорогу у гнезда родного, и стартанул... Летел, летел над водным безобразием, смотрел по сторонам - одна вода знай себе плещется. Ни клочка, ни лоскутка суши. Силы у Ворона на исходе, и когда в глазах его, еще не умевших в ту пору излучать рубиновый свет, тьма от усталости начала распадаться на тысячу колючих ежей, он и увидел Землю. Измученная птица с трудом еще несколько раз взмахнула горящими от борьбы с воздухом крыльями, еле дотянула до спасительной тверди, и рухнула там, бездыханная... Старик Нои со всей чей компанией напрасно ждал возвращения Ворона из разведки. Невдомек им, очумевшим от бескрайности воды, было, что умер их посланец, лежит лапами вверх на тонкой кромке освобожденного от потопа песка. И настучал Ной Богу, и решил Бог, что загулял Ворон на радостях по-черному, забыл о строжайшем наказе вернуться на Ковчег. И проклял тогда Бог дохлую птицу и повелел всем потомкам ее быть чернее самой черной ночи, стать кровожаднее самого кровожадного крокодила и любить лакомиться падалью. Выл белым, стал черным. Мало того, многие пошли на поводу у несправедливости, в обычном крике Ворона «Кар! Кар!» наиболее пугливым стало чудиться «Кровь! Кровь!». И тема кровавости плавно переключалась с Ворона на Ворону. Дескать, хотела Ворона испить крови, капавшей из ран распятого Христа, вот Господь и проклял эту птицу, клюв ее по краям теперь обведен как бы кровавым ободком. Не знаю, может, во времена Пилата (Понтия, прокуратора Иудеи) и Иуды Искарियो-а так оно и было, но, сколько я ни разглядывала ворон, прилетающих по утрам ко мне на карниз за кусочком сыра, ничего общего со следами помады на клюве птицы я не заметила...

Пожалуй, самым главным моментом, побудившим меня включить Ворона в «арийскую» мифологию, стала связь этой птицы со смертью и миром мертвых. По народ-ным поверьям, смерть залетает в окно черным вороном, а уж если он кружит над чьей-нибудь головой или крышей, жди беды!

Комдив Василий Иванович Чапаев, красный командир, накануне своей героической

гибели в водах реки Урал пел (если верить старому кинофильму): «Ты не вейся, черный ворон, над моею головой!».

И во сне, между прочим, Ворон с опереньем, отливающим синевой, тоже сулит смерть. Имея в запасе множество доказательств нехорошести Ворона, я начала кропотливую работу по «укладке» образа в пределах «дубининской рыбы».

Первая прикидка выглядела следующим образом:

Ночью день разорван,
Затянула рану мгла,
Смотрит черный ворон
На меня рубином глаз.

Из другого мира
Ворон вести мне принес,
Воскресил забытый
Вкус тобой пролитых слез.
Я не суеверен,
Но мой гость проронит смерть,
Траур оперенья -
Это траур и по мне.

Где же мой хранитель,
Ангел с огненным мечом?
Летней мглой укрытый,
Он забылся странным сном.

Дай волю мне!
Прочь отпусти!
Ворон в ответ:
«Я там, где ты!»...

Ворон трижды крикнул
Имя той, что предал я...
Дом, как факел, вспыхнул,
И сгорел за миг дотла.

Ворон Книгу Жизни
На прощанье бросил мне,
В ней, как снег, страницы,
И меня в помине нет!

Дай волю мне!
Прочь отпусти!
Ворон в ответ:
«Я там, где ты!»...

Яне верю суеверьям,
Но боюсь света дня,
За мгновенье
Стал я тенью,

Я из жизни
Птицей изгнан.

"Ария Маргариты" - часть 10.

Печальная получилась история, с легким оттенком вампиризма в конце, но, правда, без вони... Робкие вариации на тему «Nevermore» Эдгара Аллана По. Ворон выступает не как пожиратель падали или хранитель кладов (что с ним тоже случается, скупердяй, редкостный, ни монетки не даст на издание сольного альбома), а как мститель. Мстит за преданную некогда любовь. Девушка, судя по всему, свела счеты с жизнью. Недаром любимая заключительная фраза «арийцев», рассказывающих о сюжетах песен: «Короче, все умерли!». И для виновного в личной трагедии девушки Ворон превращается в непрощенного спутника, во вторую тень. Ему даже удается выкрасть у задремавшего Господа Книгу Жизни (во, зациклило меня! Пока не пристрою, не успокоюсь ведь!) и показать, что в ней имя виновника не значится и нет записи о деяниях его... А. следовательно, ждет его вторая смерть - в озере огненном, где и без того тесно из-за боязливых и неверных, скверных и убийц, злодеев и чародеев, идолослужителей и всех лжецов (см. Откровение от Иоанна, гл. 20, 21).

Тему эдгарповского «Ворона» подхватила у нас немецкая группа GRAVE DIGGER. Случилось это уже во второй половине 2001 года, а то бдительные стражи порядка могли бы опять заподозрить меня в чем-то очень нехорошем.

Вообще-то, эта команда то и дело залезает в кладовые моих идей и таскает оттуда всякие полезные темы, или наоборот? Помню, как я пыталась уломать Петровича на сочинение опуса о храмовниках - Ордене Тамплиеров, рыцарях в белых плащах... «Сначала их было только девять...» (Хо, мое любимое число!)

Сюжет о том, как сжигали последнего магистра ордена на Камышовом острове, так и просился переложить его на музыку. «Когда будете привязывать меня к столбу, - говорил своим палачам де Моле, - поверните меня к собору Богомате-ри...» Вы только вникните в то, что писал о храмовниках Святой Бернар, выдавая желаемое за действительное: «...они ненавидят шахматы и кости, им отвратительна охота (В. И. Ленин точно тамплиером не был, любил побродить с ружьишком по лесу, - прим. авт.); они избегают мимов, фокусников и жонглеров и питают отвращение к ним. к песням легкомысленным и глупым.

Они стригут волосы коротко, зная, что, согласно Апостолу, мужчине не пристало ухаживать за своими волосами. Их никогда не видят причесанными, редко - умытыми, обычно - с всклокоченной бородой, пропахшими пылью, изможденными тяжестью доспехов и жарой...».

Но легенды об удивительных сокровищах ордена и ереси тамплиеров не вдохновили, «арийского» гитариста... Через год после нашей беседы с Холстининым у немецких «гробкопателей» вышел альбом, целиком посвященный Ордену Храма (Господня). Тогда конкретного пересечения «арийской» и «гробкопательской» линий не случилось. Но, видимо, тот Господин Великий Экспериментатор, который сидит наверху, бросил наши фишки не очень далеко друг от друга. Именно фишки, а не кости (речь идет об игральных костях, а не о том бело-желтом ужасе, который периодически выкладывала из студенческого чемоданчика на стол моя старшая се-стра, когда училась в 1-м Медицинском институте - у нас дома частями побывал целый скелет).

Осенью 2001 года немцы выпустили альбом, в котором среди прочих песен черным лжеальбатросом реял «Raven» - «Ворон». Кровожадно цыкая зубом («цыкать зубом» - поллюбившееся с детства выражение из эпохального произведения «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких), я впила мрачным взором в текст, надеясь увидеть абсолютно новое решение вечной темы господина Ворона. Но жестокое разочарование постигло меня: ленивые немцы просто «пощипали» упомянутое выше стихотворение Эдгара По, распевая некоторые его строки целиком, никуда не сворачивая с главного тракта, ни на какую проселочную дорогу.

«Как-то в полночь, в час угрюмый... Утомившись от раздумий...» - так переводил М. Зинкевич. Подстрочник же выглядел следующим образом; «Однажды, ко-гда угрюмая полночь сошла на землю, а я, измотанный и усталый, погрузился в раздумье...». Единственная серьезная правка, которую позволили себе сделать «гробокопатели», сводилась к замене слова «птица» - «bird» словом «priest» - «священник». «Птица ты иль Дьявол», - говорил герой Эдгара По. «Священник ты иль Дьявол», - пели GRAVE DIGGER. На этом вся революция и заканчивалась. С трогательным сохранением имени любимой девушки, о которой тоскует лирический герой (простите за выражение).

Мыс нашим всадником Апокалипсиса, дождем из камней и сверкающим рубинами глаз Вороном все-таки выбились в «улучшатели», «модернизаторы» и «глобализаторы», не заикливаясь на трогательной истории с отошедшей в мир иной Леоно-рой и черной птицей, у которой на все вопросы был заготовлен универсальный ответ: «Nevermore» («Крикнул Ворон: «Nevermore!»...»). Границы крошечного домашнего ада несмелого в своих поступках индивидуума АРИЯ неспешно расширила до ада коллективного, всеобщего...

Вариант 2

Ночью день разорван,
Затянула раны мгла,
Смотрит черный ворон
На меня рубином глаз.

Я не суеверен,
Но мой гость пророчит смерть,
Траур оперенья -
Это траур и по мне.

Из другого мира
Ворон вести мне принес -
Скоро с неба хлынет
Из камней тяжелый дождь.

На коне крылатом
Всадник спустится за мной,
Любоваться адом
И агонией земной.

Свет ищет свет,
Тьму ищет тьма,
Дай мне ответ:
«Кто же здесь я?».

Сорок дней видений -
В Книге Жизни нет меня,
Всадником мгновенно
Сброшен в озеро огня.

Это - смерть вторая,
Раз меня в той книге нет,
Ворон это знает,
Разрывая в кровь рассвет...

Лучше всего пишется по ночам, когда беспокойные старые родители забываются тяжелым сном. Матери снятся горные разломы, Дева Мария, бегущий по пляжу Лаврентий Палыч Берия в костюме, с портфелем в руках, давно умершие родственники, убитые на войне братья.
Просыпаясь, она долго приходит в себя, стряхивает наваждение и заявляет, нагоняя тоску: «Когда я умру, везде по всему дому повесьте мои портреты, что-бы я наблюдала за вами...», Отец никогда не рассказывает о своих снах, лишь иногда он кричит, не просыпаясь, кричит страшно и надрывно. «С такой дочерью еще не так завопишь!» - предвижу я скептическую ухмылку читающих сей труд, но вежливо пропускаю этот скепсис впереди себя в открытую дверь.

Вариант 3

Ночью день разорван,
Затянула рану мгла,
Смотрит черный ворон
На меня рубином глаз.

И молчит Хранитель,
Отвернувшись от меня,
Между нами нити
Обрывает тишина...

Я не суеверен,
Но мой гость пророчит смерть,
Траур оперенья -
Это траур и по мне.

Знать, что завтра будет,
Я сегодня не хочу,
Пусть зажечь забудут
Наверху мою свечу...

Черным крылом
Солнце укрой,
В мире ночном
Я твой давно!

Странной силой полон,
Я начну свой суд вершить,
Проклятых и мертвых
Я заставлю говорить.

В спину мне вопьется
Шпиль собора без креста,
Упадет в колодец
С неба черная звезда...

Ночь безлунна,
Ночь безумна,
Я теряюсь в ней,
Нет спасенья -
Всюду тени...
Тенью черной
Вьется ворон!

Последнее четверостишие о шпиле без креста мне казалось очень кинематографичным. Этот момент был подсмотрен все в том же фильме «Омен», когда перед грозой близкого к разоблачению Антихриста священника пронзает рухнувшая с крыши железяка-копье. Окончательный вариант «Ворона» получился в результате смешения всех перечисленных вариантов с добавлением незначительной (но решающей) порции безысходности в виде припева. «Выхода нет...» Какой выход может быть у человека, увидевшего говорящего Ворона и одного из Всадников Апокалипсиса?! Таких, если они вопреки всему и остаются в живых, срочно отправляют в машине скорой пси-хиатрической помощи в Дом Дремлющего Разума, где нет дверных ручек, где царствует аменазин...

Сюжет №5

(Дубинину не показанный, т.к. судьба этого сюжета была ясна и так)

Изготовление восковых кукол и втыкание в них булавок или иголок - обычный магический приемчик, нещадно эксплуатируемый в кинофильмах с мистической начинкой. Многие маги используют для фигурок своих жертв церковные свечи. «Воск качественный», - говорят они.

Специальные иглы втыкают в человеческие тела в соответствующих точках и специалисты по акупунктуре - дело это очень деликатное, сродни магическому ритуалу, невзначай можно повредить какой-нибудь нерв, и остаться скрюченным на всю оставшуюся жизнь. 12 сеансов акупунктуры, проведенных отличным специалистом, гармонизируют организм, делают его способным петь в унисон со Вселенной.

Но на мотив «Ворона» сложился не гимн успешному иглоукалыванию, а нечто посвященное Валерию Кипелову, который в своей жизни сильно подвержен влиянию Луны, а приливы и отливы кипеловской энергии соответствуют лунным фазам. Когда при неверном сиянии здоровенной стеариновой свечи на фоне свечения телевизионного экрана (звук был отключен) писались эти строки, я знала точно, что настроение у Валерки было на нуле.

ИГЛЫ

Иглы в моем теле -
Наказанье за грехи,
Руки онемели -
Вырвать иглы не смогли!

Ты все точки знаешь,

Где больней, где холодней,
Только Ты исправишь
Жизнью сломленных людей.

Изготовь из воска
В полночь новые сердца,
Пусть неверный Космос
Затуманит нам глаза...

Ты добавишь крови,
Черной сажи в желтый воск,
Три великих слова
Скажешь в миг агоний звезд.

Мы восстанем духом,
Мы опять полюбим жизнь,
Восковые куклы -
Вне страдания и лжи.

Кипельч молча выслушал посвящение себе по телефону и ничего не сказал. Минут через пять он наверняка забыл об услышанном.

А ведь стоило бы хотя бы на 3 минуты представить себе бесконечные длинные залы с давящими на психику каменными стенами. Факелы а не электрические лампы неровным светом освещающие десятки, сотни столов, на которых неподвижно лежат десятки, сотни наших восковых двойников.

Между столами расхаживает Хозяин Мира, отнюдь не высокий, широкоплечий старик с длинной седой бородой, шелковый плащ которого ниспадает мягкими складками и почти касается мрачного векового пола.

Хозяин Мира - всего лишь Карлик, облаченный в игрушечные латы, Карлик со злыми глазами, в которых отражается стотысячелетняя мудрость всех карликов мира. Мудрость и жестокость. Когда Хозяин замечает непорядок среди воткнутых в наши тела игл - бывает, что они наклоняются или вообще выпадают, - такие же низкорослые, но не столь мудрые и жестокие слуги торопливо пододвигают ему скамеечку, украшенную сигилами. Карлик, некрасиво сопя, взбирается на подставку и ликвидирует погрешность: возвращает булавку или иглу на место, да еще старается воткнуть поглубже. И тогда у кого-то из нас разорвется сердце, кто-то почувствует чудовищную почечную колику, кто-то выстрелит не в того, кто-то неудачно влюбится.

Вот и сюжет для клипа. А «сигила» - это личная подпись Духа или Ангела и обычно применяется для построения магических Кругов и пишется на всяких та-лисманах и магических орудиях.

P.S. «Ворон» - чем не иллюстрация учений Зороастра (помимо всего прочего) о скорой гибели мира в огне; спасутся только сторонники добра? А стало быть, никто не спасется, т.к. Добро - понятие относительное.

Что бы почитать:

Элгар Аллан По. «Ворон», поэма

Пер Лагерквист. «Карлик», роман

Джулиан Варне «История мира в 10 главах»

А. и Б. Стругацкие. «Понедельник начинается в субботу»

Что бы посмотреть:

Все тот же фильм «Омен» - чтобы увидеть, как у ворона светится красным глаз «Иствикские ведьмы» (с Шер и Джеком Николсоном)

Окончательный вариант текста:

ВОРОН

(Дубинин/Пушкина)

Ночью день разорван, затянула рану мгла,
Смотрит черный Ворон на меня рубином глаз,
Я не суеверен, но мой гость пророчит смерть,
Траур оперенья - это траур и по мне.

Из другого мира Ворон вести мне принес:

Скоро с неба хлынет из камней тяжелый дождь,
На коне крылатом всадник спустится за мной –
Любоваться адом и агонией земной.

Мир обречен.

Выбора нет.

Вечная ночь

Там, где был свет.

Трижды Ворон крикнул, потемнели небеса,
Ангел мой Хранитель от меня отрекся сам.
С неба звезды пали, и в огне зашлась земля -
Всадник рассмеялся, и в огонь швырнул меня.

Все, что будет, я забуду,

Это сон чужой.

Только снова кружит Ворон,

Над землею, надо мной...

ОСКОЛОК ЛЬДА (музыка В.Дубинина)

Размер любимой песни Дубинина сыграл с нами злую шутку - стихи и стишки можно было слагать до бесконечности. Чтобы уйти в такую бесконечность, не приходилось закатывать глаза под потолок, накачиваться чаем с полезным для здоровья «Кагором» или пересматривать десятки видеомелодрам, пытаясь ухватить за волосатую заднюю лапу ускользающее капризное вдохновение.

Настроение было понятно сразу - душевные страдания. Но, как известно, страдания бывают двух видов: формальные и искренние. Хотелось бы выбрать последние. Все всплывшие сюжеты пересказывать нет смысла... (К вопросу о кате-гориях и видах чувств и поступков: совсем недавно выяснила я интересную вещь: деление греха христианскими теологами-бюрократами на действительный грех и первородный. Действительный грех подразделяется в свою очередь на смертный и простительный, и также на материальный и формальный. Похоже, большинство из нас - материальные грешники. Мы не осознаем свои грехи как грехи, не несем за свои поступки никакой ответственности...)

Сюжет №1

Один из вариантов текста строился мной как 2-я серия «Беспечного ангела», песни, которая помогла АРИИ попасть в ротацию на «Нашем радио» и речь о которой пойдет несколько позже.

... Мое воображение опять снимало короткометражный и совершенно не бюджетный фильм. Старая мечта со злобным упорством подставляла подножку: когда-то, после окончания 8-го класса, мне ужасно хотелось найти ту школу, в кото-рой обучали бы кинооператорскому мастерству. Я вбила себе в голову, что такое учебное заведение непременно должно находиться в районе киностудии «Мос-фильм». Ничего и никого, кроме Александра Борисовича Градского (певца, поэта & композитора и пр., и пр.) я в том районе не нашла. Градский в ту пору щего-лял в вытертых до неприличия на коленях вельветовых самопальных портках, в черном вытянутом свитере с продранными локтями, отчаянно ругался матом на всех, включая свою родную бабушку - бабу Розу. Старушка отвечала внуку тем же, по мере возможности кормила котлетами ораву оглоедов - музыкантов и по совместительству выполняла функцию директора сашкиной группы «Скоморохи».

- Сто рублей - таки, и «Скоморохи» будут! - с характерным акцентом заяв-ляла баба Роза телефонной трубке. Закаленная в словесных и жизненных битвах с талантливым внуком старушка, между прочим, дожила до 103 лет, и до последнего дня сохраняла ясность ума. Да будет земля ей пухом... Итак, с кинооператорст-вом ничего не получилось, и с тех пор я прокручиваю все свои фильмы в голове, выступая и за режиссера, и за оператора, а главное - за сценариста.

Представьте себе, что вы смотрите фрагменты фильма.

Большая комната. На стенах выведенные нетвердой рукой надписи «We fuck them all!», «Harley forever!», «It's road to hell». Ни прихожей, ни коридора - дверь открывается сразу на улицу, выбрасывая в уличный поток содержимое комнаты. У стены - пара мотоциклов. По комнате слоняется украшенный паутиной татуировок детина-байкер в джинсовой куртке с оторванными рукавами, в промасленных «Ливайсах». Он совсем не похож на сусальных красавчиков, которых так любят показывать в клипах на песни о проКлятых мотоциклистах. Довольно рядовая физиономия, с парой уродующих щеку шрамов.

- Я бы пошел за сигаретами... - полувопросительно, полуутвердительно произносит в никуда детина, которого дружки давно зовут «Безумным Ангелом». В перерывах между драками в пивнушках, мотопробегами и возней с мотоциклом он любит вырезать из папиросной бумаги и серебристой фольги ангелочков. Вырезает, соединяет их ниткой, протыкая фигурки в районе не существующего у ангелов пупка, и украшает ими свою комнату. Старые и свежесрезанные крылатые дебилики висят во всех углах, свешиваются со случайно, по пьянке, вбитых гвоздей, иногда воровато шуршат под ногами...

- Я бы пошел за сигаретами, - нараспев повторяет Ангел, бросая взгляд на надувной матрас, где похрапывает его подружка - Бешеная Валентина, укротившая за свою недолгую 18-летнюю жизнь не одну дюжину мужиков и байков. «Бешеная» и «Безумный» - чем не Ева и Адам нашего времени?

Валентина наотрез отказывается вставить зубы - два передних она вышибла в очередной аварии. «Плеваться удобнее, - объясняет она подружкам - поповерткам свое странное нежелание вернуть привлекательность постоянно улыбающейся пас-ти, - а потом я так протестую против обезличивающего человека американского образа жизни, нах*** посылаю этих худосочных телок с фарфоровыми клацалками!»

Она ни за что не отпустила бы Безумного Ангела, если бы не спала глубоким благодатным сном праведницы. В прошлый раз Ангел вышел за чипсами на угол, и проболтался неизвестно где месяца три...

(Примечание: моими представителями в издательстве принимаются любые продолжения начатой исто-рии, придуманные героическими людьми, читающими сей труд.)

Мелодия у Дубинина была настолько романтической и пронимающей до печенок, что, естественно, не сочеталась с реальностью сурового байкеровского бытия. Получалось нечто слезовыжимательное. То, что вы сейчас прочитаете, можно считать простой разминкой пальцев хреновой пианистки перед неизбежным исполнением второго концерта для фортепьяно с оркестром Сергея Рахманинова (гения).

ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ

Он поступил жестоко с тобою -
Сказал, что вернется, и исчез...
Слез и страданий твой друг не стоил,
А ты не любила слово «месть»...

Ты смеешься, словно плачешь,
Но не плачешь никогда,
Черным Солнцем для тебя согрета даль,
Королева Боли (фу, ты!)...
Безумная Печаль...

Ты мчалась молнией по дорогам,
В душе жил охотничий азарт,
Но у небес просила не много -
Хоть раз посмотреть ему в глаза.

Вверх, к облакам, мольба улетела,
Его сбили в ночь под Рождество,
Ты подошла и в глаза посмотрела -
А там ... отражение твое.

Кандидатов на исполнение главных ролей в придуманных под музыку композитора В.Дубинина эпизодах о Безумном Ангеле и Бешеной Валентине я среди профессиональных артистов пока не нашла. Лучшие типажи обычно скрываются среди народа. Вот досочиняюсь до чертиков, и пойду искать.

Сюжет №2

(еще одна попытка выполнить просьбу о надежде на лучшее будущее)

Есть черный след печали на солнце,
Душа поднялась, и обожглась,
Есть черный флаг за тем горизонтом,
Куда убежать душа рвалась...

Ты просила дать надежду,
Я отдам все то, что есть:
Поцелуй мой,
Свет исхоженных небес,
И дорогу к счастью
Сквозь почерневший лес.

Есть быстрый зверь и меткий охотник

Душа под прицелом пустоты,
Есть крик души в бурлящем потоке,
И крик при паденьи с высоты...

Мир продолжал вращаться устало,
А я замерзал вновь под дождем,
Мне доверять душа перестала,
Ушла неизведанным путем...

Сюжет №3

Здесь появляется странник, одетый в пурпур. Скорее всего, это очередное появление Отшельника с девятой карты Таро, которого каждый художник уродует по-своему. По духу мне ближе тот старик с фонарем, что очутился перед ползущим в гору зеппелиновским гитаристом Джими Пейджем в фильме «The Song Re-mains The Same».

- Дайте, дяденька, фонарь... поносить, - фантазируя, обращаюсь я к длин-нобородому мудрецу.

- Вместо мобильника? - ухмыляется мудрец, с наслаждением почесывая спину концом старинного посоха.

- Вместо мобильника, - не совсем уверенно говорю я, не зная точно, подыгрывать мне ему или нет. Вообще-то, старик казался совершенно своим в доску.

- Будешь искать Человека? Днем с огнем будешь искать?

- С огнем, и ночью...

- Все сначала и сдуру ищут Человека, именно чтоб с большой буквы... - задумчиво произносит Отшельник, аккуратно стряхивая с конца своего плаща кучу шаловливых любопытных муравьишек, потом принимается прикручивать в фонаре фи-тилек, - а потом бросаются на поиски денег и забывают про Человека... Деньги, деньги, всюду деньги, господи...

Вальсируя, Отшельник долго топчется на одном месте, превращаясь в удаляющийся за горизонт песчаный вихрь.

Прочь уходило холодное лето,
И мы у окна считали дни,
Шел мимо странник, в пурпур одетый,
Спросил, были ли счастливы мы...

Мы потеряны живыми
На Земле не в первый раз,
Это счастье -
Здесь никто не ищет нас,
Быть живыми трудно...
.....(ничего интересного в голову не пришло)

Он нас провел по лунным просторам,
Порой мы терялись среди гор,
Но чувство радости и свободы
Опять находило нас легко!

Он, этот странник, исчез на рассвете,
Забыв карту призрачной Луны,
Кто нам серьезно теперь ответит -
В ту ночь были ли счастливы мы?

Сюжет №4

Я знаю все, о чем ты мечтала,
Взглянув только раз в глаза твои,
В свой хрупкий мир людей ты впускала,
Ждала неземной в ответ любви.

Я боюсь, что ты исчезнешь,
Лишь дотронусь до тебя,
За тобою
Я уйду в туманный край,
Но - пока есть время -
Ты не исчезай!

Ты сотни раз в слезах умирала,
Тебя возвращали в этот ад,
Смерть верить клятвам твоим перестала,
Живи жизнью, взятой напрокат.

или

День начинаешь всегда с покаянья,
А ночь - окаянная - в крови,
Пыль стерла с книжных страниц названья,
Я нет больше лживой красоты!

И ты одна под небом осталась,
С ключом от двери, которой нет,
Я знаю все, о чем ты мечтала,
Но где тот согревший душу свет?

Сюжет №5

(без комментариев)

Мы только призраки этой Вселенной,
Хотя и не таем в зеркалах,
Мы не проходим сквозь камни и стены,
Сердца бьют навывлет боль и страх -

Я боюсь, что ты исчезнешь...

Смерть нас берет во сне и мученьях,
И крест - сторож нашей тишины,
Мы все же призраки этой Вселенной,
Но мы всей Вселенной не нужны.

Мы только призраки вечной Вселенной,
Наш мир тоньше всех других миров,
Здесь счастье легче морской белой пены,

И здесь слишком призрачна любовь.

Сюжет №6

(продолжение лунной темы. Собственно, с этого варианта, как показали раскопки, песня и начиналась.)

Я жду тебя на лунном просторе,
На той, странно темной, стороне,
Там вся печаль Земли невесома,
И жизнь в миллионы раз длинней...

Там мы не скажем больше ни слова -
Словам доверяет пусть Земля,
Свет станет в сердце оттачивать холод,
Сердца согреть на Луне нельзя.

Мы по ступеням в ночь полнолуния
Сойдем в мир, что стал давно чужим,
Вновь.....струны (или руны, на худой конец)...
И жизнь видеть с темной стороны.

Состояние - идиллия двух влюбленных друг в друга до судорог людей, одетых в скафандры космонавтов. Они плавно перемещаются с одного лунного камня на другой, безотчетно выполняя невыполнимые па в воздухе, иногда что-то внутри у заскафандренных влюбленных словно закорачивает, и они принимаются носиться по лунным пригоркам (если бы на Луне был воздух, я бы сказала «рассекая воздух со свистом», но воздуха-то нет, значит свистеть нечему). Чтобы воочию увидеть подобные полеты, рекомендую посмотреть фрагмент глупейшего, но эффектно снятого китайского фильма «Крадущийся тигр, затаившийся дракон» - там, где герои дерутся в зарослях бамбука. А у меня на Луне за любовным танцем парочки внимательно наблюдают два желтых глаза.словно кто-то великий, но похотливый и глумливый, смотрит на людей сквозь прорези черной бархатной маски, украшенной звездами. Однажды у таинственного подсматривающего в одном из сюжетов глаза уже пылали, но красным светом. Наверное, Он поменял контактные линзы.

Сюжет №7

Героя сюжета, совершенно отчаявшегося, в разодранной в припадке отчаянья тельняшке, постепенно заносит снегом на развилке дорог. Если постебаться над ним (вообще-то, стебаться над человеческими чувствами нехорошо!), то в конце концов можно превратить мученика эмоций в одинокий светофор. Если относиться к нему серьезно - пускай станет гордым придорожным крестом, почерневшим от непогоды и времени, с крохотной, известной всем фигуркой.

Я замерзаю под небом бескрайним,
Бежать нет желанья, и нет сил,
Мне никогда не узнать вечной тайны -
Зачем я на этом свете жил.

Где-то есть другое солнце,

Что согреет нам сердца,
Там, за солнцем,
Есть другие небеса,
О которых знали
Лишь двое: ты и я.

Все, что я делал, вело лишь к потерям,
Любовь принесла не свет, а смерть,
Я как безумный в проклятья не верил,
Прости, но не верю и теперь.

Снег на лице превращается в слезы,
Услышь голос мой в душе своей,
Пусть в эту полночь под небом морозным
С тобой обвенчает нас метель.

Сюжет №8

Он молча зарядит все винтовки и охотничьи ружья. Он приготовит динамит. Он еще раз внимательно посмотрит на плакаты, которыми увешаны стены заброшен-ного барака: улыбающиеся идиоты-новобранцы в ослепительно красивой форме славных десантников. За ним вот-вот должны придти те, кого он обидел. Отказался стать убийцей, да между делом проболтался одному шустрому журналюге о парочке карательных операций. Убитые женщины, дети - все такое, что тыловые крыски называют «гримасами войны». Рвы, заполненные телами расстрелянных, виновных в оказании по-мощи местным бунтовщикам. Медальон, сорванный с шеи тщедушной старушки, державшей почему-то в руках железную банку из-под английского чая «Earl Grey»... Он взорвет себя, этот барак, этих ублюдков из спецслужб. Средненький воображаемый фильмец со Сталлоне в главной роли.

Ночь - это время моих откровений,
Я сам посмотрю себе в глаза,
Боль в прошлый мир распахнет настежь двери,
Солгать и спасти себя нельзя.

Не спеши открыть всем душу,
Им нужна лишь грязь и кровь,
Только полночь
Понимает все без слов,
И утешит песней
Про вечную любовь.

Я был солдатом жестокой удачи,
Рабов неудачи в плен не брал,
Но этой ведьмой за горло был схвачен,
С тех пор я не жил, я умирал.

Шум за стеной равносителен расстрелу,
Пришло время все долги платить,
Пусть заберут мое брненное тело,
Но я не отдам своей души...

.....
Там, где застыло холодное солнце,
Мой след остался на белом снегу,
Там мое детство и битва с драконом,
Что был тенью веток на зимнем ветру...

«На снегу» и «на ветру» - не рифмуются никак, но картинка получается красивой.

"Ария Маргариты" - часть 11.

FLASHBACK

Пахнет соломой и морозом. Впереди едут сани, с них-то и падает солома. Сани будто бы вырвались из старого мира, провалившегося в прошлое, где по превращенному войной в развалины немецкому городу Инстербургу еще разгуливают бравые офицеры Рейха. Их жены еще не закопали в аккуратных немецких садах сервизы из саксонского фарфора - потом русские, одержимые идеей найти клад, острыми лопатами разобьют сервизы на сотни осколков, переименуют Инстербург в Черняховск, а территорию бывшего концлагеря застроят финскими домиками. Каскад прудов для разведения зеркальных карпов зарастет осокой и покроется мелкими белыми цветами, издали похожими на сложенные в несколько раз крылья сахарных мотыльков.

Венчало этот загубленный временем каскад черное озеро. Черное из-за того, что в его гладь смотрелись высоченные черные мудрые ели, роняющие черную хвою. Черная хвоя превращалась в торф.

Озеро, сколько я его помню, охраняло стеной странное молчание - даже лесные пичуги облетали его стороной. Нам, начитавшимся тогда Жюль Верна, казалось, что вот-вот из глубины бесшумно поднимется подводная лодка «Наутилус». Мы так и назвали это лежавшее в травяной раме бездонное зеркало - «Озеро капитана Немо».

Временами шныряющие по лесу мальчишки находили немецкие гранаты, и тогда гремели взрывы, и в семьи советских летчиков, поселившихся в немецких двухэтажных коттеджах, входила смертельная печаль...

Происходило все это неподалеку от Калининграда-Кенигсберга.

Когда-то великий философ Иммануил Кант прогуливался по улочкам Кенигсберга, не имея ни малейшего представления о том, что русские дети будут ходить в школу, в здании которой размешалось местное гестапо, что за стволами онемевших навеки елей кому-то будут мерещиться фигуры фрицев в черных шинелях и что когда-нибудь появятся волосатые «БИТЛЫ» и вкрутят молодняку свою философию жизни.

Со стариком Кантом у меня сложились, прямо скажем, непростые отношения. И он, не ведая того, приложил кое-какие усилия, чтобы отвернуть мою душу от накатанной дорожки в общество ученых лбов и спихнуть в рок-н-рольную канаву. Готовясь к сдаче кандидатского минимума по философии и уже накатав многостраничный реферат по Жан-Полю Сартру, я вдруг представила себе, как господин Иммануил Кант прерывает весьма обстоятельную ученую беседу с заезжими любителями философии и стремглав вылетает

из-за дубового стола, почувствовав начало бунта желудка. А потом долго, чертыхаясь и потирая живот, справляется с неумолимым восстанием съеденного за обедом. Несомненно, там, где начинается понос, философия заканчивается. Таким образом я совершила некое святотатство - покусилась на Бога Философии, представив его кряхтящим в клозете. «Говно - более сложная теологическая проблема, чем зло», - метко заметил чешский писатель М. Кундера, ставший столь модным в наших литературных салонах. Хотя мое посягательство на святыни - ничто по сравнению с кундеровыми фортелями, «... ответственность за говно в полной мере несет лишь тот, кто человека создал» (читай «Невыносимую легкость бытия»).

Сюжет №9 (просто баллада)

Ночь отзвенит серебряным плачем,
Луна позовет тебя с собой,
Даст на дорогу белое платье,
Коня с длинной гривой золотой.

Там, в облаках, тебя ждут алмазы -
Я мог обещать, но не дарить –
Там о тоске ты не вспомнишь ни разу,
Теперь мне с тоскою в сердце жить...

Лишь в полнолуние мы будем вместе,
Но я не смогу тебя обнять -
Ты сквозь меня пройдешь, словно ветер,
Как тень от небесного огня.

В написании этих строк повинна все та же Германия. Вернее, немецкий романтизм. А еще точнее - картина из одного немецкого замка, зафиксированное на потемневшем от времени полотне настроение. Э-э, уточню: из разграбленного замка.

Может, не совсем патриотично употреблять здесь слово «разграбленного», а стоит изобрести что-нибудь типа «экспроприированного». В 1945 срабатывала тривиальная формула: гансы-фашисты грабили и уничтожали нас, почему бы нам не ответить тем же? Эшелоны, груженные «экспроприированным» барахлом, исправно уходили на Восток. Адьютанты (или порученцы) высших чинов следили за погрузкой таинственных ящиков, не забывая и о себе. И в солдатских фанерных чемоданчиках тоже пряталось кое-что. Об этой неприглядной странице победоносного шествия к логову Гитлера отец никогда не рассказывал. Все больше про КП това-рища Жукова. Но одним долгим летним вечером, по старой доброй дачной привычке, по всей округе отключили электричество, и в сумерках, под сухонькое «венгерское» боевой летчик поведал своим детям о войне то, о чем, вообще-то, и взрослым лучше не знать.

На трофейной картине были изображены тоскливые пирамидальные тополя, листву которых уже тронула неизбежным тленом осень, и белое надгробие... Под ним, насколько я понимаю, покоилась какая-нибудь истощенная чахоткой фрейлен или же он - истощенный любовными муками душка-барон фон Тузельдорф.

В полнолуние на верхнюю плиту надгробия опускалось серебристое облачко, из которого быстренько материализовывался десяток-другой крохотных крылатых бругильд. Эти нечистюльки (язык не поворачивается назвать столь прелестные создания «нечистью») вальсировали над покойницей, заточенной в мрамор, до третьего петушиного крика. Ночь в стиле призрачных буги.

Сюжет №10

Тому, у кого нет заброшенной дачи, ее необходимо выдумать: мысленно выстроить дом с крысой-тусовщицей, жрущей пачками универсальную отраву «Шторм» и поющей после полуночной трапезы морские матерные частушки, и давно прочитанными книгами. Такой дом у нашей семьи пока есть - всего час езды на мопеде «Honda Dio» от Москвы по Киевскому шоссе. Там и живет в бессрочной ссылке по-любившийся мне Заратустра. Соседи то и дело присылают жалобные телеграммы о постоянных драках между близнецами с непонятными восточными именами типа Спента-Майнью и Ангро-Майнью. Близнецы бьют друг друга по смуглым лицам, и по всей округе расплзается вонючее зло: свиньи дохнут в глубоких канавах, тети шуры и тети нади на-ливаются самогоном и мутузят своих подверженных нападению вульгарного канцера мужиков, в домах постоянно вылетают электропробки, а у бабки Лизаветы дохнут умеющие романтически вздыхать по отсутствующему петуху куры. Но самое уморительное заключается в другом: дед Ариман, он же закосивший под местного ассенизатора князь тьмы, исподтишка норовит придушить разъезжающего на белом «Форде» красавчика Ормузда, набрасывая ему на шею шелковую удавку... И, не достигнув желаемого, в падучей бухается в ближайший затянутый зелеными бляшками пруд, и скулит в затхлой воде 3000 лет, не меньше... Короче, тусовка во-круг заброшенной дачи, с колючей облепихой вдоль забора, та еще. Именно там, как говорят тайные почитатели культа огненной воды, в 10 метрах от железнодорожного полотна и появится последний спаситель, привлеченный треском чубов дерущихся близнецов, нальет вечно хмельным жителям не то города, не то большой деревни по стопарику элексира бессмертия и возвестит тихим голосом о рождении нового мира.

А ведь именно здесь когда-то вовсю функционировал завод грампластинок, явивший населению СССР первый виниловый «арийский» альбом под названием «Герой Асфальта».

Где Зороастр, там и Заратустра. А где Заратустра, там и Владимир Петрович Холстинин, собственной персоной. В окружении ковыляющих на кривых корнях банды диковинных комнатных растений и аквариумных рыбок, выписывающих дивные пи-руэты на мокрых хвостах (перевожу фразу с моего языка на язык обычный, бытовой: В.П. любит разводить цветы и аквариумных рыбок).

Вдыхая аромат жареной картошки с луком, просачивающийся от соседней через допотопную вентиляцию, я решила сделать маленький ответный подарок Петровичу. Както, будучи в хорошем настроении, он подарил мне плюшевого щенка-долматинца, белого «в черную пятнышку».

- Ох, музыканты, наверное, часто тебе что-нибудь дарят? - с белой завистью спросила моя приятельница, большая любительница всяких побрякушек. - Столько песен ты с ними наваяла...

- Ага, дарят... Догоняют и еще добавляют, - мрачно ответила я, но не стала дальше развивать столь скользкую для моего имиджа тему.

Итак, посвящается (в очередной раз) Холстинину. Всем встать. Женщины могут сидеть.

Там, где всегда бродил Заратустра,
Орел сбросил перья, стал змеей,
Лев с мягкой гривой стал тенью грустной...
Тот лев, что склонялся пред тобой.

Там, где учил людей Заратустра,
Овраг неопознанных смертей,

Блеск не корон, в коронок тусклый,
Следы мародеров всех властей...

Там, где ловил лучи Заратустра,
Никто и не вспомнит, что он был,
Гимн в честь вражды слагают искусно
Рабы, сверхлюдей стирая в пыль...
Одиночество и солнце...
Быстрый ветер под рукой...
Заратустра,
Рассказавший танец свой -
Музыка забыта
Стареющей Землей.

«Блеск не корон, а коронок тусклый» - имеется в виду золотые зубные ко-ронки, которые вырывали фашисты у своих жертв, прежде чем отправить в печи концлагерей или расстрелять...

Текст не просто посвящался Петровичу и кумиру его юношества господину Ницше - он был написан под впечатлением от очередного полива всего, что было когда-то создано и придумано в литературе, искусстве и философии, группой (стаей) молодых журналистов. По разработанной ими схеме: Ницше - дебил, притом напрочь закомплексованный, о Марксе с Энгельсом и говорить нечего - параноики (хотя, на мой взгляд, именно в наши дни их стоит прочесть повнимательнее); писатели, что были до нас, - дерьмо; музыка, сочиненная до нас, - отстой; солнце над головой - хамло; луна в облаках - и та лесбиянка.

Сюжет №11

Количество более или менее внятных сюжетов до двенадцати дотянуть не удалось. А жаль... Хотя, помнится, были заготовки и для 13-го, и для 14-го, но их благополучно переварил обжора-мусоропровод.

- А не рассказать ли нам, что стало с героями нетленной «Улицы Роз»? - спросил Дуб, измученный поисками согревающей басовую душу темы, - Через 15 лет, скажем... АРИИ - пятнадцать, этой парочке - пятнадцать, Он ей дат знак, она разбила к едреной фене часы, и пустилась во все тяжкие.

- Н-да, он любил и ненавидел, - произнесла я нараспев, уже заглотив крючок дубининского предложения. Наверное, во мне есть что-то рыбе... Например эта привычка заглатывать наживку на беду закинувшим удочку рыбакам. Попа-дающая вместе с крючком в мой организм субстанция вызывает некий процесс брожения мысли, и я через какое-то время выплескиваю на владельцев удочки ушат сюжетной бредятины пополам с малиновым вареньем.

Итак, герои «Улицы...» уже через полгода наверняка достали друг друга в своем раю в шалаше. Какие там пятнадцать лет! Особенно этот вывод верен, если учитывать, что Он был поэтом (варианты: художником или музыкантом, нуждающим-ся в постоянной подпитке вдохновения отнюдь не при помощи наблюдения за про-гулками своей возлюбленной со случайными кавалерами: «Ты хороша, как прежде, я знаю, но нет больше денег, нет любви!»). Честно сказано, по-нашему, по-бразильски, по-детройтски или по-сиетловски: «по money, по honey» - нет де-нег, не получишь меда.

Новые экономические реформы окончательно разбивают мечты наших героев. Он не желает променять возвышенный труд поэта на пот и брань строителя, скажем, Третьего транспортного кольца. Она чувствует, что шейпингом и массажем дело не спасти. Детей, слава Богу, нет. Некому требовать дорогушие шмотки, бабки на наркоту или пиво, нет

проблем с ранней беременностью или сифилисом. Глухие стены вокруг, ни одной двери со спасительной надписью: «Реальный выход». За стеной точно так же, словно слепые мыши из компьютерного мультлика «Шрек», бредут соседи по земному общежитию. Все они (впрочем как и мы) зависят от движения одного пальца Того, Кто Наверху. Нет, они не стали братья за руки и нырять с 15-го этажа вниз головой, пытаясь наказать своей смертью ненаказуемых. Они уже стали взрослыми и мудрыми, и приняли самое верное в такой бытовой ситуации решение: уходить огородам и, по одному. Кто-нибудь да останется в живых.

Что с ними случится через следующие 15 лет, не знает никто. Может, и помрут, и будут похоронены в сопровождении лохматых кладбищенских псов в общей могиле за счет города. Каждый имеет право представить себе вероятное развитие событий. Ясно одно: как ни верти, жизнь не проходит бесследно, даже если ты изо всех сил стараешься стереть следы показной беспечностью и пофигизмом. У кого на душе после всего пережитого остается лежать камень, у кого -свинцовая гирька, а у того, кто некогда подал знак «бросить свое ремесло», в сердце - осколок льда.

У читавших в детстве книги Ганса Христиана Андерсена, знаменитого сказочника и, кстати, великого чернушника, возникнет ассоциация с мальчиком по имени Кай, которого увидела жестокая Снежная Королева и увезла в свои ледяные покои (современные исследователи андерсеновского наследия могут усмотреть в этом проявления педофильских наклонностей почтенного господина). Каю в глаз попал осколок зеркала, и он видел только правильность тех фигур, которые складывал из льда. А складывал он и никак не мог сложить слово: «Вечность». Попал осколок и Каю в сердце.

- Ну и хитрая же ты, - изрек один из моих шапочных знакомых, обривший наголо черепушку и зачитывающийся брошюрой «Черная Магия Адольфа Гитлера», - совсем уже зашифровалась! Ты ж замахнулась на магическую космологию Ганса Гербигера, на его учение о мировом льде... А герой твой - беглый нацист, сохранивший в душе верность своей партии и идеям фюрера, в том числе и этой теории...

Знакомый нехорошо подмигнул, лихо опрокинул стакан «Спрайта», смачно рыгнул пузырьками, и исчез. Хорошо еще, что он не бросился измерять всем «арий-цам» и мне черепа, дабы убедиться в нашем соответствии нордическому идеалу, и не стал выкладывать известное число пустых винных бутылок в форме свастики, чтобы отметить летнее солнцестояние, как это делал седовласый Гвидо фон Лист...

По версии бритоголового слушателя АРИИ, невинный, лирический, предназначенный для голоса Кипелова в сопровождении симфонического оркестра «Осколок льда» являл собой выплеск тоски чуть ли не эсэсовца из числа ребят Гимmlера, его ордена Мертвой головы. (Который, между прочим, занимался изучением рунического оккультизма.)

Стоп. Самое главное - вовремя остановиться!

«Наконец-то у тебя получилась песня, равная «Tears of Dragon», - сказал, прочитав утвержденный Виталиком вариант текста, Холстинин. Кто из нас был по этому поводу счастлив больше, неизвестно.

Заключение: Спросите меня, какая песня на этом «арийском» альбоме мне нравится больше всего. Я отвечу: «Штиль».

Что бы почитать:

Гвидо фон Лист. «Тайна рун»

Г.Х. Андерсен. «Снежная королева»

Э.М.Ремарк. «Три товарища»

Жюль Верн. «80 000 лье под водой»

Ф. Ницше. «Так говорил Заратустра»

Окончательный вариант текста

ОСКОЛОК ЛЬДА (Дубинин/Пушкина)

Ночь унесла тяжелые тучи,
Но дни горьким сумраком полны,
Мы расстаемся, так будет лучше,
Вдвоем нам не выбраться из тьмы.

Я любил и ненавидел,
Но теперь душа пуста,
Все исчезло, не оставив и следа,
И не знает боли в груди осколок льда.

Я помню все, о чем мы мечтали,
Но жизнь не для тех, кто любит сны
Мы слишком долго выход искали,
Но шли бесконечно вдоль стены.

Пусть каждый сам находит дорогу,
Мой путь будет в сотни раз длинней,
Но не виню ни черта, ни Бога,
За все заплатить придется мне!

ПУТЬ В НИКУДА

Сюжет №1

Как уже не раз бывало в работе с «арийцами», все началось с проникновенной просьбы Кипелова написать песню о нем, вечно ищущем, уставшем и еще надеющемся, обожающем Оззи Осборна.

Первый вариант был исполнен быстро, как говорится в срок, и полностью совпадал с высказанными Валерием пожеланиями. Представим, что в момент написания текста на дворе был понедельник.

ГОЛОСА ГРОЗЫ

Только небеса
Вниз опустят плеть
Ветра и грозы,
Слышу голоса
В голове моей –
Шепот и мольбы.

Словно все желанья снова,
Те, что сжег дотла,
Оживают и зовут меня...

Я хочу бежать -
Ноги вязнут вдруг

В глине и песках.
Я хочу летать -
На смерть заключают (но не заблюют!)
Птицы в облаках.

Против всех течений плыл бы,
Только рок мой злой
По теченью гонит парус мой.

Хей, жизнь моя!
Почему ты так груба со мною ?
Хей, смерть моя!
Рано слушать мне твой тихий романс,
Хей, жизнь моя!
Может быть, я все же большего стою,
Хей, дай мне шанс,
Я заставлю замолчать голоса.

Маска приросла
К моему лицу:
Я для всех герой,
Победитель Зла,
Преданный кресту (условно строка),
Но для себя - чужой...

Голоса грозы все громче,
Все трудней дышать,
На свободу просится душа!

Появлюсь однажды незнакомцем
В той стране, где правят духи сна,
Для себя найду немного солнца
В реках, что сковала льдом зима...
Обернусь не волком - быстрой птицей,
Незаметной в утренней листве,
Тенью крыльев пробегу по хмурым лицам
Тех, кто приковал себя к земле...

Голоса желаний снова
Тех, что сжег дотла,
Оживают и зовут меня.

Наступила среда. Кипелычу захотелось в тексте уйти в глубоко личное, вос-поминания теснили грудь певца. «Взгляд из прошлого, словно выстрел в темно-те!» - воскликнул он. Пожалуйста! Кто бы возражай.

... Учась в институте, мы ходили по вечерам стрелять в тир, который был расположен в одном из переулков, что вблизи Красной площади. Стреляли из винтовки ТОЗ-12, представляя, что перед нами не просто мишени, а китайские сол-даты. Тогда отношения у нас с китайцами были напряженные, в народе ходили страшные рассказы о том, как на сотни вторгшихся к нам сынов Великого Кормчего Мао Дзэдуна обрушивается огонь установок «Град», как вот-вот сбудется биб-лейское пророчество о походе Востока на

Запад, и Запад будет сметен с лица земли... Из пистолета стрелять получалось гораздо хуже...

Выстрел в темноте,
Белый взрыв в глазах,
Я ослеп на миг,
Кто-то захотел
Разбудить мой страх.
Разбудить мой крик,
Но я сам услышал голос,
Он звучал внутри,
Голос растревоженной души,
Верил в миражи,
Слушал дураков,
Ожидал чудес,
И мираж ожил –
Ты легко, без слов
Появилась здесь.

(вариант:
Прошлое мое
Обретает плоть,
Смотрит свысока.
Белое плечо
Раскаляет ночь
И скользит рука...)

Все мои желанья снова,
Те, что сжег дотла,
Оживают и зовут меня...

У меня свой мир,
И его менять
Я бы не хотел -
Хоть и метким был,
Честно говоря,
Выстрел в темноте!

- Чересчур личное, - откровенно молвил в пятницу «Золотой Голос АРИИ» и задумался.
- Но ведь так оно и есть!

Всегда около музыкантов вьется искусительница. Не обязательно модель, а, например, какой-нибудь квадратик на толстеньких ножках, с увесистой попкой, еле уместяющейся в бархатном носовом платке под названием «юбка», Память ус-лужливо предоставляет мне видение трех околomuзыкальных дев, с визгом прорвавшихся в гримерку. Ни охрана, ни бдительные старушки удержать их не могли. Одна из такой породы тусовщиц, помню, говорила мне возмущенно: «И почему они смотрят на нас как на блядей? Я охраннику ору: «Пусти, идиот, мне только пописать!». а сама - шмыг! - и к мужикам в комнату». С точки зрения ортодок-сальных бабулек, они и впрямь на букву «б».. - в боевой раскраске, несет от нее пивом вперемешку с духами, грудь - колесом и ходуном. Готовность номер 1. «У-у, рожа бесстыжая!» произносит в сердцах бабулька и смачно сплевывает на пол. Такие девчонки - словно переходящие знамена: их обычно передают из рук в руки, с рук на руки, и о том, если известный музыкант по пьяни или по трезво-му умыслу переспал с

одной из «знамен», моментально узнает широкая тусовочная общественность. И даже если музыкант не переспал, а, скажем, в процессе душевительной беседы руку на плечо положил, обнял - «знамена» придумают и рас-пишут все громким голосом в таких красках, от сочетания которых волосы папуасов моментально выпрямятся и превратятся в славянскую солому. О подобных от-чаянных «музах» социологи пишут, что рок их интересует до той поры, пока они не подцепят на концерте или на входе-выходе из зала какого-нибудь мужичка или парнишку и не женят его на себе.

Но не будем дальше развивать столь болезненную для обеих сторон «женскую» тему: ненароком можно обидеть сотни и сотни вполне вменяемых поклонниц груп-пы, не страдающих отклонениями на сексуальной почве и бешенством органов, расположенных в нижней чакре.

- В припеве лучше поставить «Путь в никуда»... - начал в субботу Кипелов. - Ты не против?

- Конечно, нет, - я действительно была не против, но сразу поняла, что весь перец выветривается. И тот, который горошком, и тот, который молотый. Валерка смикширует тему, и от предполагаемой вначале исповеди лирического ге-роя останутся рожки да заплесневелые ножки, т.е. копытца.

Что получилось в результате, каждый может услышать на альбоме. В кипеловский процесс стихосложения я не вмешивалась.

В исламе ад представляется огнедышащим кратером, через который перекинут узкий мост. Чтобы попасть в рай, души умерших людей должны пройти по этому шаткому сооружению. Если ты грешник, то точно упадешь с моста и угодишь в пылающее варево. Интересно, перешли бы «арийцы» по этой досочке в своем пусть экспериментальном, но путешествии по ту сторону жизни?

Окончательный вариант

ПУТЬ В НИКУДА

(Кипелов/Кипелов, Пушкина)

Вспышка в темноте, яркий свет в глазах,
Я ослеп на миг,
Кто-то так хотел разбудить мой страх,
Разбудить мой крик.

Снова все мои желанья, что я сжег дотла,
Оживают и зовут меня.

Я все время плыл по теченью дней,
Были сном мечты,
Но мираж ожил: словно жадный зверь,
Появилась ты,

Я твое дыханье слышу за своей спиной,
Только ветер глушит голос мой.

Путь в никуда...

Я кричу, но мне в ответ ни слова.
Путь в никуда...
Из-под ног моих уходит земля,
Путь в никуда...
Я искал к тебе пути иного,
Путь в никуда...
Ничего уже исправить нельзя.

«Для героев - рай, ад - для дураков»,
Я такой как есть,
Осветил мне грань, где легко пропасть,
Выстрел в темноте.

Голоса грозы все громче, все трудней дышать.
На свободу просится душа.

Пусть душа моя кричит от боли,
Пусть в глазах стоит густой туман,
Лучше камнем вниз, чем жить по чьей-то воле,
Этот путь я выбрал сам.

Снова все мои желанья, что я сжег дотла,
Оживают и ведут меня...

ПАУЗА

"Ария Маргариты" - часть 12.

Работа закончена, тексты отпечатаны и сданы. Больше от меня ничего не зависит, Теперь можно придумать что-нибудь для души, без последующих подгонок под придуманные не тобой стандарты. Можно поупражняться в словоблудии.

Ты бросил школу,
Стал модным ди-джеем,
Мамаша лезет на стену,
Мамка просто звереет,
У нее новый муж,
По счету сто первый,
Ей надо выглядеть
Розовым пупсом,
Ты портишь ей нервы...

Твой папаша -
любитель жизни, как ты,
Весь в ярких тату:
Рожки, сиськи, хвосты,
Он играет в рок-группе,

Матерится по ходу,
Дед пел в хоре церковном,
Знай нашу породу!

Твои поганки-подружки
На тоненьких ножках,
Дуют пиво в подъездах,
Вопят, как сексуальные кошки.
Твой приятель Димон
Вышел вон из окна,
Но орел из него получился -
Беда...
Кто-то в танке сгорел,
Кто-то сгинул в подвале,
Кто-то налысо бреется -
Его в нацисты позвали,
А у тебя дядьки в черном
Выдувают мозги,
Мозги местным жителям не нужны,
Дядьки в черных плащах,
В плотных черных перчатках
Режут скальпелем
Тонкие нити украдкой.
Это нити-антенны,
Это связь с космодромом,
Который
Пока
Ты зовешь «космодремом» -
Оттуда идеи летят звездным комом.

Без этой нитки, что идет от макушки,
Ты станешь сыном обычной кукушки,
Ты станешь мясом для чокнутой пушки,
Ты станешь мышью в поганой ловушке,
Ты станешь простым пожирателем пива,
Который занят процессом
Залива и слива
Под каждым кустом, за мусорным баком.
Ты станешь болваном под кличкой «Вакуум»,
На радость умным бродячим собакам.

Дядек, которые перерезают нить, связывающую тебя с космосом, вообще-то втолкнул в мой мир безумный Стивен Кинг. Еще он изобрел термин «низкие люди» и одел этих людей в желтые плащи. Всегда жалко, когда кто-то за минуту до те-бя успевает придумать что-то классное. Иногда читаешь книгу и чертыхаешься: «Обскакали, да как классно обе какали! А я все - потом, потом, потом да по-том... Нет чтобы сейчас!», И вместе с сожалением накатывает волной совершенно другое настроение.

Я открываю новое - тебя,
Придуманного вечером не мною.
Быть просто рядом - горькая судьба,
Ноя довольна горькою судьбою.

Чем ближе, тем известнее все то,
Что лучше бы оставить неизвестным,
Быть просто рядом - гордо и светло,
А горечь убаюкать можно песней.

Я открываю новое - тебя,
Ты можешь стать в последнем приближенье
Похожим на стареющего пса,
Которому не выдали печенью...

Но во время паузы разрешается сольное исполнение и совсем других пьес. Например, глядя на какого-нибудь пижона, затянутого в 40-градусную жару в фирменную кожу с ног до головы, с сережками и колечками во всех видимых и невидимых местах на бледном теле, можно быстро-быстро продекламировать:

Идешь себе по дороге,
Солнцем палимый,
Такой великан - весь в коже,
Крутой и непобедимый,
Висят на носу капли пота,
От пота под курткой - болото,
В сапогах ручной работы
Ноги сопрели.
Жара, как в Лесото -
А это Африка!
О, это Африка!
Аф-ри-ка!

Или при виде дурашливого прыщавого детины, который обижает бездомных нюхальщиков клея, можно проорать:

Эй, ты! В кожаной куртке!
Что за привычка отнимать
У карапузов окурки ?

Что за привычка воровать
Ништяки
У такой же бездомной братвы,
Как ты?

Все люди - братья,
Даже если нет дома,
Все братья и сестры,
Даже те, кто живет вне закона.
Сегодня ты - здесь,
А завтра ты - там,
Где можно
спьяну получить
по зубам,
Где можно
запросто съехать с ума,

Не успеv
послать всю эту братию
на.

Проорав, насладившись видом испуганной тетки, торгующей молдавскими поми-дорами по цене испанских апельсинов, имею полное право расслабиться и насочинять пару душещипательных медляков по просьбе сентиментального тренера по футболу, черной своей шевелюрой слегка смахивающего на знаменитого аргентинца Диего Марадону периода буйного марадоновского расцвета. Даже мелькает предательская мыслишка - не предложить ли спеть эти, с позволения сказать, романсы Кипелычу и не выпустить ли их на сингле? «Нет, - твердо отвечает Валерий Александрович на мое гнусное предложение, - пусть романсы поет Носков, а я бы спел что-нибудь блатное... Нет, скорее лагерное, но серьезно».

Музыку к стихам сочиняет все тот же футбольный тренер, и пропевает их с должным надрывом и тоской. На кухне.

РОМАНС 1

Ты странная сегодня и чужая,
Не плачешь, не смеешься, а молчишь,
Молчишь все утро, с интересом наблюдая,
Как снег летит на землю с белых крыш.

Я словно вычеркнут тобой из этой жизни,
Ты слышишь звук совсем других шагов –
Он шел к тебе по мокрым грустным листьям
С букетом неизвестных мне цветов.

Тишина...
Ах, какая вокруг тишина!

Между нами - стена не стена,
Тишина.,,
Во сне прочитано тобою снова имя,
Которое шептала столько раз,
Мы странные сегодня и чужие
На фоне падающего с крыши серебра.

Тишина...
Ах, какая вокруг тишина!
Между нами - стена не стена,
Тишина...

РОМАНС 2

Никто не может нам с тобой помочь,
Никто не скажет вслух такого слова,
Чтоб перестала причитать над нами ночь,
Набросившая на сердца свои оковы,
Никто не может нам с тобой помочь...

Никто не может нам смотреть в глаза -

Боятся утонуть в чужой печали.
Мы оказались тоньше хрупкого стекла,
А все считали - мы из равнодушной стали,
Никто не может нам смотреть в глаза.

Никто во всей Вселенной не спасет,
Никто во всей Вселенной не поможет,
Я поклонюсь тебе, благодаря за все,
Благодарю за все... Но все же...
Никто во всей Вселенной не спасет!

Никто не сможет нас остановить,
Мы разбросали камни и собрали,
Не надо сладких песен о большой любви,
Ни друг, ни враг ее в лицо не знают!
Никто не может нас остановить...

...а я врубаю на полную мощь «Yellow River» старой и доброй группы «Christie».
...Жила-была в нашей старенькой больной всякими напастями стране другая страна. Ну, как матрешка в матрешке... И звали эту самую внутреннюю страну-матрешку Попсоголией. Жители, соответственно, значились в налоговых инспекци-ях как «попсоголики, попсоголички и попсогольцы». Одевались жители очень ярко, модно, и волосы красили ярко, модно, и выражались они тоже ярко, модно - громко так матерились. И все свободное от неработы время пели разнообразные «тру-ля-ля» и вертели во все стороны света аппетитными попками. Как те самые последние кубинцы-кубаши, которые со своего Острова Недоеденных Сокровищ все никак не доплывут на автомобильных покрывках до позеленевшей от статуиной свободы рогатой тетки с FУСК-елом в натруженных руках.

А в аккурат через центр этой самой Попсоголии проходит изгородь из колючей проволоки и разделяет территорию на две неравные части. Чистокровным по-псогольцам отошла при разделе земельной туши та часть, что побольше, а ту часть, что поменьше, отвели под выпас остатков некогда великой рок-нации, которые никак не желали кидаться в кислотный чан и мутировать в радужных тру-ля-листов. Равно-правие и чистейшей пепси-колы демократия царит в Попсоголии благодаря Ее Главной Направляющей Силе - всегда облаченной в бронезилет, зеленые очки для подводного плавания и ботинки на настоящем гусеничном ходу. С периодически постреливающими горохом атомными пушечками.

Остатками же некогда великой рок-нации и не пытается управлять здоровенный детина - жилетка на голое зататуированное до невозможности тело, вонючие от долгого ношения джинсы, побитый сединой хаер до пупа - с протетым в пуп алюминиевым колечком для штор... Детина как подойдет по весне к колючей огра-де, как начнет колотить в волосатую грудь натруженными музыкой кулачищами, как заорет дурным от гормонов голосом: «Girls!!! Дым над водою!!! Огонь в не-бесах!». Несовершеннолетние попсоголички - в ярких шортиках, наманикюренные, напудренные, причепуренные - шнырк!.. к ограде и строят детине глазки: «Ну, блин, дядя, вы и крутой!». А за спиной у детины земля родная ходуном ходит, гвозди каленые из нее веером вылетают, настоящие мужики в настоящих портках, как настоящие опята, вылезают из настоящих землянок, настоящими чужими черепами на конопляных веревочках крутят... И, кажется, контакт между мирами уже налаживается, вот-вот вместе песню о пожаре в небесах затянут, исторический сейшен устроят и исполнят Великий Танец Положенной Ориентации, сметая посты-лый забор... Не тут-то было! Этаким гарпуном из штаба по охране попсогольского порядка выскакивает Главная Направляющая Сила и кричит так, что вроде бы с уже горящих

небес штукатурка сыпется: «Стоять!!! Говнорок - на конюшню!!! Старперов - на мыло!!! Черепа - на пепельницы!!! Волосенки - на парики!!! Кто продвинутый - брысь от проволоки!!!». Матерясь потихоньку и вихляя попками, боясь уронить высокое звание попсоголической продвинутой, малолетки уныло плетутся по домам. Пялиться на двух рекомендованных свыше козлов: эмтвишных Бивиса с Батхэдом, учиться у них положенным теперь нормам русского разговорного языка, ставить минусы и плюсы указанным модным танцам... И втайне мечтать о крепких объятых колоритных старперов да о душевном говно-роке, под который отменно идет клюквенная настойка с исконно русским названием «Мо-роз»...

Детина с вверенными ему мужиками по ту сторону проволочного ограждения идут к себе в кузницу. И куют там, и куют. Качественный мужской тяжеляк. Ку-ют... А нация Попсоголии стареет. Нация вымирает...

2000 И ОДНА ПЕСНЯ О ЛЮБВИ АРИЯ, Сборник

Рано или поздно любая хард-метал-групп а выпускает сборник лирических пе-сен или баллад. АРИЯ занялась этим дамоугодным делом скорее поздно, чем рано, - пираты давно уже составили свои альбомы и успешно их продавали, то и дело нещадно перевирая названия песен. Баллад в классическом понимании у «арийцев» набиралось не много, потому в «2000 и одну песню» вошли их главные «слезные» хиты и упражнения на вечную тему любого творчества «я да ты, да мы с то-бою»... Но совсем без новых песен компакт выпускать было все-таки неудобно. «Подумаешь, - сказали бы фанаты, - перепели старье, и радуются!» И требуемые народом свежайшие ду-шезавлекательные медляки выдал Сергей Терентьев. Вполне возможно, что достал он их откуда-нибудь с заветной полочки, из заветной баночки или даже из спичечного коробка. Вполне возможно, что раньше эти песни были какими-нибудь «молотилолками» или «крушилолками». Процесс довольно быстрого превращения различных быстряков в медляки или, наоборот, медляков в бы-стряки с ветряками неоднократно описывался на страницах различных журналов и книг, посвященных рок-музыке, и он свидетельствует об одном: у рокеров Ничего никогда не пропадает, у них в цеху хорошими темпами развивается безотходное производство. Холстинин в процессе нашего с Терентьевым хороводовождения вокруг сюжетов для песен чему-то все время улыбался. Вообще-то, его улыбка всегда обещает в жизни нечто сногшибательное. Когда, например, тебя сшибает с ног какая-нибудь гадость на скейтборде, и ты лежишь потом этакой яичницей на асфальте, пытаешься сообразить, жива ты или уже нет. А гадость, проехавшая по твоим кос-тям, уже веселится наверху горы. - Вот что, ребята, где-то читал я... - начал Петрович, гипнотизируя нас взглядом зеленых глаз, как это делает опытный удав с неопытными кроликами, - любовь...туда-сюда...страдания, герой остается один, но ему удастся отделать-ся от душевной боли, навечно навесить ее камнем на сердце бывшей подруге... Такая передача боли эстафетой давно не давала «арийскому» гитаристу покоя...

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ (музыка С.Терентьева)

Сюжет №1.

Читался Терей и Холстом в автобусе по пути на Байк-шоу, в гости к Хирургу, предводителю московских «Ночных волков».

ПОСЛЕДНИЙ ТРОФЕЙ

Одно лишь желанье
Стать холодней, нем камень,
Быстрее, чем ветер...
А ветер догнать нельзя.

Как павшая крепость,
Дом мой в лучах рассвета -
Проиграна битва,
Ее проиграл не я!

Эта боль -
Твой трофей, а не мой,
Эта боль -
На всю жизнь, навсегда,
Твой черед
Ощутить, испытать эту боль,
Принимай последний мой дар!

Ритмичная осень
Дождями все беды косит,
Не сбиться бы с ритма
По дороге в новый день!

Там, солнцем пронизан,
Брошу любви свой вызов,
В другом измеренье
Ты вновь ответишь мне...

Эта боль -
Твои трофей, а не мои...

Одно лишь желанье -
Стать холодней, чем камень,
Быстрее, чем ветер,
А ветер догнать нельзя!

Пусть будет, что будет,
Здесь нет беспристрастных судей,
Проиграна битва,
Ее проиграл не я...

- Что-то тебя на двусмысленности потянуло, - сказал мне по поводу этого варианта человек по кличке Брат Брюс, прозванный так из-за своего внешнего сходства с вокалистом IRON MAIDEN, - о каком таком последнем даре поет, торжествуя, твой герой в припеве? Он ее СПИД'ом, что ли, наградил? Сифилисом? Дескать, я пошел, а ты страдай, лечись и помни? Идея, конечно, неплохая, но Кипелов не панк, чтоб такие песни петь... Да и панка полноценного здесь не получается, матерка и грязи не хватает. Брат Брюс всю свою сознательную жизнь - а жил он на земле уже 35 лет - был провокатором-любителем. Доступ к Интернету дал новый стимул для развития его провокационного таланта: он часами бродил по виртуальным просторам, ругался на открывающуюся его взору всемирную информационную помойку и под раз-ными никами захаживал во множество чатов. Посетив несколько сайтов металличе-ских групп и

пообщавшись с тамошними обитателями, Брат Брюс долго чесал в затылке, прежде чем изречь: «Не понимаю, как вы для них пишете... Почти везде одно «э-э», «ы-ы», «по пиву» да «по бабам». Можно на любом варварском наречии для них бацать, все равно пороссячий визг стоять будет, главное - чтобы ваш Кипелыч рот раскрывал и героические позы принимал... А с юмором у ваших подопечных вообще засада... Чуть что - сразу или на х . . или в морду. Нация вырожденцев». Обижаться на Брюса и доказывать, что не все такие, как он думает, было бесполезно. Двойник Диккинсона вошел в раж: «Зарабатывать деньги на недоумках нечестно, - перешел он на соль первой октавы, - вы ж не попса какая-нибудь, вы ж взрослые люди! Посмотрите на себя со стороны! На себя по-смотри!». Пришлось украдкой взглянуть в зеркало - действительно, ничего хорошего я там не увидела. Все те же джинсы, все тот же свитер, рыжий хаер, бледная фи-зиономия человекасовы, ведущего в основном ночной образ жизни, Тетка «меж времен и лиц». Кошмарный ненавистный курносый нос. От папы достался. Краситься толком не умею, модное шмотье пропадает в бутиках без меня. Юмор какой-то сомнительный, дикция ни к черту, у ног - собака не породистая. Руки-крюки - вся техника ломается только при одном моем приближении. Солидности - ноль, и еще раз ноль. «Ненавижу я тебя, Пушкина, - бросила я своему отражению, но Брюсу сказа-ла: злой ты, дядя, бешеный. Ну не удались мы - что ж, стреляться теперь? Лю-дей обижать не надо, в них порох-то еще не отсырел!» Брюс выразительно покру-тил пальцем у виска и скрылся. С тех пор я видела его имя один раз - на форуме сайта Маврика, где он высказывался по поводу религии. Правит всем Высший Абсолют. А земляне у Высшего Абсолюта вроде как дрессированные обезьянки... Хюп! - и нет дрессированных обезьянок. Нет землян. Нет моего курносого носа. И деревни Суконники, откуда наш пушкинский род пошел. Высказывание Брюса из форума быстро убрали.

Сюжет №2

БОЛЬ

Играю без правил,
Сегодняшним днем отравлен,
Из пепла пытаюсь
Воскресить наш прошлый день.

Вчерашние ласки -
Так ли они опасны?
Вчерашние клятвы -
Последний выстрел в тень.

В кипящую реку
Срываюсь опять с разбега,
Но дважды не вступишь
В один и тот же поток.

Я понял,
Но поздно -
Ты все приняла серьезно,
Я слое утешенья,
Увы, найти не смог...

Одно лишь желанье -
Стать холодной, чем камень,

Быстрее, чем ветер,
А ветер догнать нельзя!

Не знаю, что будет,
Кто завтра тебя разбудит,
Но в следующей жизни
Ты вновь найдешь меня.

Сюжет №3

Вечер. Захотелось подпустить немного своего любимого, призрачно-мистического. Вспомнился отчаявшийся Христос из черного мрамора, застывший в нише кирпичной стены Донского монастыря. Желтые листья, красно-бурый камень, чернота одеяния Спасителя, который, в какой бы точке ты ни стоял, внимательно следит за тобой. Если возникнет желание познакомиться с ним поближе, войдите на территорию монастыря, пройдите немного вперед и сверните направо, мимо надгробий старых масонов... За вами может увязаться занудливый охранник, не давая подойти к Христу, со стороны жилых помещений к вам могут направиться черными антирок-н-ролльными воронами чересчур бдительные обитатели келий. «Хватать! Чужих не пускать!» Раньше наша компания приходила сюда запросто, за монастырскими стенами царила удивительная тишина, словно кто-то действительно Всемогущий и Заботливый вырезал кусочек этого мира из общего полотна и давал входящим и вписывающимся в него возможность насладиться покоем... Мы шли к всепонимающему Христу в нише, мимо тяжелых каменных саркофагов со всевидящим оком на крышках, заодно заходили и в часовенку, где сидел другой, тоже черно-мраморный, Christ, разведя в изумлении руки... Та скульптура Антокольского называлась, кажется, «Христос в пустыне».

- А не скажете ли Вы, - очень вежливо обратилась я к местному монаху, уже полчаса бубнившему, что во время службы посторонним находиться на территории монастыря запрещено, - а не скажете ли Вы, куда перевезли скульптуры Анто-кольского из этой...
- Не знаю я никакого вашего Антокольского, - оборвал меня на полуслове монах, зыркнув глазом, - а находиться посторонним на территории во время... и т.д., и т.п.
«Рост количества монастырей и церквей в наши дни, - примерно так писал умнейший человек прошлого француз Виктор Гюго в романе «Отверженные», - сви-детельствует лишь об упадке государства». Да с цитатником Гюго к нашим вла-стям не подъедешь... Когда неулыбчивый монах не дал мне посмотреть в глаза печального Иисуса, я еще раз пожалела, что не наделена способностью ни испепелять взглядом, ни проходить сквозь камни...

Судя по тому, что происходит на родных просторах и в головах наших государственных управителей в отношении религии, очень скоро на Руси будет введе-но принудительное или насильственное крещение... Как некогда, в конце X века, князь Владимир загонял киевлян в Днепр, а потом послал Добрыню в Новгород приводить к истинной вере язычников-новгородцев «огнем и мечом». «Огня и ме-ча» в наши дни в прямом смысле может и не быть, но черные списки нехристей, не постящихся, как наипервейшие госчиновники, стукачество на не выказывающих должного почтения к ликам и благостным лицам священнослужителей, решающих по-литические и государственные проблемы (а ведь церковь законом отделена от государства!), освящающих депутатские бани и пр., - войдут в обиход и станут неотъемлемой частью напряженной жизни россиян XXI века.

Нет, не найти нам золотой середины - чтоб не шарахаться от одной крайно-сти в другую: сначала взрывать храмы, расстреливать священников, а потом с помпой и под истошные вопли неофанатиков строить новые, холодные дома Бога, вместо больниц, приютов и

библиотек... Отличный, между прочим, сюжет для очередной фантазии. Надо бы подумать.

(...Последняя моя попытка свидеться 19 февраля 2002 года со стоящим в ни-ше странным Спасителем закончилась неудачей: всю территорию Донского монастыря перегородили металлическими заборчиками с угрожающими табличками «Проход запрещен». Охранники, выслушав мою просьбу пропустить к Христу, терпеливо объясняли: «Не положено. Говорят, когда снег растает... Когда весна наступит. Сейчас никак нельзя. И фотографировать нельзя. Только с разрешения Наместника». - «Да мне бы на минуточку», - вяло продолжала я терроризировать стражей монастырского покоя, краем глаза наблюдая за двумя смешливыми монашками... Трое теток с бесноватыми глазами носились от одной церковной лавки к другой, вырывая друг у друга из рук какую-то бумажную иконку. Кусты монастырских роз, укутанные по случаю зимы мешковиной, напоминали расставленные в некоем тайном порядке чьи-то отрубленные головы... Как поступила бы я, окажись на месте Отца-Наместника? Если бы вот так приперлась ко мне какая-нибудь обу-реваемая сомнительными идеями обнародовать любимую скульптуру дамочка? «Конечно, конечно... - сказа-га бы я и не думая ставить всякие перегородки-загородки на монастырских тропах, - проходите, дочь моя! Запечатлейте образ Спасителя нашего, донесите его до страждущих этого дивного света! Да снизойдет на них благодать...» (или что-то в этом роде, за правильность выбранной лексики не ручаюсь, но настроение должно быть именно таким). Вот если скажет так священник, тогда можно считать, что он отработал свое звание «ловца душ человеческих». В противном случае - считайте, что десяток-другой душ возможных истинно поверивших он отпугнул от Храма и дела своего.)

"Ария Маргариты" - часть 13.

Очередной вариант текста:

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Неясные тени
Сети плетут на стенах,
И ты постепенно
Превратишься в тень сама.

Все вечные страхи
Станут никчемным прахом,
Вчерашние слезы
Смахнет ночная тьма.

Засыпай (ага, вот оно!)
На руках у меня засыпай,
Без обид и стыда
Засыпай!
Под шаманство дождя
Засыпай...
Я уйду,

(Но) чуть позже... прощай!

Легка и свободна,
Ты делаешь что угодно,
Проходишь сквозь камни
К тому, кто так любим.

Бросаешь всем вызов,
Но вызов тоской пронизан,
Крик тени неслышен,
Смех тени неуловим!

А новый день снова
Солнце мешает с болью,
И жить снова страшно,
Еще страшней умереть...

Твой сон - твоя крепость,
Ночь красит черным небо,
Ты ждешь, чтобы тени
Смели на стенах сеть...

Вполне осборновский вариант по духу, особенно если перевести на английский.
«Жить снова страшно, еще страшней умереть» - в несколько измененном виде эта строчка переключается в другую терентьевскую песню. Я воспроизвела слова одной милой девушки, испуганной взрывами домов в Москве и несколько дней спавшей в парке на лавочке. Почему все-таки одна строчка может кочевать из текста в текст? Да потому, что, если идея или образ хороши, но они не проходят музыкантскую «цензуру», их жалко, и хочется куда-нибудь пристроить. Так никто не делает? На здоровье, пусть не делает. У меня один из дедов одно время был крепким хозяином, середняком. У него ничего в хозяйстве не пропадало, видимо это дедушкины гены не дают мне бросать ценные мысли на ветер.

Сюжет №4
(уже ближе к окончательному варианту)

От края до края
Небо в грозе сгорает,
И в нем исчезают
И надежды, и мечты...

Ни пепла, ни дыма,
Печалью невыносимой
Душа захлебнется
С наступленьем темноты.

Никто не заметит,
Как быстро наступит лето,
Как белое войско
Вновь отправит к нам зима.

А жизнь все короне,

И все беспощадней ночи,
И тени с рассветом
Похищают имена.

Хозяин Вселенной,
Дай мне разрушить стену!
Ее ты построил
Между миром всем и мной,

Стою на дороге,
Один в грозовом потоке,
Изранен грозою,
Рожденный вновь грозой...

Вот где собака, т.е. пес, т.е. Горец зарыт! Представляю старика Кипелыча, объятого сотней светящихся белым змеек на фоне грозового неба, с развевающимися волосами, с безумным взором. Вот он, став Бессмертным, поднимает вверх руки, туда, куда имеет обыкновение на скоростном лифте подниматься Хозяин (он же Мастер) Вселенной. Молнии - удар за ударом, жало небесного огня уходит в землю у самых валеркиных ног, и вот вокалист растет, растет, пропитанный див-ным живительным электричеством, и заполняет собой все поднебесье.
Н-да, красиво, но не прошло!

Сюжет №5
(слюнявый)

В нем появляется еще один уже хорошо узнаваемый фанатами фрагмент окончательной версии.

Люблю больше жизни
Голос такой капризный,
Люблю смех твой громкий
И всезнающий твой взгляд.

Когда засыпаешь -
Ангел к тебе слетает,
Смахнет твои слезы,
И домой летит назад.

Во сне хитрый демон
Может пройти сквозь стены,
Дыханье у спящих
Он умеет похищать,

Бояться не надо,
Моя душа будет рядом,
Твои сновиденья
До рассвета охранять.

Твой крест я на плечи
Взял бы, но я не вечен,
Исчезну я первым,

Стану гостем тишины.

Но там, во Вселенной,
Встретимся непременно,
В другом измеренье
Разгадаем наши сны.

Получился романс стареющего джентльмена, спетый его нимфетке Лолите. Джентльмен прекрасно понимает, что отправится на тот свет раньше своей возлюбленной, ибо анализы его неудовлетворительны, лейкоцитоз повышен, белок в моче, электрокардиограмма ужаснула домашнего доктора... Возможна злокачественная опухоль за мозжечком, неоперабельная.

«Дыханье у спящих...» - у Стивена Кинга есть рассказ, впоследствии экранизированный, из серии детских кошмаров. В комнате маленькой девочки, за стеной, живет дрянной упыренок, который после полуночи выбирается из своей норы и крадет у спящей малютки дыхание. Родители думают, что этим богопротивным делом занимается кот тигровой масти, и пытаются усыпить котяру. Животное чудом убегает из клетки смертников в ветлечебнице и успевает как раз вовремя: обнаглевший упыренок вот-вот отправит на тот свет спящего ангелочка. Естественно, происходит смертельная схватка, в которой принимает участие даже «вертушка» с поставленной на нее пластинкой (Стивен Кинг, как известно, большой любитель рок-н-ролла). Упыренок размазан героическим котом по стенам, все счастливы. Но вот глаза у кота-спасителя мне что-то категорически не понравились: глумливые какие-то, с явным подвохом... Недосказанность висела в воздухе, отчаянно хотелось второй серии, но ее не последовало: видимо, снимавшийся в фильме кот просто перебрал валерьянки.

Сюжет №6

Из всего вышенаписанного постепенно складывался окончательный вариант, ставший, к нашему удивлению, хитом. Процесс изготовления окончательной версии «Рая» можно проиллюстрировать цитатой из классической оперетты «Нищий студент»: «Берем полкружки красного, берем полкружки белого, взбалтываем, пьем... Красное ударяет в голову, белое ударяет в ноги, а когда они встречаются, то не знают, куда кому идти... Так мы остаемся трезвыми...».

Мучаясь над припевом и заметая на обшарпанный совок для мусора кучи разорванных на мелкие клочки бумажек с карандашными каракулями, я сочинила еще один вариант, специально чтобы прочитать его Холсту.

Петровичу очень нравились выражения, подсмотренные в одной из песен Яна Андерсона из группы JETHRO TULL, - «святая невинность» и «святая простота» с альбома 1991 года «Всплытие зубатки».

Она повернулась и взглянула на меня,
Эта святая невинность,
А в ее чистом взгляде - выражение вечной печали.
На мгновенье она задержала свою маленькую руку на моем колене,
Я притормозил.
Она вышла из машины и зашагала прочь.
Странная штука - мудрость одиночества,
Странная штука - очарование юности.
А теперь ты уходишь. Святая невинность.

Сметала я, значит, кусочки бумаги в могильные холмики и напевала себе под нос:

От края до края
Небо в грозе сгорает,
В огне исчезают
И надежды, и мечты.

Одна на дороге
Идешь в грозном потоке,
Совсем не боишься
Наступления темноты!

Легка и свободна,
Ты делаешь что угодно,
Святая невинность,
И святая простота.

В любовную реку
Бросаюсь я сам с разбега,
И сам понимаю,
Что бросаюсь не туда.

Наступит ли завтра?
Думать об этом не надо!
С рассветом - наступит...
Этот мир устроен так:

От края до края
Небо в грозе сгорает,
Следа не оставит
В нем святая простота...

Святая простота, или сама невинность, довольно легко трансформируется в богохульствующую стерву, стреляющую сигареты и деньги на пиво. Таков неумолимый закон человеческой природы.

Ну, а Холста я с удовольствием сняла бы в короткометражном фильме по песне Яна Андерсона. И ехал бы наш Петрович по дороге в своем «Москвиче» цвета морской волны (иных марок машин он пока не признает, отличаясь в своих авто-мобильных пристрастиях от прочих «арийцев»), ехал бы на какой-нибудь рок-фестиваль типа «Нашествия», и села бы к нему в авто какая-нибудь милая девуш-ка в белой блузке...

А потом (замедленная съемка) вышла бы из автомобиля и встала на обочине, насквозь пробиваемая лучами заходящего солнца...

Качали мы, качали терин шедевр и так и этак, убаюкивали, и сами не заметили, как в припеве оказался «потерянный рай». Вроде ткнули с Кипеловым пальцем в пустое небо, а угодили в сердце солнца...

Тема потерянного рая через некоторое время вдруг оказалась очень популярной и у попсовиков. Может, конечно, я страдаю манией величия, но зазвучала она после рождения «арийской» песни. Меня не оставляет ощущение, что они постоянно подсматривают в замочную скважину дверцы в стене, разделяющей поп- и рок-мирки. После нашего «Короля дороги» и диппелловской «Звезды Хайвея» у певца Валерия Меладзе появилась «Королева автострады»: о крутой девахе, красящей губы черной помадой и призраком гонящейся по шоссе.

Вот о рае, потерянном в районе снегов Килиманджаро, запел Фил Киркоров (какая-то то ли темная, то ли белая богиня охмуряет в этой песне героя), и какой-то успешно клонированный менеджментом мальчуково-девчачий коллектив сбавал нечто весьма танцевально-эротическое на эту же тему.

Действительно ли потерянный рай находится там, где неба кончается край, как постановили мы? Если посмотреть на решение этого трудного географического вопроса глазами древних китайцев, то получится, что он размещается где-то в Центральной Азии и представляет собой сад, населенный драконами мудрости... Там, в этом саду, есть и озеро драконов, из которого берут свое начало четыре главные реки мира - Оке, Инд, Ганг и Нил (я попробовала себе вообразить этот речной узел, и не смогла, китайка из меня никакая получилась).

На самом деле Потерянный Рай-символ духа, нечто недостижимое, сродни островам Блаженных, призрачному Эльдorado...

Текст песни у самых разных людей вызывал самые противоречивые чувства. Каждый раз, встречаясь со мной у подъезда, журналист Антон Климов, сын из-вестного кинорежиссера Элема Климова, начинает возмущаться: «Ну нельзя же так, Маргарита! Ну что это за халтура! «Засыпай!». Сначала «байк, а не лиму-зин» в «Беспечном ангеле», а теперь «засыпай!». Да, «Беспечный ангел» был беспощадно обруган одними и принят на ура другими. Точно такая же история повторялась и с «Раем». Оправдываться, доказывать свою правоту или обижаться - зачем? На обиженных воду возят. Самое главное - относиться ко всему, в том числе и к самому себе или к себе самой, с юмором, тогда здоровее будешь, дольше проживешь.

- А ты представь, - прервала я поток климовских междометий и вскриков, - вот такой клип: сидят «арийцы» в подвале старого полуразрушенного дома, трясут по привычке головами, терзают гитары, Кипелов в очередной раз выдает «За-сыпаем!». И огромный, гремящий всеми частями тяжелого своего тела, бульдозер наезжает на отжившее свой век строение... «Арийцы» поднимают головы, видят в подвальных окнах огромный бульдозерный ковш и слышат зычный крик прораба: «Засыпай на фиг!!!».

- Ну, тогда другое дело... - милостиво вздохнул Климов-младший и отправился домой - включить систему, ставить «Ночь короче дня» и петь-кричать вме-сте с Валерием гордые слова о вершине и трех царских птицах.

Окончательный вариант текста:

От края до края
Небо в огне сгорает,
И в нем исчезают
Все надежды и мечты...

Но ты засыпаешь,
И ангел к тебе слетает,
Смахнет твои слезы –
И во сне смеешься ты...

Во сне хитрый демон
Может пройти сквозь стены,
Дыханье у спящих
Он умеет похищать.

Бояться не надо -
Душа моя будет рядом

Твои сновиденья
До рассвета охранять.

Засыпай,
На руках у меня засыпай,
Засыпай
Под пенье дождя,
Далеко,
Там, где неба кончается край,
Ты найдешь потерянный рай.

Подставлю ладони -
Их болью своей наполни,
Наполни печалью,
Страхом гулкой пустоты.

И ты не узнаешь,
Как небо в огне сгорает,
Как жизнь разбивает
И надежды, и мечты.

КТО ТЫ? (музыка С.Терентьева)

Тема бродила-ходила где-то рядом, но стоило протянуть к ней руку, как она ускользала, словно ящерица - Хозяйка Медной горы... От музыки веяло холодом, измученный ожиданием Терентьев клялся и божился, что «ни сном ни духом не ве-дает, о чем все это - может, о девушках?».

Из двух песен, предложенных Сергеем для альбома баллад, вторая мне была симпатичнее по музыке, чем та, которая стала впоследствии «Потерянным раем». Зеленоватые искры, пробегающие по мрачным стенам, многократное эхо... Вспоминаю, как однажды зимой, в пустой квартире, когда время перевалило за полночь, вдруг ощутила я чье-то присутствие. Собаки тогда еще у меня не было, и некому было рычать, вздымать дыбом шерсть на загривке и высматривать в конце коридора гостя или гостью из потустороннего мира. Я зажгла во всех комнатах свет, включила на всю мощь магнитофон, но, пока не зазвонил телефон, - кто-то ошибся номером, - страх не исчез.

Ровно полночь.
Слышу тихий голос -
Шепчет имя,
Плачет и зовет меня,

И белым туманом
На стеклах чей-то вздох оставлен,
И гаснет вдруг пламя,
Хотя нет ветра.
Вижу тень я -
Некто в черном у окна.

Московский дом 58-го года постройки превращается в готический замок. На массивном столе, рядом с бронзовой чернильницей с фигурой мудрой совы на крышке - череп, напоминающий о том, что все мы смертны... Или вместилище жизни и мысли. Недоделанная чаша из двух полусфер, одна из которых символизирует силу духа, другая -

все земное. Налитое в череп темно-красное вино не выпито - оно пролито на темную поверхность стола и расплзлось причудливыми пятнами. Одно пятно напоминает очертания сгорбленной человеческой фигуры.

Кто ты? Наказанье или милость?
Кто ты? Отрекаться не спеши...
Кто ты? За душой моей явилась?
Только
Нет
Души.
Проклят,
Брошен,
Словно камень с неба,
Страшно падать,
Только жить еще страшней...
Все помнить,
И жаждать
Любви, но быть распятым ею,
И мчаться
К безумью,
Услышав голос...
Ровно полночь -
Снова тень идет ко мне.

Существовал еще один вариант припева:

Кто ты? Знак, что послан мне Всевышним?
Кто ты? Знак, что послан черной тьмой?
Кто ты? И в аду есть передышка,
Сжался надо мной!

Концовка сюжета предполагалась другая: обитатель готического замка случайно задевает стоящую на столе вновь зажженную свечу...

Отправлю
В огонь я
И дом свой,
И полуночный голос,
Быть лучше
Бездомным,
Чем слыть безумным!

И тогда:

Пляшет пламя -
Плача к небу рвется тень.

Плачущая тень могла прихватить с собой и хозяина замка. Компьютерная технология позволяет.

Последние кадры придуманного мной печального фильма представляли бы собой трансформацию картины художника Эль Греко «Толедо в грозу» - в полотно под

названием «Толедо, объятые пламенем». Все-таки во мне погиб великий поджигатель. Наблюдавший за творческим процессом издали Петрович уже по ходу записи заменил «только жить еще страшней» на «только ждать еще страшней», убрав конкретность. Ждать чего? Окончания падения? Смерти? Холодного прикосновения тени? Завралась я что-то, сами тени прикоснуться к материальному объекту не могут. Дубинину не очень понравилось, как Валерка спел бриджи... Короче, песню «закопали». А зря. Такого настроения обреченности, страха, такой драматичности, пожалуй, нет ни одной из «арийских» песен. Пару дней работы - и она засияла бы миллионами осколков оконного стекла, лопнувшего от напора толедского пламени.

Что бы почитать:

Джон Милтон «Потерянный рай», «Возвращенный рай»

В. Набоков «Лолита»

Что-нибудь из Стивена Кинга, например «Оно» (2 тома) или «Сердца в Атлантиде»

Что бы посмотреть:

«Горец», «Горец-2», «Горец-3» и т.д. (смотреть можно задом наперед)

"Ария Маргариты" - часть 14.

ГЕНЕРАТОР ЗЛА

АРИЯ, 1998 год

«Тур в поддержку альбома «Генератор Зла» - эти слова звучат словно музыка. Представьте себе огромную афишу в любимых «арийскими» фэнами черно-красных цветах (с небольшим добавлением желтого), с надписью готическими буквами «Генератор Зла» по соседству с плакатом, где по зефирно-розовому гляncу растекаются Николай Басков или Киркоров в перьях.

Если кто-то в шутку назвал невинных младенцев «машинками по производству какашек», то как можно назвать ум человека, постоянно выдающий идеи уничтожения неполноценных рас, установления мирового господства, отработки техники точечного бомбометания за счет уничтожения целых жилых кварталов, больниц и детских садов (например в Югославии), создания благоприятной среды для развития всяких смертельных бактерий, микробов и т.д. Всех придумок не перечислишь, в черный список заносишь лишь первые, всплывшие в памяти. Поезда с ядерными отходами - ложись на рельсы, не ложись, - все равно пойдут по назначению, при молчаливой поддержке большинства аборигенов. Большинство устало сражаться с более грамотным и изворотливым меньшинством, поставившим себе на службу всю махину аппарата оглушения, принижения и стирания в пыль человеческих личностей под заунывную песню о победе демократии на российских просторах... Когда-то Роберт Кеннеди, американский сенатор и брат убитого в Далласе рыжеволосого президента США Джона Кеннеди, сказал: «Чужую демократию мы называем чистой воды демагогией, а свою демагогию - чистой воды демократией».

Пупки - вперед, выброс ноги от бедра, вставные зубы... дебилы, потягивающие шампунеобразную «кока-колу», постоянно жующие, чавкающие, трахающиеся с кем попало, забившие гигиеническими тампонами все извилины в башке, уже не способные

реагировать на мало-мальски политизированные действия. Осуществление плана космических пришельцев о превращении бывшей 1/6 части суши в аномальную зону происходит ускоренными темпами... Под скучные рассуждения ку-хонных философов о том, что такое Добро и что такое Зло.

СМОТРИ! (музыка В.Дубинина)

Начиная писать тексты для этого «арийского» альбома, я мысленно представила такую картину: лежу в глубокой канаве, на склонах которой растут роскошные лопухи-мутанты. Смотрю в горящее своей безупречной голубишной небо. В него серебристыми веретенами впиваются стартующие ракеты. Одна из ракет загружена музыкантами АРИИ, их женами, детьми, внуками и правнуками, гитарами, примочками, неменяемыми от усталости техниками... Меня забыли здесь, на Земле. Нет, я не обижаюсь, я привыкла к такой забывчивости, давно придумав оправдание людям, всю жизнь певшим написанные вместе со мной хиты: «Настоящие поэты должны умирать в Нищете, в канаве...». Хотя слово «поэт» с трудом отношу к себе, это звание обязывает к слишком многому, оно ассоциируется с огромной гранитной глыбой и с высеченным на ней профилем потомка арапа Петра Великого. Конечно же, не поэт, а кружевница - личность, плетущая словесные кружева, преимущественно черного цвета с тонкой металлической ниткой. Еще более приземлено - словоукладчица, т. е. та, что укладывает слова в предложенные рамки.

Первый вариант текста на первую песню назывался «Гром» - имелся в виду гром при старте целого десятка стальных корпусов, начиненных ультрасовременной электроникой, на борту которых в нетерпении увидеть новое поле для экспериментов томятся десятки людей - убийц своей же планеты.

Вспоминается примерно такое (за точность не ручаюсь, черновики утеряны):

Прощай, дряхлая Земля,
На тебя никто не держит зла,
Но будущего нет у твоих детей.
Наш век мчится на закат,
Прямиком в банальный жаркий ад,
Золотит свой трон хмурый Водолей...

Постой, время есть взглянуть
На свой дом, пока не начат путь:
Ты с рожденья был винтиком машин -
Машин для штамповки слов,
Мертвых тел, юродивых шутов,
Сексуальных воин женщин и мужнин...

Берем Космос под контроль -
Для своих придумаем пароль,
Чтобы в новый мир не проник чужой.
Но мы смертны, как и все,
И, когда начнется сбой систем,
Вспыхнем над Землей ярко звездой.

В последней строке можно было бы предложить коллективное самоубийство отработавших свое десантников-помощников: «Вспыхнем над Землей ядерной звездой!». Бридж получался несерьезный, чернушный по-школьному, в духе крылатой фразы «одной

ногой уже в могиле»:

Пока мы здесь -
Одной ногой,
А другой
Мы шагнули в мир иной...

Следующий вариант был позабористей и воплощал устрашающий рассказ Холста о вычитанной им где-то теории: то ли Бог, то ли Дьявол внедрил человека в организм Земли своеобразной смертельной клеткой, чтобы он уничтожил ее, а заодно и себя самого. В далекие времена оранжевых настурций пророки-хиппи любили рассказывать притчу о цивилизации, которая словно скорпион жалит самое себя ядовитым хвостом прямо в голову. А я тогда, под впечатлением от видения вредного насекомого-самоубийцы, нарисовала на большом листе ватмана постер. Так назывались модные в дни торжества хиппизма разноцветные картины, выполненные волнистыми линиями и в определенной цветовой гамме - использовались все цвета радуги. Чтобы лучше представить себе такую технику рисования, можно полюбопытствовать и взглянуть на оформление альбома «Disraeli Gears» супергруппы THE CREAM.

На моем постере была изображена загаженная нефтепродуктами река, На одном берегу среди выродившихся агав, спиной ко мне, сидел хип в яркой жилетке... Я всех рисованных человечков сажала либо спиной к зрителю, либо строго в профиль, анфас никак не получался - рисовальщица из меня никакая, но ведь хочет-ся... Предполагалось, что хип смотрел на противоположный берег, где росло непонятное дерево с голубым стволом, изумрудной кроной и вплетенными в нее розовыми цветами, а за несколькими безликими небоскребами на огромной металлической треноге висел Третий Глаз, Всевидящее Око. Куда делся этот милый постер, ума не приложу. А розовые цветы на деревьях, сродни изображенным мною под музыку с первого альбома группы LED ZEPPELIN, я увидела гораздо позже, на Кубе...

Смотри. Дьявол или Бог
Нас внедрить
Смертельной клеткой смог
В организм Земли, чтоб разрушить все,
И мы разъедаем мир,
Силы у Земли все меньше с каждым днем...

Смотри! Наши корабли
Через миг покинут ад Земли,
Назовем себя «сталкерами звезд»...
А там все начнем с нуля,
Новый мир облепим словно тля
И вживим в него человечью злость...

Строка, давшая название всему альбому, «наш ум - генератор зла» появилась позже, в процессе переименования и переделки множества версий и предложений...

Окончательный вариант текста:

Смотри, близится финал,
Этот век все силы растерял,
Словно старый зверь, раненый зимой.
Вокруг - кладбище надежд,

Вечный страх и торжество невежд,
Будущего нет здесь у нас с тобой...

Смертельный яд
Кипит в морях,
Кислота - вместо снега и дождя...

О, веры больше нет,
Смыт надежды след,
Ни любви, ни жизни!
О, скоро грянет гром
В небе голубом,
Словно горькой тризны звон.

Смотри, ядерный фонтаном
Из глубин разумного рожден,
Адские лучи убивают жизнь,
Наш ум - генератор зла,
Черным дням и войнам нет числа,
Не остановить этот механизм.

Смотри, начался отсчет,
Может быть, нам снова повезет
В океане звезд и других планет,
Прощай, кладбище надежд,
Вечный страх и торжество невежд,
Здесь у нас с тобою будущего нет!

ГРЯЗЬ (музыка С.Терентьева и В.Кипелова)

Неправ ТОТ, кто видит в этой песне продолжение истории «арийского» героя, в свое время подцепившего подругу на Улице Роз. Главная тема «Грязи» отнюдь не продажная любовь и не ссора со второй половиной, а то состояние, в которое навечно впадает человек, имеющий в кармане неиссякающую кучу золотых. «Какая грязь, какая власть... И как приятно в эту грязь упасть!»

Интересно наблюдать за людьми, живущими под лозунгом господина Мефистофи-ля «Люди гибнут за металл» (эту ставшую расхожей дьявольскую фразу всю эксплуатировали журналисты в дни массовых стычек металлистов с «люберами»). Природа человеческая такова, что деньги чрезвычайно быстро превращают некогда тощую нищую личинку в самодовольную гусеницу, которая уже никогда не станет легко порхающей радужной бабочкой, трансформируют любого муравья-революционера в злобного паука-консерватора. У меня на глазах несколько музыкантов, бывших задиристыми фрондерами, голодавшими и оттого сочинявшими веселые, отлично лежащиеся на слух песни, превратились в памятники своему собственному хамелеонству - стоило им только правильно уловить настроение постперестроечного ветра и перевести паровозики своего творчества на рельсы «дико-го» капитализма. И вот уже одна такая парочка заседает чуть ли не в Президентском Совете по госпремиям.

- А что, слабо мне госпремию выписать? - в шутку осведомляюсь у одного из этой парочки, некогда уплетавшего за обе щеки котлеты, приготовленные со знанием дела моей матушкой, и по причине перманентной бедности носившего парадный мундир моего батюшки (правда без шитых золотом погон). - Я вроде у вас в единственном числе такая ненормальная... И альбомов сколько...

- Да ты что? - грозно сверкает на меня стеклами пейсовских очков знаменитость, наконец-то написавшая за 15 лет постоянного повтора старых песен две новые, - знаешь, сколько своих в очереди стоит!

- Ладно, - не унимаюсь я, - тогда дай 300 баксов на видеомэгафон... Да не мне, не тряпись, а для детского отделения 15-й психбольницы... Главврач просил... Я тебе чек принесу, не бойся, в карман не положу твои денежки!

- Не дам, ни копейки не дам... - лицо рок-знаменитости заметно побагровело, - с какой стати? Пусть государство...

- Да ладно тебе выпендриваться, ты же миллионами ворочаешь! Крещеный к тому же, добро должен творить, Господа Бога своего слушаться... А Господь Бог твой даже самым заядлым скупердям делиться велел...

- Велел, - в голосе приятеля слышится звон нешуточной стали, - но я считаю, что слабому нечего делать в этой жизни. Если ты слаб. тебе лучше умереть...

- А дети, больные раком? Ты и им не поможешь? В онкоцентре лекарств не хватает и фруктов... Мои знакомые из группы ОПТИМАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ скидывались и бананы ребятам возили...

- Ну и дураки. Если у тебя нет средств, чтобы существовать...

- Сдохни, - заканчиваю я фразу за звезду рок-России.

- Да если у человека не завалилась в кармане штука баксов, я с ним и разговаривать не буду!

- Чего же ты тогда со мной разговариваешь? У меня в кошельке 300 рублей и мелочью червонец...

- Ты у нас юродивая... Что с тебя взять? Если совсем обнищаешь, возьму усадьбу сторожить.

И на том спасибо старому приятелю, с которым мы знакомы столько лет... Сторож - занятие почетное, особенно для отставных словоукладчиков и словоукладчиц.

Перспектива валяния дурака в канаве несколько отодвигается. Осенью, когда барин с семьей улетает в Ниццу или во Флориду, можно лисички и рыжики собирать в еще не окончательно загаженных подмосковных лесах и раскладывать для просушки на буржуазно, вызывающе белой крышке концертного рояля... Можно прикормить целую стаю разнокалиберных бродячих собак, братьев и сестер моих по духу, и научить их не просто выть на луну, а по очереди, музыкально, чтобы выстраивался натуральный домажор.

Пару альбомов назад АРИЯ пела в жесткой «Раскачаем этот мир»: «Здесь для слабых места нет, для слабых места нет...». Имелось в виду, что в этом жестоком мире нет места ДЛЯ СЛАБЫХ ДУХОМ, но не телом. Говорю об этом здесь, чтобы сразу лишить возможности людей, формально заучивших написанные мной «арийские» тексты, с глумливой улыбочкой напоминать: «А сама-то разве так думаешь? А как же тогда припев в «Раскачаем...»?».

«Грязь», пожалуй, самая легкая для запоминания песня на «Генераторе...», Народ с удовольствием подхватил припев, сочиненный Терентьевым с помощью Кипелова, и, не особенно вникая в смысл текста, радостно выкрикивал ключевые слова уже при первом концертном исполнении этого произведения.

Альтернативных сюжетов на серегину мелодию не предлагалось - текст писался легко. Кипелов с удовольствием произносил слово «маневр», подчеркивая «е». «Так Суворов в кино говорил», - пояснял мне Валерка.

Окончательный вариант текста:

За дверь я выгнан в ночь,

Но выйти вон и сам не прочь,

Ты без меня хоть застрелись,

Все решат, что это твой каприз.
Повтори его на бис.

Да, я уйду, и мне плевать,
Ты знаешь, где меня искать,
В квартире красных фонарей
Я смогу тебя забыть быстрее -
Это дело двух ночей.

Но хватит врать и все время хитрить,
Здесь всех за деньги несложно купить.

Какая грязь,
Какая власть,
И как приятно в эту грязь упасть,
Послать к чертям манеры и контроль,
Сорвать все маски, и быть просто собой,
И не стоять за ценой.

Вокруг - живой товар,
В сердцах - мороз, в глазах - пожар,
Я выбрал ту, что выше всех,
Мой маневр имел большой успех
В доме сладостных утех.

Она молчит, она не пьет,
Не тербит, не пристаёт,
Она послушна и умна,
Все умеет, что уметь должна,
Счет оплачен мной сполна.

ДЕЗЕРТИР (музыка В.Дубинина)

Маленький фильм о парне, который бросил оружие, отказался стрелять в та-ких же, какой, и пошел домой,.. Не зная дороги, слушая голос сердца. Ему ка-залось, что самая яркая звезда на небе, названия которой он никогда не знал, должна была вести его в родные края... Шел он по предательски чистому белому снегу, и на снегу отпечатывался каждый его шаг. О чем думает солдат, горный егерь, посланный в погоню за своим же братом, оставившим поле боя? Почему в России родители прячут на чердаках своих детей, сбежавших прямо из поезда, идущего в Чечню?

«Да, я сам военный, и знаю, что такое приказ, - полковник честно смотрел мне в глаза, - но я сам сказал своему сыну: будет возможность - беги... Им даже толком не показали, как обращаться с оружием. Один раз ребята стреляли из автомата. Один раз! И он бежал... И я теперь прячу его...»

Почему Америка так ценит своих солдат, что за смерть четверых парней, убитых неизвестными, готова разбомбить целую страну? Почему в США антивоенное движение в конце 60-х и в начале 70-х было сродни урагану, а у нас - несколько человек с плакатами у здания Министерства обороны и отчаявшиеся женщины из Комитета солдатских матерей? Кого волнует далекая война, если ее посланцы не стучатся к тебе в дверь? Тебя? Не ври!

... Герой моего фильма-песни «Дезертир» не смог перейти через перевал, прорваться через

враждебный черный лес. Едва ли парень знал, что в мифологии лес зачастую ассоциируется с дорогой в царство мертвых... Не захотевший уби-вать так и остался лежать в снегах, без роду и племени. Вне закона. Распял сам себя, да пройти по воде не успел!

Утро в декабре туманом окутано,
Под ногами белый снег-предатель -
Виден каждый шаг, и холоду лютому
Слишком просто сладить с тобой.
Все трудней дышать пронзительным воздухом,
Все труднее небу слать проклятья,
Все трудней бежать - полжизни ты отдал бы,
Чтоб забыть тот бой за спиной.

Ты теперь дезертир,
Вне закона, знай - правды не найти,
Ты теперь просто цель
Для винтовок сотни горных егерей.

О, каким будет завтрашний день
В этом мире большом и враждебном?
Кто пройдет по бурлящей воде?
Кто напрасно распнет сам себя?
Это судьба, это судьба...

За спиной земля атакой разбужена,
Небо там горит над головою,
Ты не стал стрелять,
Ты бросил оружие
И послал к чертям этот ад.

За спиною бой - преступный ли, праведный?
Истина войны размыта кровью,
Где свинец слепой отчаянно правит бал,
Кто убит - тот светел и свят.

Ты теперь дезертир,
Вне закона, знай - правды не найти,
Ты теперь просто цель
Для таких же смертью меченых парней.

Утро в декабре туманом окутано,
Возродилось из ночного праха,
Оборвался след, и с каждой минутою
Все темней таинственный лес.
Ты лежишь в снегах ~ без роду и племени,
Пулею убит, а может, страхом,
В ледяных цепях ты стал вечным пленником,
А душа блуждает где-то здесь...

ПЫТКА ТИШИНОЙ (музыка В.Дубинина и В.Холстинина)

Одна из моих любимых песен на альбоме. Из-за ее настроения. Каким бы взрывным человеком не был Дубинин, состояние одиночества им изучено досконально и перенесено на холст «Пытки...».

Сюжет

(так и оставшийся на бумаге)

- Мы как-то сидели... то ли в кафе, то ли в привокзальном ресторане, - поведали мне музыканты нехитрую историю, - и к нашему столику подошла девчонка... Знаешь, такое существо, возраст которого сразу не угадаешь... То ли десять, то ли сто лет... Долго стояла, наблюдала за нами, потом попросила сига-рету, дали сигарету, попросила кофе... Стандартная схема... «Вы что, музыканты? - говорит и странно так ежится, словно мерзнет. - Я сразу догадалась... Едете куда-то? Возьмите меня с собой! Я вам пригожусь...» А куда мы ее возьмем? Зачем она нам, эта старая малолетка? «Ты подошла и застыла у стола» - так начинался сделанный по следам этого рассказа вариант текста. Мальтийский крест на шее, шрамы на запястьях - следы неудачных попыток покончить с собой, косуха с чужого плеча. Таких существ воспитанные люди называют «зверьками». Зверек в каменной ловушке, Все равно с кем, все равно куда. Мать и отец необязательно должны быть пьяницами. Они могут быть вполне состоятельными уважаемыми людьми, но достали своими нравами... достали всех, В психушку сдавали, к венерологу водили. В американских фильмах режиссеры любят смаковать тему насилия отца над дочерью. В нашей истории подобного не происходило: папа не подглядывал за родной дочерью в окошко ванной комнаты и не заставлял ее заниматься с ним сексом, пока мама бежит по магазинам. Эта девушка приходит и уходит сама, как ей заблагорассудится, она не любит окружающих, она не жалуется смазливых успешных и тупых сверстниц. Едва ли ее подберет какой-нибудь добренький миллионер и подарит на Рождество целый новый мир.

О такой вот девушке и был написан тот текст. Может, на плече у нее была татуировка в виде маленькой зеленой ящерки или прекрасной порочной розы. Может быть, у нее на плече сидела трехцветная ручная крыса с длинным розовым хвостом. Не знаю. Может быть, ее тело разрисовывал на очередном конкурсе «Body Art» художник Василий Гаврилов, некогда оформивший несколько «арийских» альбомов, и какое-то время она чувствовала себя кленовым листом, цветком лотоса или хитрой лианой, на которой неожиданно проснулись анютины глазки. О таких персонажах известно точно лишь одно: их хоронят за пределами церковной ограды, и священники отказываются их отпевать.

Ты подошла
И застыла у стола,
Богом проклятая с детства и совсем ничья.
Шрам на руке,
Крест мальтийский на шнурке,
Ты зверек, что потерялся
В городском мешке.

Ты просишь кофе
И сигарет,
Ты просишь кофе
И сигарет...
Их нет...

Наш разговор
Вспоминаю до сих пор,

Ты в слова вплетала горечь, а не женский вздор,
«Жизнь - это ложь,
Ядовитый желтый дождь,
Ты во лжи на свет явился,
И во лжи умрешь...
И лучший выход -

Быстро сгореть,
Прекрасный выход -
Быстро сгореть...

Припев:

У таких, как ты, - одна душа,
За душой ни счастья, ни гроша,
У таких, как ты, недолог путь
К небесам, где звезды, словно ртуть...
Только ветер плачет о таких -
Оскорбленных, искренних, но злых.
Нет подруг, и верных нет друзей -
Ты привыкла быть одна,
Считать себя ничьей...

«Дым над водой» -
Вот припев любимый твой,
Ты хотела взять гитару и пойти со мной,
Но я, как и ты,
Пленник гулкой пустоты,
И мой дом - чужая крепость на краю земли...

Я ниоткуда
И в никуда,
Ты ниоткуда
И в никуда -
Всегда...

Мальтийский крест - крест о восьми концах, олицетворяет центростремительные силы. Конечно же, «ничья» девушка не знала, что помешен этот крест, который ей нравился исключительно из-за своих раздвоенных острых концов, в мистический центр Космоса и считается мостиком, иди лестницей, ведущей к Богу. Для нее это было, пожалуй, случайным украшением, деталью польского ордена «Белый орел», подаренного пьяным краковским рокером. Даже когда стало ясно, что ни Дуб, ни Холст не утвердят эту тему для пес-ни, я все равно дописывала и переделывала куплеты и припевы, просто так, для себя... В папке с ботиночными завязками сохранилось еще несколько вариантов второго и третьего запевов.

2. Наш разговор
Больше был похож на спор,
И я в мыслях продолжаю спорить до сих пор,
Жизнь для тебя -
Просто черная дыра,

Где сжигает наши души красная жара...

И лучший выход -
Быстро сгореть...
Для всех есть выход -
Быстро сгореть!

Припев (вариант):

Хочешь быть плохой?
Ну что же, давай,
Все равно таких не пустят в рай,
Все равно нет денег на билет
В город золотой, где ясный свет!
За оградой церкви все равно
Место для таких отведено,
Хочешь быть плохой?
Ну что же, смелей!
Отвергай и проклинай
Людей...

3. «Come as you are» -
Вот священные слова
Для тебя и тех, кто сделан из шипов и зла...
Где ты теперь?
Лютый холод на дворе,
По теплу тоскует даже самый дикий зверь,

Я оставляю
Незапертой дверь,
Я оставляю
Незапертой дверь...
Поверь...

Припев (вариант):

Вдребезги все стекла и сердца,
Вдребезги все куклы без лица,
Взрослый мир отравит и предаст,
Так случалось сотни тысяч раз!
Хочешь быть такою?
Что же, давай!
Все равно закрыты двери в рай,
В город золотой, где ясный свет,
Все равно никто не даст,
Никто не даст билет...

"Ария Маргариты" - часть 15.

«За оградой церкви все равно место для таких отведено» - как известно, по обряду Православной Церкви не предаются земле и не поминаются некрещенные или неправильно крещенные младенцы и умышленные самоубийцы.

«Город золотой» - конечно же, это тот самый город, о котором поет Борис Борисович Гребенщиков, он же просто Б. Г., он же просто Боб, он же Великий Гуру, он же Великий Мираж... Когда он поет эту песню, написанную господином Хвостенко, вот уже много лет, меняется выражение лиц слушателей. Странное де-ло: глаза самых бесноватых персонажей застилает печальная дымка... И неважно, какому музыкальному стилю отдает предпочтение человек... То JL так действует дребезжащий голос Б.Г., толи магические вибрации содержатся в самом тексте...«И пред престолом море стеклянное, подобное кристаллу; и посреди престола и вокруг престола четыре животных, исполненных очей спереди и сзади. И первое животное было подобно льву (в песне - «тебя там встретит огнегривый лев»), и второе животное подобно тельцу, и третье животное имело лицо, как человек, и четвертое животное подобно орлу летящему. И каждое из четырех животных имело по шести крыл вокруг, а внутри они исполнены очей...» (Откровение Святого Иоанна Богослова, глава 4).

«Come as you are» - отсылка к песне Курта Кобейна «Come as you are» с альбома «Nevermind». Название песни можно перевести как «Будь таким, какой ты есть».

Будь таким, какой ты есть, - пел Кобейн, -
Таким, каким ты был когда-то,
Таким, как хочется мне,
Как друг, как друг, как старый недруг...

Наверстывай упущенное, торопись,
Выбор за тобой, не опаздывай...
Пони как друг, как воспоминание о прошлом,
Воспоминание...

Все-таки в «Химическом сне» мне удалось пристроить эту тему заброшенности и обреченности. Теперь можно вздохнуть с облегчением.

Окончательный вариант текста:

Дождь за окном надоел давным-давно,
И увидеть блики солнца мне не суждено,
Ты, словно тень, растворилась в темноте,
Алый шарф застыл на стуле, как вчерашний день...

Я выключаю в комнатах свет,
Мне не хватает лишь сигарет,
Их нет...

Я жду, когда ночь завесит черным даль,
И остатки слез небесных станут коркой льда,
Мне все равно, плохо ли тебе одной,
Ты хотела перемен и сердцем, и душой...

Бесконечна попытка тишиной,
Тишина смеется над тобой,
Застывает время на стене,
У часов печали стрелок нет.

Ночь за ночью, день за днем - один,
Сам себе слуга и господин,
А года уходят в никуда,
Так течет в подземный мир вода...

Боль, только боль
До конца честна со мной,
И она бывает сладкой,
Но все чаще - злой,
А снег за окном снова сменится дождем,
Это ангелы без крыльев плачут о былом.

БЕГИ ЗА СОЛНЦЕМ (музыка В.Дубинина)

Самая любимая моя песня на альбоме «Генератор Зла», да и пожалуй вообще самая лучшая из написанных мною песен (на мой субъективный взгляд). Хотелось, чтобы она стала своеобразным гимном для тех, кто слушает АРИЮ. Но, - увы! - похоже, сами музыканты думают иначе. Не знаю, с чем это связано. Может быть, с тем, что в их жизни солнце не играет той роли, какую оно играет в моей, «Генератор Зла» начинался именно с этой песни, ее первой принес мне Вита-лик, и попросил написать побыстрее. Но сочинялся текст почти год: слова отказывались складываться в нужные фразы, в необходимые цепочки, мысли разбега-лись непослушными муравьишками, стоило только сесть за работу... Я бесконечное количество раз прослушивала запись «рыбы», пытаюсь погрузиться в музыку, но неведомая сила словно выталкивала меня на поверхность. Конечно же, в фина-ле должен был звучать хор... Скорее всего детский. Конечно же, напрашивались ассоциации с песней «We don't need your education» группы ПИНК ФЛОЙД (монументальный труд «Стена» этой непревзойденной британской рок-группы). В какой-то особенно мрачный момент бесполезного сидения над листом бумаги, исчерканным всякими галочками, палочками и поросячьими рожами, в мозгу шевельнулась предательская мысль: «Не написать мне эту песню...».

13 июня 2001 года Холстинин неожиданно позвал меня в театр режиссера В.Спесивцева на «Чайку по имени Джонатан Ливингстон»... Я много слышала и об аншлагах на этом спектакле, и о том, что там исполняются многие хиты АРИИ. Артисты поют под «арийскую» фонограмму, вместе с Кипеловым. Честно говоря, трудно было представить себе притчу бывшего летчика Ричарда Баха, считавшуюся долгие годы сокровищем хипповой библиотеки, решенной в ключе «хард-н-хэви».

Начало спектакля несколько обескуражило: зазвучала «Ангельская пыль», плохо увязывающаяся с образом чайки-бунтаря. Видимо, зацепкой для сценария послужила строчка «на краю обрыва, за которым вечность...». Но потом все встало на свои места - наверное, помог зал, живо реагирующий на реплики и певший вместе с «чайками» и Валеркой. Может быть, сыграли свою роль эмоции, да и Спесивцев произносил такие красивые речи, пел нам с АРИЕЙ настоящую «Осанну». А душа человеческая падка на похвалы...

После спектакля на импровизированной пресс-конференции, или встрече со зрителями, одна милая девушка задала тот самый вопрос, который рано или позд-но должен был прозвучать.

- Вы все время поете о свободе, - сказала она, - о том, что надо бежать за солнцем, и все такое... а мама мне все время говорит, что жизнь нас всех обломает, и нет никакого такого Солнца, за которым стоит бежать... Так как же быть?

Ты упал со стоном, опаленный высотой,

На Земле рожденный, снова должен стать землей...

Сюжет №1

Песня постепенно выростала из такого вот наброска:

Небо прилипло к спине,
Небо течет по рукам,
Мы слишком долго
Бежали вдаль по облакам...
Ангелы нас не спасли,
Сбросили с облака вниз,
Чиркнули спичкой -
Чтоб мы узнали эту жизнь...

В процесс вмешалась погода; выдалась она на редкость мерзкой убийственной, солнца было так мало, что депрессия, казалось, вылезала из каждого угла и норовила устроиться на моих плечах этакой гримасничающей черно-серой обезьяной.

Солнечный голод страшнее, чем голод желудочный... Видимо, такие же эмоции обуяли человека по имени Вильгельм Райх, который решил, что именно в солнечном излучении содержится «оргон» - тончайшая энергия, от которой зависит жизнь человека. Он даже сконструировал специальный «оргонный генератор», отфильтровывавший оргон из атмосферы. Сконструировал, и пошел дальше в своих изысканиях и умопостроениях: оказывается, организм человека, занимающегося любовью, способен сам вырабатывать эту тонкую энергию. Так дядюшка Райх, страдавший от пасмурной погоды, стал идеологом «сексуальной революции» 60-х, в лучах которой купались и захлебывались хиппи и битники...

Природа берет человеческие существа измором: один пасмурный день тянется за другим так, будто они соединены тонкой веревочкой - стоит потянуть за один конец, и разворачивается вся гирлянда. Свинцовое небо давит сверху, грязь под ногами, крысы с умными глазами на трубах центрального отопления в полузато-ленных подвалах... Действительно, до любви ли впавшим в депрессию людям?

Ветер в твоих волосах
Пахнет холодным дождем,
Ты любишь солнце,
Его все меньше с каждым днем.
В городе всюду темно,
Даже когда в окнах свет,
Мысли о крыльях
Ни у кого давно здесь нет...
Улететь бы птицей,
Прочь от проклятой Земли,
С небом чистым слиться -
Вот о чем мечтаешь ты.
Сердце готово взорвать
Все, что творится кругом,
Ты угоняешь
Машину со стальным крылом...

Пули, проклятья и гнев,

Крики команд - позади...
Ты не преступник,
Заложник Солнца - вот кто ты!

Красивые кадры: маленький серебристый самолет поднимается все выше и выше, вопреки всем законам физики, выше, к Солнцу, на котором в какое-то мгновение происходит фантастическая вспышка, - вспыхивает и самолет. Взрыв во весь экран... Через секунду - черная выжженная земля, воздетые к бесцветному небу обугленные ветви-руки деревьев.

В году 68-м многие газеты сообщили о парне, который пробрался на аэродром, залез в маленький спортивный самолет, разрисовав его цветами и написав крупными буквами «Love», и улетел в неизвестном направлении. Этот эпизод взял за основу итальянский кинорежиссер Микеланджело Антониони и создал фильм «Забриски Поинт», о котором сегодня ходит много легенд, но который практически никто из нового поколения не видел...

Но задолго до эпизода, романтизированного Антониони, в 1945 году наш летчик-бомбардировщик Михаил Девятаев, попавший в плен к гитлеровцам и побывавший в нескольких концлагерях, умудрился угнать красавец-истребитель «Хейнкель», и спас жизни еще девяти (опять девятка...) товарищам. Позже он написал и издал книгу «Полет к солнцу»...

...Но вернемся к девушке, задавшей вполне закономерный вопрос, и ее маме. Чисто пожитейски мама права. Нечего забивать себе голову всякой дребеденью. Надо зарабатывать деньги, и, чем паяться на небо в поисках созвездий, можно всю жизнь тихо прожить, глядя себе под ноги: неважно, что там - глина, песок, гранит. Ученые очень скоро выведут в своих лабораториях специальную породу людей: положение их глазных яблок фиксируется таким образом, что посмотреть на небо или даже в потолок - невозможно. Вперед, влево, вправо, вниз. Вверх - никогда. Так, глядя в землю, легче усмирить гордыню, избавиться от страшного греха - желания приблизиться к сверкающим высотам. Однако, если бы не было этого бега (или «бегства») за солнцем, никто не сочинял музыки, стихов, не писал бы картины, не высекал бы из мрамора рвущихся на простор коней. Не было бы Петрарки и Леонардо (да Винчи)... Скользкие на ощупь существа с кожей синеватого оттенка медленно ходили бы по кругу, по-могая крутиться жерновом скучного материального мира.

Никогда не поверю, что у самой забитой, зачуханной тетки в шлепанцах на босу ногу, с копной нечесаных волос никогда в жизни не было своего, отдельно взятого солнца, за которым она не пыталась бы побежать. Хотя бы разок!

Любителям же покопаться во всяких религиозных аспектах творчества АРИИ могу предложить и такое: припев содержит призыв стремиться к символу святости и доброты, коим является Солнце (как, впрочем, Луна, звезды и планеты), да и Христа в византийской и древнерусской гимнографии уподобляли «праведному солнцу».. Кроме того, если уж дальше следовать этой линии, то Солнце может быть и окошком, через которое Господь Бог поглядывает на сотворенную им зем-лю.

Но любой опытный «ариец» может сказать, что песня имеет прямое отношение к язычеству, даже к культу Бога Солнца индейских племен, некогда населявших, скажем, Мексику.

С белым пером в волосах,
Словно языческий бог...

Тем же, кто собирается, несмотря ни на что, хоть раз испытать всю трудность бега за своей мечтой, за победой (а образ солнца может рассматриваться и так), могу сообщить несколько приглянувшихся мне примет и фактов.

Во-первых, никогда не надо плевать не только против ветра, но и в сторону солнца. Если ты сделаешь это, на мир опустится вечная тьма, и все погибнет.

Во-вторых, солнце давным-давно (давнее не бывает) было огромным-преогромным, но как только стали появляться люди, оно начало уменьшаться в размерах. Рождается на свет человек - рраз, от солнца отрывается кусок, и становится тот кусок звездой, умирает гот человек - гаснет эта звезда и пада-ет на землю... И если жил человек праведной жизнью, не обижал никого, не во-ровал, друзей не предавал, то вернется его душа на солнце, а если был он злым и гадюкой - из него после смерти месяц получится... Так что, если судить по этому поверью, не догнавший солнце при жизни, имеет шанс породниться со светилом после смерти. Кем быть - солнцем или месяцем - каждый выбирает сам и строит сообразно своему выбору жизнь свою.

Забываясь о самочувствии великого светила, которому ученые предсказывают в новом веке медленное угасание, не советую убивать встреченную невзначай на лесной тропинке ящерицу, хотя и считается, что, греясь на солнце с открытым ртом, она «пьет, глотает, высасывает» из солнца соки. Убей ящерицу, - гласит русское поверье, - и на том свете тебе простится аж 40 грехов. Идет этакий Иван-дурак, вооруженный знанием фольклора, грешит напропалую и устилает свой жизненный путь бездыханными телами невинных ящериц. Тем временем нарушается экологический баланс, и не за горами экологическая катастрофа...

...Холст попросил увековечить в тексте столь любимого им в юности Ф. Ниц-ше. И - удивительное дело! Строки из «Заратустры» сами легли в предложенный Дубом стихотворный размер...

«Мужество есть лишь у тех, кто знает страх, кто видит бездну, но с гордостью смотрит в нее, кто смотрит в бездну, но глазами орла, кто хватается бездну когтями орла», - писал философ.

«Мужество есть лишь у тех, кто ощутил сердцем страх, - пел Кипелов, - кто смотрит в пропасть, но смотрит с гордостью в глазах».

В припеве хотелось передать состояние разбегающегося человека, который секундами позже, преодолев притяжение земли, отрывается от ее поверхности и взмывает вверх. Отсюда сначала: «беги, беги за солнцем...», а потом: «лети, лети...».

Закончив сочинять и подгонять сочиненное под заданный размер, я где-то часа в три ночи прилегла на диван, и подумала: «А не - плохо было бы сейчас, после трудов праведных, искупаться в океане...». Тоска по этому беспокойному чудовищу, меняющему цвет в зависимости от настроения, то и дело охватывает меня. Иногда в самом центре Москвы неизвестно откуда и неизвестно почему в ноздри вдруг ударяет его волнующий запах... И вот, стоило только подумать об океане, как на меня накатывают изумительные изумрудные волны, покачивают, успокаивают. Нет, я не сплю! Появляется одна огромная волна, она подкрадывается бесшумно, вот-вот утащит в никуда... Я стряхиваю оцепенение, и океан исчезает. Один знакомый буддист потом сказал, что таким образом курирующие наш очередной проект Силы поощрили меня. «Значит вы все сделали правильно, - говорил громилоподобный знаток Востока и вегетарианской пищи, - ноты вовремя ушла от волны... А то осталась бы там, не выплыла бы... Такое тоже случается».

«Беги за солнцем» была записана на студии последней, 3-го января 1998 го-да. Жаль, что не удалось сохранить в тексте строчку «Даже у Бога свой ад - это любовь его к нам...».

Окончательный вариант текста:

В воздухе пахнет бедой
Целых две тысячи лет,
Жизнь так жестока
На этой проклятой Земле...

Ветер в твоих волосах
Тот же, что вечность назад,
Время застыло,
Луна и Солнце встали в ряд...

Улететь бы птицей, прочь от проклятой земли,
С небом чистым слиться - вот о нем мечтаешь ты.

Беги, беги за Солнцем,
Сбивая ноги в кровь,
Беги, беги, не бойся
Играть судьбою вновь и вновь.
Лети, лети за Солнцем
К безумству высоты,
Лети, лети, не бойся,
Так можешь сделать только ты...

Мужество есть лишь у тех,
Кто ощутил сердцем страх,
Кто смотрит в пропасть,
Но смотрит с гордостью в глазах.
С белым пером в волосах,
Словно языческий бог,

Ты прыгнул в небо,
В гремящий грозами поток.

Ты упал со стоном, опаленный высотой,
На Земле рожденный, снова должен стать землей...

А какой клип или короткометражный фильм можно было бы снять по этой пес-не!
Когда я сегодня сравниваю работу над альбомами «Химера» и «Генератор Зла», у меня создается впечатление, что помогавшие раньше Силы в 2001 году повернулись к нам уже вполоборота... Хорошо, что пока еще не спиной.

ОБМАН (музыка В.Холстинина и В.Дубинина)

Постоянное ожидание явления доброго царя-батюшки в конце концов нас погубит. Равно как и неистребимая идиотическая вера в непогрешимость царя существующего, способного заменить людям родных отца и мать. Странно видеть, как взрослые создания легко покупаются на обещания кандидатов в цари накормить всех голодных пятью хлебами и напоить всех страждущих из одной бутылки с ми-неральной водой, как эти вроде бы зрячие и неглухие способны терпеть власть откровенных маразматиков, но при короне и скипетре. Забравшиеся на высокий трон с помощью доверчивой толпы карлики медленно, но верно разбухают от соз-нания собственной значимости, напоминая банальную жабу, в которую через задний проход вдувают при помощи соломинки воздух. В какой-то не очень приятный для окружающих момент карлики-жабы с треском лопаются, и вонючие кишки и моз-ги прилипают к зеркалам и стенам царских покоев... И тотчас же, словно по ко-манде, верноподанные Его Величества становятся бывшими верноподанными и доверительно говорят друг другу: «Сколько же дерьма было в этом козле!». И сажают себе на голову нового карлика или свинопаса, продолжая пинать ногами дурно пахнущую шкурку лопнувшего родного экс-отца нации.

Своим появлением текст «Обмана» обязан поэту Николаю Степановичу Гумилеву, который в стихотворении «Гиена» вывел образ весьма здравомыслящего зверя, разоблачившего умершую преступную и прекрасную царицу. Царица лежит в заброшенной могиле, а не в пирамиде, «над тростником медлительного Нила, где носятся лишь бабочки да птицы»...

В первом варианте текста фигурировали гиена и шакал, народы, оплакивающие кончину своего повелителя, многотысячная конница и нефритовый гроб.

Звериная фантазия

(переселение животных из обычной среды обитания санкционировано моим воображением)

...Жаркий день. Солнце пронзало огненными стрелами все живое, степь стонала от жажды. Гиена и шакал сидели на небольшом холме, наблюдая за тучами черной пыли, надвигающейся на них из-за горизонта.

- Бури вроде бы не должно быть сегодня, - тихо прошелестела гиена, обли-зывая красным языком свои пожелтевшие от времени клыки.

- Это кони, гиена, это тысяча длинногривых с вооруженными копьями и луками всадниками, - шакал почувствовал, как шерсть поднимается у него на загривке. - Они затопчут нас, гиена, мы и пролгать не успеем...

- Странно, что нужно этим людям в наших краях? Здесь нет никакой добычи для двуногих...

- Слышал я от старого ястреба, что на днях стадо двуногих постигло горе... Умер от дряхлости их пастух, которого они называли Владыкой мира... Он дошел, говорят, до сказочной страны Индии, умел справедливо решать человеческие споры, был красив и мудр. Он строил дворцы, собирал войска и уходил в много-дневные походы, добывая золото и славу... А умирая, приказал похоронить его в степи, и чтобы по месту захоронения промчалась быстрая конница, - тогда никто не узнает, где он лежит, ни один враг и осквернитель могил. А если кто-нибудь потревожит сон Владыки мира, грянет Конец Света. Эй, гиена! Слышишь ли ты мои слова?

- Слышу, шакал, - все так же тихо произнесла гиена, в гноящихся глазах которой вспыхивали недобрые желтые искры. - Справедливым был? Мудрым? Ха, дворцы строил... Детеньшей людских благословлял?

Гиена ненавидела весь род человеческий. Не потому, что люди не любили ее и награждали самыми скверными и обидными кличками за то, что падалью питалась, за то, что хвост некрасиво поджимала, за вороватость, которая чудилась им в осторожных, движениях зверя. Нет, не поэтому. Гиена слишком хорошо изучила нрав двуногих, подслушивая их разговоры в кибитках и шатрах, слишком хорошо ей была известна цена их улыбок и льстивых слов... «Люди гораздо хуже гиен, и даже хуже шакалов, - много раз повторяла она, в полнолуние сидя у подножия неуклюжей каменной бабы, - свои мерзости и гадости они любят приписывать зверью...» В полутьме непрочных жилищ верные своему Господину подданные шептали о том, что в стены строящихся дворцов он повелевает замуровать плененных в Гималаях великанов с необычными красными глазами и белыми, как лунный свет, волосами, чтобы стены стояли вечно и были крепки, как никакие другие стены на свете. Шептали своим молчаливым женам о том, что Владыка приказывает по ночам своим стражникам бесшумно проникать в дома тех, кого он признал правыми в спорах, забирать у них медь, драгоценности и серебро, и умерщвлять укусом неизвестных лекарям черных змей с голубой полоской на плоской голове. С первыми лучами рассвета входила в шатры и кибитки легенда о жене Владыки, которая зналась с тенями предков и научила своего мужа пить от всех хворей, порчи и проклятий молоко странной птицы Гуарокс, черные перья которой складывались на белых

крыльях в причудливые иероглифы... Подслушала гиена торопливый рассказ приехавшего из столицы Луны и Солнца человека о том, что сын Владыки сумел заманить гордую птицу Гуарокс в обычные сети, а не шелковые, и отрубить ей голову. Одним взмахом меча, подаренного ему отцом. И Владыка состарился сразу же, за три минуты, после того как превратились в золу все жившие во дворце тени предков, и трижды ухнул неизвестно откуда взяв-шийся в царской опочивальне оранжевый филин...

Тем временем черная пыльная туча все ближе и ближе подкатывала к холму, на котором сидели шакал и гиена. Различимы стали рогатые шлемы всадников, слышно было ржание их лошадей и звон оружия. Впереди мчался сын Владыки, смуглый, с черными тонкими усами, вымазавший себе лицо мертвой грязью в знак великой печали и скорби. Но в глазах его уже светился огонь жестокости и высокомерия Власти.

- Падай на брюхо, на брюхе ползи, дура!- пролаял, вернее, проблеял шакал. - О, да воссияет твой свет над нами, Новый Владыка, добрейший из добрейших, мудрейший из мудрейших...

- Ах ты шакал, - сын Сына Солнца и Луны резко осадил коня, - где же ты научился так льстить человеку?

Шакал смог только еще плотнее прижаться к земле и проскулить что-то жалкое и невразумительное,

- Ладно, мерзость, живи!- и новый Владыка ударил нагайкой поруче телохранителя, хотевшего было подсадить копьём распростершуюся в пыли тварь. - Он мне нравится, не убивай его, а брось ему кусок конины! Лыстецов надо подкармливать... Жри, мерзость! Я шакал, хоть не был голоден, и кусок от страха в горло не лез, принялся чавкать и закатывать глаза от показного удовольствия.

- А что же ты не ползешь ко мне на брюхе? - спросил надменно Владыка у застывшей, как изваяние, гиены. - Или сияние моего величия так ослепило тебя? Или страх моего могущества лишил тебя сил двигаться?

Гиена молчала... Что проку говорить с тем, у кого на мече чернеют пятна отцовской крови и кто бросил собственную обезумевшую от ужаса мать на дно глубокого колодца у конюшен? Нет тех слов у гиены, которые это подобие человека могло бы понять.

- Почему ты молчишь? - нахмурился царский сын, не обращая внимания на ро-пот всадников, недовольных внезапной остановкой в пути. - Почему ты молчишь, убогая?!

Гиена медленно подняла голову. В эту минуту она чувствовала себя не гряз-ной, вечно голодной бродяжкой, ковыляющей на трех лапах, а черной гладкой пантерой, грациозности и силе которой завидовали все звери.

- Это ты убог, царь, - произнесла она неожиданно сильным голосом, - убог ты сам, и весь род твой... Жаден ты сам, и весь род твой. Жесток ты сам, и весь род твой... Звериная кровь чище, чем та муть, что бежит у тебя в жилах, самонадеянный убийца!

Их взгляды встретились: желтая звериная искра вспыхнула во взоре царя, в горле пересохло, а смотрящая на него снизу морда гиены странно вытянулась и плюнула в лицо Владыки жарким пламенем.

- Убей ее!!! - закричал телохранителю царь, ослепленный этим плевком. - Убей эту тварь!!!

Но руки телохранителя словно налились свинцом, он не смог поднять копыя и поразить дерзкого зверя. Кони захрапели и попятнулись, а черная пыль превратилась в тяжелый серебристый порошок. Гиена поднялась на лапы, потянулась вы-гнув спину и, все еще чувствуя себя царицей-пантерой, пошла прочь...

По шатрам и кибиткам прошел слух, что Новому Владыке в день похорон Великого Отца было видение странного небесного зверя с газами, подобными Ночному Небесному Светилу, со шкурой, отливающей скорбным трауром. Небесный зверь, шептали верноподданные, открыл Новому Владыке великую тайну его рождения... И править Владыке счастливо сто лет и сто дней, пока не встретит он в степи шакала, который откроет Ясноликому какую-то правду... Какой должна быть эта ша-каля правда - не знал

никто.

... Каждое полнолуние приходила гиена к каменной бабе, садилась у ее ног и пела длинную некрасивую песню о звере, который, желая угодить Человеку С Черной Душой, пытайся проглотить брошенный ему в награду за лесть кусок конины, но подавился и сдох в страшных мучениях...

... Холстинин, которому стихотворный текст пришелся по вкусу, все-таки после досконального изучения написанного попросил оставить в качестве основного действующего лица шакала и наделить его положительными качествами гиены: правдолюбием и смелостью. Дубинин подошел к первому варианту по-своему, с известной долей юмора: принялся читать этот текст так, как обычно читают басню - с подвыванием и придыханием. По слухам, этот вариант записи сохранился и пылится где-то в холстининских архивах.

Необычайная трактовка «Обмана» уже после того, как альбом увидел свет, была предложена сотрудником КГБ в отставке, внук которого в дни предвыборной президентской кампании с утра вместо российского гимна включают кассету с избранными «антиправительственными», как сам внук называл их, «арийскими» песнями.

- Я знаю, о чем этот ваш «Обман», - изрек как-то отставной кэгебэшник, - это песня об Иосифе Виссарионовиче Сталине, а не о каком-то узкоглазом Чин-гизхане или Тамерлане. Думаю, Владимир Петрович такой трактовкой был бы доволен: уж если «Что вы сделали с нашей мечтой», с его точки зрения, это песня о коммунистах, то почему бы «Обману» не быть эпическим полотном об отце народов СССР?

FLASHBACK

...Замогильный голос диктора Левитана, постоянно читающего по радио сообщение Политбюро ЦК КПСС о смерти товарища Сталина и медицинское заключение. И стар, и мал не могли сдержать слез, а солнце золотило купола Кремля, видневшиеся из окон нашей коммунальной квартиры в Потаповском переулке. У старшей сестры на школьном фартуке - огромный траурный бант из черной и красной ат-ласных лент. Мать прижимает меня к груди и плачет, плачет горькими слезами. Все женщины в нашей коммуналке рыдают.

«Он будет погребен в нефритовом гробу»... Сталин лежал в Мавзолее рядом с Лениным в стеклянном параллелепипеде при странно мертвенном освещении, и экзальтированные советские гражданки умудрялись разглядеть даже оспины на лице генералиссимуса. Но тысячи коней буденновской конницы не затаптывали дорог к месту захоронения. Наоборот, выстраивались километровые очереди, чтобы взглянуть на своих повелителей. Теперь одного из них (Ленина) объявили Антихристом, а Сталина - масоном. Во всяком случае, так считает Уильям Т. Стильз. По его мнению, масонами были, помимо И. В. Сталина, президент США Франклин Рузвельт и премьер-министр Великобритании сэра Уинстон Черчилль. Интересно, хранил ли Сталин-Джугашвили масонский диплом с девизом: «И сказал Господь: «Да будет свет!» - и воссиял свет!» (And God said 'Let There Be Light' and There Was Light)?

Вот так, начали с ничтожных гиены и шакала, а закончили масонами.

Окончательный вариант текста:

В рассветный час шакал, о голоде забыв,
Следит с холма
За мрачной конницей вдали,
Сегодня черный день - владыка мира мертв,
И стар, и мал

Не могут слез сдержать своих.

Он добрый повелитель,
Он Солнцем был и был Луной,
Империя осталась
Его вдовой...
Он будет погребен в нефритовом гробу,
В степи пустой,
Где грезит падалью шакал,
И тысяча коней затопчут путь к нему,
Чтоб плач людской
Сон мертвеца не осквернял.

Шакал пролает хрипло,
Что мертвый царь - ему родня:
Одни клыки и жадность,
И кровь одна.

Это все обман, что он был самым добрым царем,
Это все неправда - он правил огнем и мечом,
Это все обман, я ваш царь и один только я,
Люди, как звери, когда власть над миром дана,
Это все обман!

Шаманы и жрецы
Шакала проклянут,
И на бегу
Пронзят предателя копье.
Царь должен быть святым,
И право не дано
Свергать зверью
С небес величие его.

А царский сын смеется,
Шакалий дух в себе храня,
Одни клыки и жадность,
И кровь одна.

Ветер, древний житель степной,
Помнит до сих пор этот вой...

"Ария Маргариты" - часть 16.

ОТШЕЛЬНИК (сравнительно серьезная глава, которая многим читателям может показаться скучной) (музыка В.Дубинина)

Музыка, сочиненная «арийским» басистом, обладала таким поразительным обволакивающим, затуманивающим сознание эффектом, что иного выбора, как написать нечто связанное с оккультизмом и мистикой, у меня не было... Однако еще в дни работы над альбомом «Ночь короче дня» группа постановила: никаких заигрываний и перемигиваний с потусторонними силами, никаких мистических заплывов и заходов, никаких черных месс и сакральных кинжалов у алтарей магов. Видимо, хлебнув горя с «Антихристом», музыканты решили, как говорится, не дразнить гусей.

Многие из западных рокеров на определенном этапе своего духовного развития начинают интересоваться оккультизмом, пытаются постичь некое единое «Древнее Знание», которое сродни священной чаше Грааля: оно исчезает, как только к нему приближаются нечистые душой и помыслами люди... Вероятнее всего, эмоциональных музыкантов привлекает в оккультных науках постулат о безграничности человеческих возможностей: способность предсказывать будущее, видеть и проходить сквозь стены и любые преграды, двигать взглядом предметы или воспламенять взглядом и т.д. Кто-то погружается в заманчивые глубины с головой, кто-то благополучно опускает лишь лицо в неглубокую тарелку с водой и, думая, что уже утонул, быстро отказывается от своего увлечения...

Сами «арийцы» (насколько мне известно) никогда ни оккультизмом, ни магией не интересовались, они люди православные, временами соблюдающие посты, крестившие чад в церкви. Лишь у Холстинина существует своя система взглядов на христианство. То, что он читал, помимо всего прочего, «Сатанинскую Библию» Верховного Жреца Церкви Бога Сатаны А. Ла Вея, Петрович не скрывает. Интересовался он и Храмом Душевной Юности, персональное послание которого было опубликовано в изданном мною с помощью друзей в 1993 году альманахе «Василиск», названном «Опыт мистико-оккультного издания с музыкальным уклоном».

«Мы достигли пика кризиса, - говорилось в начале Послания, - мы знаем, что наш эксперимент в области жизни потерпел фиаско во всех отношениях.

Мы столкнулись со штормом, на который идет самая свирепая из известных нам сил. Мы столкнулись с фактом низведения человека до уровня твари, лишенной способности ощущать, лишенной знаний и чувства собственного достоинства.

Мы столкнулись с гораздо более полным распадом, нежели сама смерть.

Нам задали условия, поощрили и подтолкнули к самоограничению, ко все более и более ограниченному восприятию себя самих, своей значимости и потенция-ла.

Все это являет собой колоссальную по масштабу Психическую Атаку.

Подчинение ей - есть поражение.

Сопrotивление опасно, оно влечет за собой непредсказуемые последствия, однако для тех, кто представляет собой тотальность поражения, сопротивление должно быть единственно возможным выбором.

ИМЕННО СЕЙЧАС вы стоите перед альтернативой:

- Навеки остаться частью спящего мира...
- Постепенно расстаться с надеждой и мечтами детства...
- Продолжать употреблять наркотик банальности...

...Или сражаться в наших рядах вместе с Храмом Душевной Юности.

Храм Душевной Юности был создан, чтобы действовать как катализатор и центр индивидуального развития всех тех, кто желает приблизиться к Внутренне-му и вырваться наружу. Может быть, вы один из тех, кто постоянно ощущает свою непохожесть на других, неудовлетворенность, свою чужеродность в окружающей толпе и инстинктивную тревогу? Значит вы один из нас. То, что вы читаете эти строки, - уже само по себе означает начало процесса вашего посвящения...

Несмотря на то, что в общем и целом философия и практика Храма Душевной Юности достаточно размыты и неопределенны, довольно модно было говорить о нем в московских и питерских молодежных компаниях в начале 90-х и слушать шокирующие альбомы

PSYCHIC TV - группы, представляющей ядро этой оккультной организации. Церковные ортодоксы считали эту группу яркими сатанистами, а Ла Вей выдал PSY корочки «почетных членов» своей Сатанинской церкви... Но эти люди были, скорее всего, язычниками, и не верили в существование Дьявола... Не верили они и в Бога.

На деятельность Храма обращали внимание различные группы, играющие индастриал и авангардную музыку. Мы с Холстом пытались внедрить идеи из Послания в какой-то из текстов АРИИ - сегодня я и не вспомню, в какой именно. Но не получилось.

Хард-рокеры обычно обращали свой любопытный взгляд на скандально известного мистера Алистера Кроули, «Великого Зверя», который запятнал себя всеми мыслимыми и немыслимыми грехами и сумел создать весьма оригинальное мистическое учение.

- Господи, ну как этот Кроули мог задурить людям мозги? - возмущался Сергей Маврик, он же Маврик, прочитав несколько статей о брате Пердурабо (под таким тайным именем Кроули фигурировал в ордене «Золотой Рассвет»). - Сексуальный маньяк какой-то, толстый, мерзкий тип.

Я пыталась возразить гитаристу, что, дескать, маньяк-то он маньяк, но его «Магия в теории и на практике» - очень эффектная работа и что, пожалуй, «Зверь» прав, когда говорит, что первый шаг на пути к магическому посвящению человека - это постижение им своего Истинного Желания и следование этому же-ланию от начала до конца... «Тому, кто исполняет свое Истинное Желание, помогает инерция всей Вселенной»... или:

«Каждый имеет право на исполнение собственного Желания, не думая о том, противоречит ли оно желаниям других людей или не противоречит, ибо если он занимает надлежащее место, то неправы те, наперекор чьим желаниям он поступает».

Наверное, пустоголовый человек не смог бы стать Верховным и Священным Королем Ирландии, Ионы и всех британцев Святилища Гнозиса... А его восхождение на вершины Чогори и Канченджангу в Гималаях? А его умение вызывать демонов? А «Лунное дитя»? А его роль в магической поддержке Третьего Рейха? Но... согласна - актер. А артист - артиста, скоморох - скомороха видит издали, вот и готово объяснение vulgaris рокерского увлечения подвигами Великого Зверя.

- Ну и что, умение вызывать демонов! - горячился Маврик, продолжая спорить об Алистере Кроули. - Умение видеть демонов! А нормальные свидетели тому есть? То-то и оно... Мне самому такое привиделось... Лет десять назад. Ты же знаешь, злоупотреблял я тогда спиртным. Пил неделями беспробудно, пил, и явился мне тогда Некто со свиной харей, вылез на меня из зеркала. И прорычал: «Если не прекратишь так напиваться, заберу тебя с собой!». Помню, холодный пот меня прошиб от этого рыка, руки-ноги затряслись. Я Кипелову об этом рассказывал.

Увлечение кроулианскими теориями и практиками Джимми Пейджа из LED ZEPPELIN известно, пожалуй, всем, кто интересуется рок-героями. Совсем недавно Пейджа опять вызвали в суд по старому обвинению: его увлечение черной магией привело к смерти барабанщика группы Бонэма, о таланте которого ходили легенды. «Дайте Бонэму фонарные столбы, и он отстучит ими так, что мало не покажется!» И на этот раз супергитаристу удалось доказать, что смерть члена группы ЛЕД ЦЕППЕЛИН никак не связана ни с ним, ни с его пристрастиями к постижению глубин бессознательного по методикам «Великого Зверя». Но если повнимательнее посмотреть на деятельность Джимми после смерти Бонэма и распада ЦЕП-ПЕЛИНа, то станет очевидным, что ничего нового, гениального он с тех пор не создал. Все шедевры сочинялись и игрались в то самое время, когда он скупал особняки, некогда принадлежавшие Кроули, его библиотеки, занимался магическими ритуалами и тантрическим сексом. Ушла куда-то сила, полученная у Высших сил, погас фонарь отшельника 9-й карты Старших Арканов Таро, поджидавшего Пейджа на вершине горы в фильме «The Song Remains The Same». Видимо, на какой-то ступени лестницы, ведущей к Высшим Истинам, Пейдж не сделал самого решительного шага, не выбрал путь самоуничтожения, и превратился из гениального гитариста - в «Черного Брата», аутсайдера всей Вселенной, стать частью которой не

позволяет его собственный эгоизм. «Какое-то время он (Черный Брат) да-же может процветать, но наступит момент, и он погибнет», - писал Кроули, не подозревая, что сказанное им в значительной степени относится и к нему само-му.

Из наших музыкантов серьезно увлекались Кроули, кажется, только Сергей Курехин и - одно время - Дмитрий Ревякин из «Калинова Моста». Может быть, кто-нибудь еще отдал дань этой своеобразной моде западных коллег, но громко об этом не кричит.

Для Дубинина явилось огромным откровением, что полная драматизма песня «Man of Sorrows» Брюса Диккинсона с альбома «Accident of Birth» посвящена именно Алистеру Кроули или... Христу(?!). На прямую связь этого произведения айронмейденовского вокалиста с человеком, который настаивал на том, что в своей предыдущей жизни он был знаменитым французским мистиком Элифасом Леви, указывает строчка «Do What Thou Wilt» - «Делай, что пожелаешь», основа всей кроулианской философии.

Маленький ребенок в церкви преклоняет колени,
Он молится Богу, которого он не знает, которого он не чувствует,
Все детские грехи свои он будет помнить,
Но не будет рыдать и слез не станет лить.

Человек Печали, я не увижу лица твоего,
Человек Печали, ты исчез, не оставив следа.

Ребенок теряется в догадках - так что же это было?
Твой путь завершен или ж только путь начат?
Призрак нового мира встает из праха мира старого.
«Делай что хочешь!» - кричит его проклятая душа,
Провидец-мученик, пророк царящей в наших душах пустоты,
Об одном лишь размышляет он: «Зачем? Почему?».

Человек Печали, я не увижу лица твоего
(Я не увижу лица твоего),
Человек Печали, ты исчез, не оставив следа,
Ребенок размышляет: «Зачем все это?»...
Завершил ли ты путь свой или же только начал?
Человек Печали, под пыткой,
Терзаем мыслями, которым не хватает смелости назвать самих себя,
Заключен в ловушку собственного тела, из чувств остались лишь вина
и позор.

Всю жизнь обречен носить в себе гнев...
Он кричал: «Я ненавижу себя!»...
«Делайте, что хотите!»...

У Диккинсона песня полна трагизма, такое ощущение, что он заглядывает в самую душу философа-мага, снимает с нее яичную скорлупу цинизма и пытается докопаться до истоков трагедии.

Оззи Осборн, столь любимый Кипеловым, тоже имел честь спеть песню под названием «Mr. Crowley» (альбом «Blizzard Of Ozz»)

Мистер Кроули, что творилось у Вас в голове?
Мистер Кроули, Вы действительно разговаривали с мертвецами?
Ваш образ жизни казался мне таким трагичным ...
И завораживающим...

... Вы дурачили людей с помощью магии,
Вы ждали сигнала от Сатаны...
Мистер Красавчик, Вы думали, что чисты?

... Вы хотели вызвать своим посланием бурю споров?
Я хочу знать, что лее Вы имели в виду.
Я хочу знать, что Вы имели в виду.

Представляю, каким откровением будет для «арийских» музыкантов то, что сюжет «Отшельника» основан на небольшом эпизоде из жизни «нехорошего» Кроули и его друга Джонса, вычитанном мной водной из энциклопедий.

Рассказывают, что в лондонской квартире Кроули были две комнаты, выделенные для занятий магией, - «черный храм» и «белый храм». В последнем, облицованном зеркалами, Алистер занимался более «невинными» оккультными практиками, нежели в «черном» отсеке. Как-то раз проматывающий родительское наследство Кроули и Джонс вернулись домой после сытного ужина и обнаружили, что в тщательно запертом перед уходом «белом» храме кто-то побывал и устроил там не-большой погром... Оказалось, что по комнате кружат полуматериализовавшиеся демоны, которых друзья вычислили с помощью, конечно же, ясновидения... «А свидетели этого «вычисления» там были? Или это со слов самих, с позволения сказать, «магов»?» - спросил меня Маврин, когда я рассказала ему этот эпизод. Свидетелей не было, как, впрочем, не было свидетелей и исчезновения Кроули в зеркале, хотя известно, что он это делал неоднократно...

Демонов я заменила на соседского мальчишку-хулигана, приблизив таким образом сюжет к русской народной сказке о «Трех медведях», с одной стороны... С другой, я кровожадно руководствовалась шокирующим заявлением мага о жертвах, которые следует выбирать для высшей духовной работы. Конечно, такое заявление было верхом дешевого эпатажа! «Наиболее подходящей жертвой является ребенок мужского пола, совершенно невинный...» Младенцу трудно было бы самостоятельно приползти в дом нехорошего соседа, а вот паренек лет 7-8 вполне мог залезть в «храм» через окно.

По мере сочинения текста серьезность моя улетучивалась, уступая место иронии...

Причем происходил совершенно непозволительный для «арийского стиля» занос в сторону шутовства - никакого трагизма: нарисовался образ уставшего от собственного магического искусства пожилого дяденьки с всклокоченной седой бородой, в запачканных капающим изо рта кефиром пижамных брюках...

Да, я волшебник,
Маг и отшельник,
Тяжек мой путь:
Ангелы - справа,
Слева - орава
Злобных бесов...
Я заклинаю,
И превращаю
В золото ртуть,
Все это дело
Так надоело,
Если честно, мне!

Перед глазами так и стояла картинка: полный разгром в доме местного мага, полусгоревшие страницы рукописей, словно умирающие бабочки, на полу, разбитые колбы, рассыпанные чудо-порошки... Дед в последний раз окидывает затуманившимся

было взглядом лабораторию, где он столько часов беседовал с демонами Маммоной, Асмодеем, Вельзевулом, Левиафаном и Бельфегором, сообщая им адреса обывателей, которых им следовало бы навестить и - материализовавшись - напугать до полусмерти или смерти... Скупая мужская слеза беспрепятственно - у деда нет носового платка, ни шелкового, ни хлопкового, а до бумажного он еще не додумался - скатывается по щеке и некоторое время теряется на уступе вы-дающегося вперед волевого нордического подбородка. Крякнув, дед перекидывает через плечо мешок с сухарями и салом, выходит за порог, свистом подзывает верного коняшку по имени Антракс и идет прочь по неожиданно золотистой солнечной дороге... Идет в колхоз, наниматься счетоводом и учетчиком. Название колхоза, естественно, - «Путь к атеизму»... Дальше - больше... Почтенный будущий колхозник трансформируется при помощи моего взбесившегося воображения в булгаковского Шарикова, заведующего под-отделом очистки города Москвы от бродячих животных (котов и пр.) в отделе МКХ.

Ты станешь вороном летать,
Духов Венеры вызывать...

«Из официального отчета по образу Отшельника»
(из области фантазии)

«Обещание научить мальчика вызывать духов Венеры как бы нейтрализует не совсем подходящую для ребенка перспективу периодически превращаться в птицу, криком своим предвещающую смерть... Таким образом можно сделать вывод, что Отшельник, хоть и несколько страшен внешне, внутренне все же тяготеет к светлому и красивому. Ибо обычно духи Венеры, вызываемые в пятницу, по свидетельству господина Папюса, материализуются в красивом теле, они среднего роста... Вид их очаровывает вызывающего и для глаза весьма приятен. Цветом они - белые или зеленые, позолоченные сверху... Могут явиться в виде призраков резвящихся симпатичных девушек, которые весело приглашают вызывающего потанцевать с ними в кругу... Также, как свидетельствует практическая магия, духи Венеры могут явиться в образе короля со скипетром в руках, верхом на верблюде, или голубки, или казацкого можжевельника, или же в облике привлекательной обнаженной девицы...»

«Стоп!» - говорю я себе мысленно и быстренько превращаю перспективного учетчика опять в отшельника, но на этот раз не в образе Кроули, тот был совершенно несимпатичным, толстым опустившимся сластолюбцем, - а в образе Элиса Купера, как мы увидели его во время визита короля шок-рока в Москву.

Итак... любопытный мальчишка проникает в дом местного алхимика-затворника, о котором в провинциальном городке ходят самые нехорошие слухи. Парень нарушает границы частной собственности в самый подходящий момент: отшельнику, давно отрешившемуся от всех земных радостей, полностью посвятившему себя выбранному Делу и соблюдавшему все табу, обряды очищения, позарез необходим ученик, которому душа просит передать приобретенные знания. Ему нужно заполучить «мистическое дитя» (именно таким ребеночком и был для Кроули вышеупомянутый Джонс - брат Ахад). Все, на кого он рассчитывал раньше, разбежались: кто в столицу за верным заработком, кого священники запугали до полусмерти, утверждая, что старик - гнусный слуга Сатаны. «Арийцы» именно к этому и подвели, изменив по своему усмотрению последнюю строчку в припеве. В оригинальном варианте вновь фигурировали Луна и Солнце - символы, от которых в магии и алхимии некуда деться.

Стану тобою,
Ты станешь мною,
Солнцем и Луной!

Придуманый мой старикашка, явно наслаждаясь испугом пацана, продолжал разыгрывать перед вроде бы незваным гостем свой нехитрый спектакль.

- Кто сидел на моем стуле и сломал его? - спрашивал Михайло Потапыч в русской народной сказке, увидев, какой бардак учинила в образцовом медвежьем доме невоспитанная девочка Маша (операция по изменению пола одного из главных действующих лиц истории прошла без осложнений: с подмосковными медведями общалась Маша, с интернациональным магом-отшельником - Саша или Паша).

- Кто взял мой хрустальный шар, не спросив меня? - деланно нехорошим ше-потом осведомлялся мой отшельник.

- Кто спал на моей кровати и сломал ее?! - буйствовал медведь.

- Кто мне яду подмешал среди бела дня?! - шутил отшельник, изображая на своем пергаментном лице неземной гнев. Высококачественный ядок-то обычно на ночных пьянках употребляют...

Первоначально шалости малолетнего правонарушителя в описании Отшельника выглядели несколько иначе:

Кто взял мой хрустальный шар,

Не спросив меня?

Кто здесь пировать мешал

Демонам огня?

Кто мне бросил мышь в окно

И алтарь разбил?

Кто все расплескал вино -

Эликсир любви?

(Кстати, об алтаре... Едва ли это были два поставленных друг на друга и накрытых черной материей куба. Отшельник придумал бы что-нибудь поинтересней - какой-нибудь плоский камень на ножках, со специальным желобком для стекания жидкостей или кровушки замученной лягушки, На алтаре по правилам должна стоять свеча - белая свеча там стояла, да мальчишка ее уронил... Обязательный для выполнения магических ритуалов жезл закатился неизвестно куда. Глиняная неглазированная чаша, выполненная согласно «Малому Ключу царя Соломона», очутилась в затянутом паутиной углу. Кинжал хулиган хотел спрятать под рубашкой, заткнув за пояс, да старикашка помешал... А с пентаклем, завернутым в черный шелк, он ничего сделать не успел. Пентакль ему в руки просто не дался.)

Дохлая мышь, которую мальчишка долго крутил за хвост, прежде чем забросить в окно мага и разбить его алтарь, явно является атрибутом панковской культуры. Дубинин так зыркнул на меня глазом, услышав про мышь, что, будь у меня нервишки чуть-чуть послабее, осталась бы от меня горстка приятно хрустящего на дубининских зубах пепла. Второе четверостишие выглядело следующим образом:

Ты мал, но твой ум, как нож,

И душа чиста,

Я знал, что сюда придешь,

Что все будет так!

Думаю, мой Отшельник любил ходить по ночному городку и заглядывать в окна мирных граждан. Он высматривал мальчонку, обладающего всеми качествами ученика мага. И этого парнишку с мышью на веревочке он выбрал давно, когда тот еще лежал в колыбели, пускал пузыри, гукал и умилял маменьку розовыми пятками. Старику ничего не стоило

заглянуть в зарождающийся внутренний мир младенца, разгадать шифр его судьбы, а потом сделать так, чтобы подросший кандидат влез в его жилище через разбитое окно и натворил там много всяких бед.

«Стой, где очерчен мелом круг!» - приказывает magician. На поверку он оказывается порядочным скрягой: мелом магический круг очерчивается, так сказать, в «полевых» условиях, его еще можно выложить всякими тыквами и репками или поставить соответствующим образом зажженные свечи (чем больше, тем луч-ше). По правилам, круг должен быть нарисован специальной (!), освященной (!) краской. Или красной, или белой... Еще Великий Мерлин говорил, что «круг - наша страховка на случай ошибки». Вообще-то, от любой магии самая крепкая защита - именно замкнутый круг (ха-ха! вспомните-ка, как называется последняя песня на этом альбоме. То-то и оно!), и особенно круг из камней. Если выкладывается 12 камней, то это означает тройственную форму всех четырех стихий, символ микрокосма.

«Ты знал, что войти в мой дом значит умереть!» - грозно произносит порождение моей фантазии, но подразумевает смерть не в прямом, а в переносном смысле: умереть для всего мелочного, каждодневного и мирского, отречься от земного счастья. Но разве мог об этом знать мальчик? Он решил, что старик его тут же и прирежет или съест, как рождественского индюшонка. Короче, пугал мой почти Элис Купер парнишку. Пугал и договором, который тот должен был подписать кровью, пугал и скорой встречей на костре... Скорее всего, эту фразу старик прокричал несостоявшемуся ученику уже вдогонку - тот вырвался из круга и улепетывал так, что только пятки сверкали. Скорее всего, мальчик потом попадет в психушку и там будет молча чертить круги на полу отковыренной от стен штукатуркой и биться о толстые стекла, вообразив себя Входящим в Зеркало Мира...

Не стоит слишком серьезно относиться к этой песне, за исключением, пожа-луй, следующих строк:

В хрустальном шаре
Ты видишь этот мир -
Пороки в нем играют
Нелепыми людьми,
В хрустальном шаре
Ты видишь и себя -
То демон ты, то ангел,
И мечется душа твоя!

У кого нет хрустального шара, тот может посмотреть (только очень при-стально) в обычное зеркало.

С шарами на самом деле произошла удивительная история. Случилась как бы оттяжка во времени - в оформлении «Генератора...» никаких шаров не было. Зато они появились в изрядном количестве в буклете к альбому «Химический сон» С. Маврина. И в каждом - фрагменты философских картин художников И. Босха, П. Брейгеля и Джеймса Поллака. На последней странице буклета - в стеклянную сферу заключены все музыканты, играющие в группе Маврина, а сферу эту держат чьи-то тонкие аристократические пальцы. Интересно, кто же этот Держатель? Он же Хранитель? Он же Хозяин? В изображение Отшельника на обложке «арийского» лонгплея вкралась неболь-шая неточность: маг-невидимка был облачен в плащ красного цвета. А на нем обязательно должно было бы шуршать черное одеяние. Ибо черный цвет является символом величайших тайн Магии. «Черное - это мост в потусторонний мир... черное - это цвет истинного сияния!» Так говорил замурованный впоследствии в туманную башню коварной подругой все тот же волшебник Мерлин.

На эпохальном концерте АРИИ 1 декабря 2001 года в московских Лужниках, где были и

круглая сцена, и струнные, игерлзнаподпевках, и летающие вампиры, Кипелов (сам того не ведая) правила игры, изначально заложенные в «Отшельни-ке», выполнил: он вышел исполнять эту песню, закутавшись в черный плащ...

PS. Прошу прощения у читателей за возможный сбой ритма повествования в некоторых местах, но редактировать именно этот файл было невозможно! В течение трех дней, как только я собиралась подправить написанное и добавить фрагмент о ритуале Вызывания Духов в круге из «голов», компьютер мне выдавал гнусную табличку: «Программа выполнила недопустимую операцию и будет закры-та». Бее мои хитрости сразу сводились умной машиной на нет. В довершение без-образия в ночь с 24 на 25 декабря, когда я, устав бороться за чистоту текста, подошла к секретеру, чтобы отобрать кое-какие фотографии, на мою бедную головушку сверху свалилась здоровенная картина... Искры полетели из глаз, и я ти-хо заскулшъа, потирая ушибленное многострадальное темечко. Следом за картиной на ту же посадочную площадку, т.е. на мою БАШКУ, рухнул здоровенный энциклопедический словарь. В силу столь уважительной причины я вам больше ничего не расскажу ни об Отшельнике, ни о Мерлине, ни о благовониях под названием «Троица». Надеюсь, что успею предупредить, пока комп не выбросил полюбившийся ему лозунгт что на ритуал Вызывания духов никто не зовет с собой подружек с запасами «Пепси» и чипсов, друзей с ноутбуками и мобильниками. Одиночество, и еще раз одиночество, и третий раз одиночество - и тогда явятся древние боги или духи, которые, по утверждению философа К. Г. Юнга, отнюдь не исчезли, а «просто взяли себе другие имена»...

Все-таки надо вовремя уметь завязать со своими неуклюжими заигрываниями с магическим, мистическим и оккультным, пока ночью на твой скособоченный диванчик не присел Некто в черном и не сказал бы скрипучим голосом (как это приключилось с Баттлером, басистом БЛЭК САББАТ) что-то вроде: «Или, наконец, присоединяйся к темным силам окончательно, или прекращай заниматься тем, в чем ты ни хрена не понимаешь!».

"Ария Маргариты" - часть 17.

Окончательный вариант текста:

Кто взял мой хрустальный шар,
Не спросив меня?
Кто мне яду подмешал
Среди бела дня?
Стой, где очерчен мелом круг, -
Как мне приятен твой испуг!
Ты знал, что войти в мой дом
Значит умереть!
Ты знал, что играл с огнем,
И попался в сеть.
Но я не враг твой, я твой друг,

Стой, где очерчен мелом круг!

Да, я отшельник, маг и волшебник,
Тяжек мой путь.
Древние тайны всех мирозданий
Мне под силу.
Я заклинаю и превращаю в золото ртуть,
Стану тобою, ты станешь мною,
Верным сыном Зла.

Ты жив, но для всех - исчез
В черных облаках.
Вот здесь ставят кровью крест -
Подпись на века.
Я научу тебя летать,
В зеркале мира исчезать.

В хрустальном шаре
Ты видишь этот мир,
Пороки в нем играют
Нелепыми людьми,
В хрустальном шаре
Ты видишь и себя:
То демон ты, то ангел,
И мечется душа твоя.

О, ты поставил кровью крест,
До скорой встречи на костре!

Что бы почитать:
Мистики XX века, энциклопедия
Алистер Кроули «Лунное дитя»
Еремей Парнов «Трон Люцифера»
Stephen Davis «Hammer of The Gods, Led Zeppelin Unauthorised»

Что бы посмотреть:
«The Song Remains The Same» - фильм об американских гастролях группы LED ZEPPELIN

**ОЧЕРЕДНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ:
ВСЕ ПРИВЕДЕННЫЕ НИЖЕ ТЕКСТЫ
НАПИСАНЫ НА ТАК НАЗЫВАЕМУЮ «РЫБУ»,
ЗАДАННЫЙ МУЗЫКАНТАМИ РАЗМЕР!**

ЗАКАТ (музыка В.Кипелов)

Кипелов - скупой на собственное творчество человек. Больше одной песни на альбом обычно не приносит. Может поколдовать с другими музыкантами над припевами, бриджами в их творениях, стать соавтором, но целиком выносит на суд коллектива одну-единственную, почти всегда медленную, рвущую душу вещь... Сидит глубоко внутри у «арийского» вокалиста тоска по другой жизни, тлеет огонь, взрывающийся фейерверком лишь в таких вот кипеловских одиночных алмазах. Мы с ним здорово похожи - ни

Валерий, ни я не умеем делать резких движений, круто менять выбранный некогда курс, отрывать от уже привычного. То одних жалеет, то других, то самих себя. А потом жестоко расплачиваемся за это. Нервами, здоровьем, свободой... «Все время хочется вырваться, - говорил Кипелов во время записи «Генератора...». - А ведь знаешь, что не вырваться... Я вообще-то не поклонник резких перемен, но душа жаждет иногда чего-то необычного» Несколько раз на моей памяти Кипелов пытался сделать решительный шаг, совершить прыжок в сторону от протоптанной дорожки. И ни разу у него это не получалось. Он словно зависал в воздухе, поддерживаемый некоей тайной силой, которая секунд через пять резко разворачивая прыгуна и швыряла на прежнее место. А печаль о неизведанном оставалась, пурпурной рекой перетекая из песни в песню.

Сюжет №1

В рижском Домском соборе прохладно. Сквозь пыльные цветные витражи пробиваются лучи заходящего солнца. Под каменными плитами у стен спят грозные рыцари... Я сижу на первой скамейке - откуда-то сверху, из полумрака, доносятся два голоса: органа и скрипки. Невидимые люди льют свою печаль о прошлой жизни, дотрагиваются пальцами до сердец чутких инструментов. Пронзительно. Сотни маленьких иголок пробегают по коже, и мне кажется, что когда-то я уже сидела вот так, в летнем платье, летним вечером в торжественных сумерках и слушала эту музыку. Но тогда звучала не скрипка, звучал чистый женский голос, поднимался к самому шпилью, от шпиля - к небу, над напряженной перед грозой рекой, по которой можно добраться к желанному морю. «Женщина, женщина, о чем Вы поете?» - спрашивал у певицы вежливый воробей с подбитым крылом, желавший спрятаться подальше от когтей блудливой кошки и оказавшийся перед устрашающими своей величавостью трубами органа. «Я пою о том, что трое любили меня, а я любила одного из них, но все трое предали меня... Меня предавать нельзя - так сказал мой Ангел - и обижать меня нельзя... Кто предаст или обидит, скоро умрет. Двое уже отошли в мир иной, и я сама превратила их оболочки в огонь, третий - жив, но лицо его становится все безобразнее и безобразнее, а тело с каждым днем становится все дряхлее и дряхлее, и близок тот миг, когда он захлебнется фиолетовым пламенем... А я останусь одна, без любви и огня, но живая...» «Я думал, в соборах можно петь только о Господе Боге», - прочирикал воробей, и увидел перед собой две маленькие желтые луны, разделенные по центру черными трещинами. Вот какими глазами смотрела на трепещущий комочек перьев блудливая соборная кошка... Орган замолчал. Замолчала и скрипка. В кармане красного платья в белый горох позвякивала купленная в универмаге за углом хитроумная металлическая ручка... Тогда все школьники писали еще перьевыми ручками, и ученикам полагалось носить в пенале перочистки - забавное изобретение для чистки этих перьев. Перочистки делали из разных неворсистых лоскутов - вырезались либо кружочки, либо квадратики, сшивались по центру. Получалась тряпичная пирамидка, которую венчала какая-нибудь цветная бусина. Купленная мною металлическая ручка была хороша тем, что на ее концах имелись колпачки, в которые можно было вставить с одной стороны перо, а с другой - карандаш, а потом убрать и перо, и карандаш внутрь. Длинную пустую трубочку можно было запросто использовать, чтобы плевать в недругов-карапузов горохом или бузиной... Оглянуться на вход в собор было страшно - того и гляди там появится Некто с бледным лицом и горящими глазами, а у его ног будет сидеть здоровенный черный пес, любимец римских легионеров. Гораздо позже я узнала, что эта порода называется ротвейлер, ну а про «черного человека» я упоминала в начале своего длинного «арийского» повествования...

Стой в предзакатный час

В тихом воскресном храме,
И вспомни свои печали
И мечты свои.
Пусть догорит свеча,
И кажется временами,
Что рядом открыты двери
В прошлые миры...

Там все живы, кто любил меня,
Там восход - как праздник вечной жизни с тобой,
Там нет счета ни ночам, ни дням,
Но есть долгий светлый путь домой.

Где золотая пыль
Долгих бесед о счастье?
Сухая трава и листья,..
Никаких следов...
В городе - летний штиль (sic!),
Время спит на запястье,
Закат закрывает двери
В лучший из миров...

Где все живы, кто любил меня,
Где восход - как праздник вечной жизни с тобой,
Где нет счета ни ночам, ни дням,
Но есть долгий светлый путь домой...

Возьми меня с собой, пурпурная река,
Прочь унеси меня с собой, закат,
Мне кроме замков из вечерних облаков
Не нужно больше ничего...

Окончательный вариант текста:

Под бдительным взором Кипелова на свет появилось примирение тьмой алмаза и пепла и был сделан печальный вывод: «Друг равен врагу в итоге, а итог - один!». О правильности этого заключения можете спросить у мертвых. В Порого-вый День, в канун праздника Охоты в Потустороннем Мире - 31 октября. Когда лишь прозрачный туман отделяет нас от потустороннего, и сквозь нас легко и непринужденно проходит великое множество миров...

Я вижу, как закат стекла оконные плавит,
День прожит, а ночь оставит тени снов в углах,
Мне не вернуть назад серую птицу печали,
Все в прошлом, так, быстро тают замки в облаках.

Там все живы, кто любил меня,
Где восход - как праздник бесконечной жизни,
Там нет счета рекам и морям,
Но по ним нельзя доплыть домой...

Вновь примирит все тьма - даже алмаз и пепел...

Друг равен врагу в итоге, а итог - один...
Два солнца у меня на этом и прошлом свете,
Их вместе собой укроет горько-сладкий дым.

Возьми меня с собой, пурпурная река,
Прочь унеси меня с собой, закат,
Тоска о том, что было, рвется через край,
Под крики черных птичьих стай.

ДЬЯВОЛЬСКИЙ ЗНОЙ (музыка С.Терентьев)

Естественно, все начиналось не так, как все закончилось...

Не трогай меня, я прошу,
Ни губами, ни пальцем, ни взглядом,
А тронешь - случится беда,
Ты мне послана силами Ада.

Хозяин твой, черный, как ночь...

(...дальше развернуться не дали, хотя речь шла вовсе не о сутенере несчастной белокожей девушки, оказавшемся порочным чернокожим хозяином). Босс сильно хромал, попахивал серой и смолой. Эту песню мне откровенно жаль, ее «загнали», как молодую лошадку на рок-ипподроме.

Перед окончательной шлифовкой текст выглядел так:

Ты сменишь лицо, как наряд,
Ты вползешь в чье-то тело неслышно, как змея,
И кольцами сдавишь меня,
Дав понять, кто из нас в жизни лишний.

Твой вирус любви ядовит,
Он разрушит меня, но напрасны все слова,
Сгорю, как сухая трава,
Только секс может быть безопасным,
Любовь не может быть тихой игрой,
Достаточно искры одной
Между мной и тобой,..
Это - дьявольский зной.

Мне нравится эта война
Между светом и тенью, нечистым и святым...
Захочешь - мы все повторим,
Я тебя подпущу очень близко!
Мы сразимся с тобой до конца,
Проклиная, бледнея от страха, но любя,
И стану победителем я,
Ты же станешь щепоткою праха.

Так неуютно под небом пустым,
Зачем мне победа моя и свобода,
Если вновь я один?!

Сам испепелил, сам и расстроился. К сожалению, не сохранилось черновиков варианта текста о японке, которая, будучи дочерью самурая (о чем говорилось конкретно), занималась восточной магией. А восточная магия, как известно, плохо переваривается магами западноевропейскими, не говоря уж о русских колдунах и ведьмах. Во всяком случае, одного моего знакомого, над которым «пора-ботали» индонезийские маги, не взялись восстанавливать увешанные регалиями московские чародеи. «Бали, понимаешь ли...и есть Бали!» Точно помню, что придуманная мною японка умела превращать хлорированную водопроводную воду в от-менный спирт, чем, видимо, и удерживала около себя десяток-другой поклонни-ков. Но боялась трамваев. Слово «трамвай» вообще не вписывается в «арийский» ажур, оно из той серии, где поют о желтых ботинках, короле Оранжевое Лето и о кошках, так похожих на людей (группа БРАВО). Не произошло интернационализации творчества АРИИ, хотя музыканты всегда любили ДИП ПЕПЛ, а там периодически в песнях мелькают всякие японки и даже цыганки. Терентьев с помощью друзей кое-что подкоротил, подрезал, Кипелыч вместо «я тебя подпущу очень близко» вставил «от заката до рассвета». Мои возражения и стенания по поводу уничтожения элискуперовского духа «Зноя» в расчет не принимались... К сожалению, песню отнесли в разряд проходных, на концертах она ни разу не прозвучала...

Окончательный вариант текста:

Ты сменишь лицо, как наряд,
Ты войдешь в чье-то тело неслышно, как змея,
Ты кольцами сдавишь меня,
Дав понять, кто из нас в жизни лишний.

Твой вирус любви ядовит,
Он разрушит меня, но напрасны все слова -
Сгорю, как сухая трава.
Может, это мне послано свыше?

Любовь не может быть тихой игрой,
Достаточно искры одной,
Между нами - лишь дьявольский зной.

Шепот молитвы в каменных стенах,
Лезвие бритвы на тонких венах,
Счастье наутро, горе под вечер,
Все так странно и вечно...
Пусть это будет зваться любовью –
Самой нелепой, самой земною,
Пусть это будет дьявольским зноем,
Зноем, сжигающим все.

Мне нравится эта война
Между светом и тенью, нечистым и святым,
Захочешь - мы все повторим
От заката и до рассвета.

Я буду с тобой до конца,
Проклиная, бледнея от страха и любя,

Ты хочешь все больше огня,
Но ты станешь щепоткою пепла...

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ (музыка В.Холстинина)

Всего, что было, не расскажешь,
У слов всегда есть тайный смысл,
Q-о-о, придуман он людьми,
Но нам привиделись однажды
Арийцы на гнедых конях (надо думать - арии),
Высоко в горах...
И мы ушли в эти странные сны.

«Ученые» люди, начитавшиеся всяких книг по медицине, утверждают, что, если сны начинают менять свою окраску - были, например, яркими и сочными, а теперь их бросает в коричневатые тона - значит с вашей кровью что-то не в порядке. Ее необходимо чистить! Ешьте больше помидоров или тертой моркови. А чтобы поедание катастрофического количества моркови не сопровождалось неизбежным расстройством желудка, попутно забросьте в топку организма сваренное вкрутую яйцо. Процесс написания текстов можно сравнить именно с постепенным засорением жизненно важной красной жидкости, текущей по жилам и венам. Или со снами - сначала радостными, а потом минорными.

Первые варианты стихов - это всегда ваши сны за час до скукоживания организма. Версия с «арийцами» на конях родилась спонтанно. «Почему бы, - подумала я, наивная, - если уж группа называется АРИЯ, не спеть им о племенах истинных древних ариев?». Тем более что Брюс Диккинсон, давая автограф Холсту во время пребывания МЭЙДЕН в Москве, написал поперек статьи об АРИИ, напечатанной когда-то в журнале «Рокада»: «Up To The Aries»...

Во втором куплете, который не сохранился, как и многое другое, шла речь уже о древних арийских символах и жрецах. Случился легкий перенос темы из одного из вариантов текста для песни «Следуй за мной!»

- На фиг арии, - грубо отрубил Петрович, - надо что-нибудь общедоступное. И чтобы по ходу дела попадались названия старых песен или уже знакомые по прошлым альбомам образы. Так поступают все...

Прощай, невоплощенная в песне символика 4 цветов! Прощай, светлая вера в жизнеутверждающую силу благодетельных богов!

В самый критический момент случилась мощная эпидемия гриппа, и на ум не приходило ничего, кроме:

Унылой ящерицей осень
По лужам тащит серый хвост,
Такой нелепый хвост,
И снова грипп знакомых косит,
Все боятся частых встреч,
И, чтоб себя развлечь,
Вспоминаю я улицу Роз.

В гриппозном бреду явился мне и Пилат, с которым мы с момента написания эпического полотна «Кровь за Кровь» были практически неразлучны. Явился в перчатках. Кожаных, байкеровских.

- Понтий, - говорю я, засовывая градусник под мышку и понимая, что нехорошо так запанибрата разговаривать с Прокуратором, - вот так все время и ходишь? И в жару?

- Приходится так ходить, - отвечает разжалованный надзиратель над Иудеей, внимательно рассматривая уже открытую банку собачьих консервов, неожиданно оказавшихся у ножки письменного стола, - словно взяточник какой-то, я же меченые купюры не брал, а вот наградили...

- Мыло у меня есть, Safeguard называется, не пробовал?

- Да перепробовал все - и голубое, и розовое, и зеленое... Бородавки ис-чезли, мигрень прошла, а это вот никак...

- Понтий, это ж собачья еда!

- Собачья жизнь, собачья жратва, - уныло отвечает узник вечного позора, бросая пустую банку в открытую форточку. - Хорошо, что хоть гору моим именем назвали... А так, отмыл бы я ручки, и что? Кому бы нужен был? Красиво звучит: «Когда вершина Пилата укрыта шапкой облаков, погода отличная...».

Точно. 40 градусов. Аспирин. Малина. Покой.

Когда Пилат отмоеет руки,

Я подниму бокал вина,

И осушу до дна.

Начну звонить своей подруге

На другой конец Земли,

Всем друзьям своим:

Суть истории изменена!

Потом скажу, что каждый в жизни

Чуть-чуть и Понтий, и Пилат,

У каждого свой ад!

И за стеной - какой-то лишний

И уставший человек

Отойдет в Древний Рим навсегда...

Когда Пилат отмоеет руки,

Взовьется пламенем вода,

Исчезнут города,

И лопнут старые подруги (не подруги!)

У грехов, как у коней,

Скучно станет мне,

Я уйду по воде... в никуда... (привет «Пытке тишиной»!)

Наш отечественный аспирин превратил курившего косяк Пилата в висевшие на спинке стула кожаные штаны. Собачьи консервы оказались нетронутыми, но мой пес Пинч подозрительно принюхивался к банке, презрительно чихнул, отверг подношение и окопался на коврик под креслом, словно говоря: «За прокураторами не подъедаем-с!». Грипп отступил, и мы с Холстом принялись яростно перебрасываться вариантами запевов, как пинг-понговыми шариками. Он вгрызался в текст, опытной ру-кой вычленил из него одно-два слова и требовал продолжения оформления мысли...

Мы колесили по дорогам,

Меняя струны и подруг,

Неправильных подруг,

Совсем не думали о Боге,

Звали в гости Сатану,

Выпив не одну -

Но пугались, услышав в дверь Стук...

или

Мы колесили по дорогам,
Меня струны и подруг,
Нам не хватало рук.
Хозяин был не слишком строгий,
Но деньгам вел хитрый счет,
Он потом умрет (не счет, естественно, а хозяин)
В час любви,
А не творческих мук...

Под многоплановым псевдонимом «Хозяин» на этот раз выступал не Дьявол, а Виктор Яковлевич Векштейн, собравший в свое время АРИЮ. Интересный был дядька - о мертвых либо хорошо, либо ничего... Привозил и ставил просто так, бесплатно, аппарат в кафе «Молоко», что в Олимпийской деревне, для выступления всяких рок-босяков, пригнул у себя на базе и бесхозный НОВЫЙ ЗАВЕТ и ЭВМ (экс-КРУИЗ с вокалистом Мониным и гитаристом Безуглым)... А как ловко он АРИЮ засвечивал на многодневных фестивалях студенческого творчества в Университете Патриса Лумумбы! Танцуют себе чернокожие нигерийцы, хором поют, боливийцы в дудочки свои дуют и по струнам ударяют. А потом, в конце, как выскочит Грановский с хаером, как выпрыгнет... Такое случилось в доледниковый период, еще до официального и всенародного признания «арийцев». Виктор Яковлевич любил собирать всяческие грамоты и призы: начинаются какие-нибудь маразматические претензии от парткомов и горкомов, а тут - пожалуйста! - красивая грамота, выданная коллективу Москонцерта за поддержку интернационализма и участие в международном студенческом движении.

или

Кто умер в двадцать или тридцать,
Того любили небеса,
Забрали небеса,
А жизнь, как хитрая волчица,
За флажки уводит нас,
Чтоб в последний раз
Пылью славы обжечь нам глаза...

Нескромно как-то, но пророчески. После выступления АРИИ на фестивале «Нашествие» 4 августа 2001 года с оркестром, с дирижером, который почувствовал себя рокером и решил по этому случаю раздеться, оголив довольно кисельное тело, вокруг группы забурлил очередной водоворот страстей и выгодных предложений... Демоны, демоны испытывают АРИЮ на прочность. Устоят ли «арийцы», в пределах очерченного разумом и совестью круга или нет?

Есть неземное состоянье,
Когда ты с Богом наравне,
И Бог - в твоей струне...
Дар это или наказанье?
Кто все понял, тот исчез
В глубине небес,
Как солдат на священной войне.

"Ария Маргариты" - часть 18.

На 31 августа 2001 года песня «Замкнутый круг» стала последним творением Холстинина, для которого я написала текст. Напомню, что на «Химере» Петрович уже со мной не работал.

В интервью журналу «Dark City» в 2001 году Холстинин объяснял смену своих поэтических привязанностей весьма оригинально. Пушкина, мол, - женщина, и с ней трудно работать. «Она не выносит критики...» «Н-да, - подумалось мне тогда, - не выношу я критики...». Особенно, если учитывать то количество переделок, которые вносились в тексты по требованию музыкантов. Конечно, не выношу критики! По 10 сюжетов...» Не буду кривить душой, слова «арийца», с которым мы работали с 1985 года и с которым я написала 5 (!) альбомов целиком, обидели меня. А потом мне стало весело. Это и есть рок, проявление той самой его темной стороны, о которой мало кто знает. Это обычная человеческая слабость, которую надо простить... В конце концов, у меня (а значит и у тех, кто любит АРИЮ) есть вершина, где парят три белых орла, у меня есть Улица Роз, есть требующий раскачки мир, есть Антихрист и древний град Иерусалим, есть заключительные строки «Замкнутого круга» - «не всем волчатам стать волками/ Не всякий взмах сулит удар». У меня есть история о том, кто такой на самом деле Иуда... Но об этом - как-нибудь потом, с позволения покровительствующих мне (или провоцирующих меня) пока еще не названных астрономами звезд...

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Мы колесили по дорогам,
Меняя струны и подруг.
О, нам не хватало рук,
И, если все добро от Бога,
Нам не светит теплый рай,
Сколько ни играй,
Это просто замкнутый круг.

Что завтра будет - неизвестно,
Хотя нетрудно предсказать.
О, нам нечего терять,
Какая жизнь - такие песни.
А жизнь нелепа и смешна,
Дальше - тишина,
Не объехать и не убежать.

Да, да, все сказано,
Да, да, давным-давно,
Да, да, да, все связано
Самым древним и хитрым узлом.

Да, да, да, все здорово,
Да, да, да, гори огнем,
Да, да, мы тоже золото,

Мы сверкаем, пока не умрем.

Другая кровь, другие раны,
Совсем другие времена,
Иные имена,
И, словно щепкой в океане,
Нами тешатся шторма,
А ночь короче дня,
Свет достанет нас даже со дна.

Слишком скучно быть бессмертным -
Те же лица день за днем,
Те же глупые ответы
На вопрос: «зачем живем?».

Не всем волчатам стать волками,
Не всякий взмах сулит удар,
Есть странный дар - лететь на пламя,
Чтоб в нем остаться навсегда...

ПРИЛОЖЕНИЕ I

БИБЛИОТЕКА АГУСКАЛЬЕНТЕС

Откуда: La Jornada. 18 января, стр. 15
Кому: В еженедельник «Progreso»
Кому: В национальную газету «Ei Financiero»
Кому: В национальную газету «la Jornada»
Кому: В местную газету SCLC «Tiempo»

16 января 1994 года

Господа,

Перед вами коммюнике, содержание которого свидетельствует об изменении в направлении ветров. Вы вновь угрожаете нам безработицей. Думаю, на этот раз всерьез. Мне сказани, что Мистер Робледо Ринкон укрылся со своими до зубов вооруженными охранниками, окрестившими сами себя «государственной общественной службой безопасности», где-то в лабиринтах губернаторского дворца. Даже если власть тех, кто противится народной воле, не простирается дальше 4-х районов древней столицы штата Чиापас, Тукстлы Гутьеррес, им следует предложить достойный выход из ситуации. Пусть только они объяснят, на какие деньги вооружались бледнолицые солдаты, истребляющие коренное население в сельской местности Чиапаса. Может, на деньги, предназначенные для подписанных в Сан-Кристобале «мирных соглашений», и эти деньги так и не дошли до бедноты этого штата Юго-Восточной Мексики (и который мы все еще считаем мексиканским? Так или нет?).

Vale.

Здоровья и мира во имя надежды предсказать завтрашний день. С гор Юго-Восточной Мексики,
Мятежный субкоманданте Маркое,

Мексика, январь 1995 года.

P.S. Он вспоминает утро вчерашнего дня и холод, царящий внутри.

Однажды ночью, заполненной ревом танков, самолетов и вертолетов, я очутился в библиотеке Агуаскальентес. Я пребывал в гордом одиночестве, окруженный книгами и стеной холодного дождя, из-за которого пришлось натянуть лыжную шапочку.. Мне не надо было ни от кого скрываться, разве что от холода. Я устроился на одном из немногих стульев, на которых ещё никто не сидел, и созерцал заброшенность этого места.

В этот рассвет, как и во все прочие, люди не заглядывали. А Библиотека начала свою сложную церемонию демонстрации своих богатств. Пришли в движение тяжелые книжные шкафы, и казалось, что они кружатся в непонятном хаотичном танце. Книги менялись местами, обменивались страницами, и по ходу дела одна из них упала на пол и явила утреннему сумраку неповрежденный лист. Я не стал поднимать эту книгу, передвигая танцующие полки таким образом, что она оказалась рядом со мной, и я смог бы ее прочитать...

«Библиотека существует вечно. В этой истине, из которой незамедлительно следует логический вывод об уходящем в вечность будущем мира, не может сомневаться ни один человек, не имея на то веских оснований. Человечество, этот несовершенный библиотекарь, может быть творением Судьбы или злобного демиурга; Вселенная, обладающая чудесным количеством шкафов с волшебными томами, непрерывно движущимися лестницами для путешественника и отхожими местами для тех, кто любит протирать штаны, может быть лишь творением бога...

Чертенята утверждают, что для Библиотеки неразборчивое бормотание - дело вполне привычное, и если слова чисто случайно цепляются друг за друга и раздается нечто осмысленное, значит вы стали свидетелями сверхъестественного исключения из правил. Библиотека безгранична и временна. Если бы вечный странник пересек ее в каком угодно направлении, он мог бы доказать, что в конце столетий одни и те же тома беспорядочно повторяются (но этот беспорядок при повторении становится неким порядком: Порядком с большой буквы)».

«Мое одиночество сразу веселеет, получив в свое распоряжение столь славную надежду. Летипия Альварес де Толедо как-то заметила, что пустая Библиотека не приносит никакой пользы; строго говоря, кому-то одному может понадобиться всего лишь один том обычного формата, выдержавший девять или десять изданий; этот том может состоять из бесконечного числа бесконечно тонких страниц (...). Работать с этим шелковистым на ощупь талмудом будет неудобно: каждая страница старается показаться совсем не тем, чем она является на самом деле, у недоступной странице в середине книги может не оказаться оборотной стороны».

«Мое одиночество сразу веселеет, получив в свое распоряжение столь славную надежду», - повторяю я, выскальзывая из объятий библиотеки. Агуаскальентес подобен пустыне. Я делаю попытку произнести слово «заброшен», и в этот момент мимо, в сторону кухни, пробегает лисица. Направляюсь к бетонному постаменту и сажусь у пальмового дерева, воплощающего «надежду на то, что цветы, умирающие в других краях, здесь расцветают».

А между тем Библиотека продолжает свои фантастические превращения. Кажется, что через двери и окна проникают всякие шумы, треск и чьи-то всхлипы. Разве я сказал «через двери»? Здесь есть два отверстия, которые едва ли поддаются однозначному определению. Это нечто, через которое человек может войти внутрь, которое один может назвать «выходом», а кто-то другой будет утверждать, что сие есть легкие Библиотеки, она ими дышит. И лишь некоторые думают, что эти отверстия, или дыры, заглатывают людей, животных и надежды...

Библиотека Агуаскальентес - начало и конец спирали, без какого-либо конкретного входа или выхода. Я хотел сказать, что для гигантской спирали, которую описывал Таго, чтобы объяснить происхождение архитектурного ансамбля Агуаскальентес, Библиотека стоит в начале и в конце. Дом-сейф, «хранящий величайшие секреты организации», расположен

на другом конце и в другом начале этого вихря. Я окидываю взглядом гигантскую спираль, в которую вписывается это сооружение, и представляю, как кто-то, находящийся внутри специального космического корабля, может словами описывать эту спираль, «взывающую из джунглей».

Я перевожу взгляд с дома-сейфа на Библиотеку, которая начинает излучать фосфоресцирующий голубоватый свет и выть, протяжно и хрипло. Библиотека рассказывает о том, какие мысли могут придти в голову, а когда наступает день, ее пространство заполняют дети. Они приходят сюда вовсе не для того, чтобы читать книги. Они говорят (если верить тому, что мне рассказывала Ева), что здесь, в Библиотеке, полным-полно разноцветных шариков. Похоже, никто эти шарики так и не нашел, потому что детишки больше не рисуют яркие картинки. Позже целыми тучами летят вертолеты и самолеты, они заполняют не только небо над Агуаскальентес, но и скучные, однообразные детские рисунки. На мой взгляд, в этих рисунках многовато пурпурного, красного всех оттенков и зеленого. Желтый цвет ограничился солнцем, которое небо в эти дни затянуло серой паутиной.

Ночью Библиотека дает приют и бурно приветствует нарушителей закона и профессионалов насилия (как тот, что сейчас пишет эти строки). Они пристально разглядывают заставленные книгами полки, пытаясь найти там то, чего им так не хватает, что было ими утеряно и что - а они твердо верят в это! - когда-то было здесь. Библиотека была единственным зданием во всем Агуаскальентес, которое считалось собственностью Демократического Национального Собрания, которое время от времени издавало свои книги. Тот, кто приезжал туда, старался подвести к Библиотеке электричество, привезти книжные полки, сами книги, столы, стулья и старый компьютер, который обладал одним весьма интересным свойством - им никогда никто не пользовался. Все остальные районы и строения Агуаскальентес пустовали с 9 августа 1994 года. Когда-нибудь однажды Мистер, Брюс и Сакео попробуют нарезать холст для заплат, которых все меньше и меньше.

Сейчас Библиотека хранит молчание, фосфоресцирующее свечение сфокусировано в одной точке, в центре Библиотеки, и становится постепенно изумрудно-зеленым. Я с опаской подхожу к одному из окон. Зеленый свет ослепляет, и мне необходимо какое-то время, чтобы привыкнуть и безболезненно смотреть на него. И вот, в этом свечении я узрел...

За короткий миг голубые паруса Агуаскальентес наполнились попутным ветром. Я повернулся к капитанскому мостику, но там по-прежнему никого не было. Море ударило своими волнами по днищу, и поскрипывание якорных цепей перекрыло пенье ветра. Я взобрался на правый борт и взялся за штурвал, чтобы выволить корабль из лабиринта спирали. Отплывает ли корабль, или же он причаливает к берегу?

Изумрудное свечение Библиотеки иссякло.

P.S. Пусть он повторит, что донеслось до него из краев Сапаты: «Жестокость в Уаймилль-Четумаль...

Десять лет спустя после того, как Алонсо Давила вышвырнули из Вилья Реал-де-Четумаль, потерявший бдительность Франсиско де Монтехо вновь задумал за-воевать провинцию Уаймилль-Четумаль (1543-1545). Выполнять задуманное он послал Гаспара Пачеко, его сына Мелкора и 30 солдат. Так началась опустошительная война за Уаймилль-Четумаль.

«Индейцев майя, - говорилось в сообщении тех лет, - и мужчин, и женщин, забивали ударами прикладов или сбрасывали в воду озер, привязав груз к ногам, чтобы тонули наверняка. Дикие собаки, которых испанцы использовали в этой войне, разрывали на куски тела беззащитных индейцев. Испанцы считали индейцев животными и избивали их, и охотились на них, как на самых отвратительных зверей. Рассказывали, что солдаты Гаспара Пачеко отрубали многим индейцам руки, отрезали уши и носы...»

Как вы понимаете, правительство, ведомое Злом, появилось много лет назад, но и сегодня его методы остались теми же...»

Тем временем я обеспокоено скосил глаза на свой «выдающийся нос», покрасневший и подозрительно похолодевший из-за того, что было написано относительно «отрезания носов». Привет дымящейся трубке вулкана Попокатепетль, и всегда помните, что ...
«In Popocatepetl aic ixpolihuiz, in mexicayotl ale ixpolihuiz, Zapata nemi i yihtic tepete, iyihitic macehuiltin».

(Внимание: это язык науатль.)

Еще раз - будьте здоровы,

Хлебнувший-соленой-воды из открытого моря.

"Ария Маргариты" - часть 19.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Эти вирши, сочиненные девушкой по имени Ольга (она же Sky), при моральной поддержке ее подружки Hide, были размещены на «арийском» сайте и вполне подходят под категорию «Народное творчество». Говорят, подобных стихов о любых группах ходит по свету видимо-невидимо. Может быть, кому-нибудь будет интересно прочитать эту поэму, из которой убрано несколько фрагментов, показавшихся мне не очень интересными. Отмечу, что в данном произведении допущен ряд исторических неточностей.

“Tribute to ARIA”

Часть I

Новая версия возникновения группы

Пять «арийцев» под окном

Пили поздно вечером.

«Кабы я был рок-звездой, -

Заявил Кипелыч, стоя. –

Я б тут с вами не сидел,

Я б Кобзона перепел!»

Холст нахмурился сердито:

«Ну, иди. Вон дверь открыта.

Если б я был рок-звездой,

Стал бы гитарист крутой!

Я играть давно умею –

Шестью струнами владею!».

Дуб очнулся после спячки:

«Ну и задал ты задачку!

Хард-энд-хэви ведь играть –

Не пейзажи рисовать!

На тебя я не равняю –

Лишь четыре струнки знаю;

В этом хоть и мало прока,

Быть хочу звездой рока!».

Теря встал во весь свой рост:

«Я и так достал до звезд!
Вот узнать бы ненароком:
Кто из них те Звезды Рока;
Прячутся ведь неспроста –
Мы б их заняли места!».
Маня наконец вмешался –
Он в сторонке все держался:
«Был бы рок-звездой я,
Я б купил инвентаря,
Я бы дней не замечал
И стучал, стучал, стучал...».
Двери тихо заскрипели –
В дом ворвался Саша Елин:
«Хватит здесь пугать собак,
Я даю вам, типа, знак!
Хоть мечтали вы сверх меры,
Цели ваши - не химеры:
Будь, Кипелыч, вокалистом,
Холст и Теря - гитаристы,
Дуб, не стоит горевать:
Будешь на басу играть/
Маня, только не кричи,
Ну стучи себе, стучи!».
Тут и сказка началась:
Группа АРИЕЙ звалась...

Часть II

Новая версия появления Маргариты Пушкиной в качестве «арийской» поэтессы

Елин с АРИЕЙ простился,
В путь-дорогу снарядился,
И «арийцы» под окном
Сели ждать его с пивком.
День, неделя, год проходит –
Саша Елин не приходит;
И Кипелыч сник вконец:
«Позабыл нас наш беглец!
Больше мочи нет терпеть:
Буду щас «Калинку» петь!»...
«Ой, не надо, ради Бога,
Погоди еще немного! –
Дружно в голос закричали
Наши братья по печали.-
Не один же он поэт!
Мы пообедем белый свет:
Может быть, его найдем
Иль другого приведем...»
Ну, Валеру уломали,
Все в ларек бутылки сдали –
Вот и деньги на дорогу;
Зашагали дружно в ногу.
Путь был долгий и тяжелый;

Кончился последний желудь –
С Дуба нечего срывать,
Что ж, придется помирать...
«Нет, «арийцы» не сдаются!
Сквозь преграды все пробьются
И дотянутся до звезд!» -
Вдалбливал ребятам Холст.
«Ну, а где же наш поэт ? –
Маня спрашивал в ответ. –
Мы объехали Сахару
И Америку задаром?!
Лезли к бивням черных скал,
Попадали под обвал,
Рисковали всем порой –
Я теперь уже герой!»
Теря ляпнул тут со скуки:
«У тебя, наверно, глюки!
И от нас в отличие Маня величия!».
Маню все-таки простили,
Но совсем уж загрустили...
Кто-то предложил в сомнении:
«А не дать ли объявление:
Так и так, мол, ждем ответа
От великого поэта.
Долго размышлять не стали,
Объявление написали...
И однажды в день ненастья
Подвалило к Дубу счастье:
«Гы, а я уже нашлось!».
Маргаритой назвалось...

Часть III

«Арийцы» на досуге

У Лукоморья Дуб зеленый
И клевый бас на Дубе том.
И днем и ночью Холст Ученый
Все ошивается кругом.
Идет направо - песнь заводит,
Налево (а это уже не наше дело) -
Что-то ищет, вроде...
С крутым обрезом Елин бродит
(А Теря на ветвях сидит).
Там по неведомым дорожкам
Бежит Кипелыч в босоножках,
И Пушкина на курьих ножках...
(Нет, это лишнее немножко).
Там лес и дол Вампиров полны,
Там на заре не хлынут волны -
Там Штиль ужасный и пустой!
«Арийцев» пятеро прекрасных
Чредой из вод выносят ясных

Из Удо завтрак отбивной:
«Вот, подкрепились мимоходом,
Чего же песне петься зря?!».
Как можно так перед народом?!
(С другими делиться надо!)
Но Маня, палочки беря,
Съедает часть богатыря...
А Пушкина все в ступе тужит -
Над нею Ворон Черный кружит;
СтупА Горящею Стрелой
Сметает все перед собой!
Слезай скорей, щас ка-ак бабахнет!!'
М-да-а...
«Арийский» дух! Тут чем-то пахнет..
(Черт, опять на свалку забрели!)
Вот там мы были - пиво пили;
Там Дуб стоял уже зеленый,
Под ним лежал и Холст Ученый -
Свои нам сказки говорил...

Часть IV

История записи альбома «Ночь короче дня»

В студии был тихий час,
Вдруг раздался дикий глас:
«Волки!оборотни!Звери!!!».
Все столпились вокруг Тери;
Разбудили, откачали,
Друг на друга накричали.
«Ох уж эти мне заботы,
Довела его работа! –
Тихо Дуб сказал «арийцам». –
Вот фигня ему и снится!»
Маня был со сна помятый:
«Это все его фанаты!
Им ведь ничего не стоит
Довести до паранойи!
Оттого он так и бредит;
Крыша и у нас поедет!..».
«Нет, неправы вы, ребята:
Маргарита виновата –
Она пятого числа
Текст свой новый принесла.
Песня жуткая: про зверя,
Вот и испугался Теря!
Он был бледен еще утром», -
Рассудил Кипелыч мудро.
Холст, задумавшись, ответил:
«Я тут кое-что наметил:
Ему надо не давать
Тексты Пушкиной читать!
Она просто изувер!

В одной песне, например,
Мужика в конце казнили,
А в другой, нюхнувши пыли,
Парень все летал, летал...
А потом устал - упал!
И еще король дороги
Под конец протянет ноги...
А она твердит опять:
Вроде время убивать...
Дальше рассуждайте сами...».
Маня застучал зубами,
Дуб стоял с застывшей глыбой,
У Валеры хаер дыбом,
Теря трясся в уголке...
Вдруг шаги невдалеке.
«Это же она идет ?!
Закрываем дверь, народ!..
Рита, с нами не прощайся,
Уходи, не возвращайся, -
Холст с Валерой голосили. –
Мы тебя-де раскусили!
Ты прости, что мы так грубо –
Сердце вон возьми у Дуба,
Только нас не убивай!»
Дуб орет: «Мне рано в рай!
Мне же не поставят крест!
Я чужой для тех небес!».
Маргарита лишь вздохнула:
«Видно, палку перегнула.
Запустили паранойю!
Завтра срочно всех на море!
Через месяц их вернем
И доделаем альбом».

P.S. Сказка - ложь, но все ж, ребята,
Нелегка жизнь музыканта!

Часть V

О неудачных полетах

Холст и Дуб пришли из бара:
«Кто-нибудь видел здесь Ик-кара?!».
Теря Дуба оглядел:
«Да он только улетел!
Если время не терять,
То получится догнать!».
Дуб бегом пополз к окну:
«Ща я следом сигану!».
Холст орет ему вслед:
«Круто! Но у нас нет парашюта!
Где-то зонтик тут стоит...».
«Дык, Ик-кар ведь улетит!

Что ты ползаешь, как кляча ?!» -
Причитал Дуб, чуть не плача.
Маня Тере прошептал:
«Я же вас предупреждал!
Он готовенький уже:
Мы ж на первом этаже!».
Дуб с зонтом его не слышал,
Он на подоконник вышел,
Только выпрыгнуть не смог –
Холст пинком под зад помог.
«Во, крутое сделал сальто!
Дуб теперь - Герой Асфальта!
Только что-то там темно... –
Теря выглянул в окно. –
Он же песни там поет,
Вроде бы про самолет...
Может, слышите, про что:
«Тыща сто» да «тыща сто»...
Смерть в лицо ему там дышит..
Кажется, проблемы с крышей!»
«Теря, хватит тут ворчать,
Надо друга выручать!
Дуб ждет помощи давно! –
Маня сиганул в окно. –
Не копайтесь целый час!
Дуб сейчас здесь дуба даст!»
Холст бормочет: «От винта!
Что ж ты даже без зонта?!
Я сейчас к вам доберусь,
Даже если разобьюсь!
Я уже лечу, смотри!..».
«Друг асфальта номер три! –
Тере прошептал Валера. –
Что теперь нам с ними делать?
Может, вызвать им врача?»
«Сами будем выручать!
Ты же слышишь, они тут
Гимн России уж поют!
Распугали всех котов!
Вдруг кто вызовет ментов?!»
И пришлось Валере с Терей
Заносить всех через двери.
«Дуб, ну что, догнал Икара ?»
«На фига? Он мне не пара!
Я вообще летаю лучше!»
Да, совсем тяжелый случай!

P.S. Это все к тому примеры:
Соблюдайте, люди, меру!

Часть VI
О вампирах

С тех пор годы пролетели,
Как уехал Саша Елин.
Где так долго пропадал -
Этого никто не знал.
Вдруг, как снег, на всех свалился...
Маня в студию вломился:
«Елин прибыл, просит мира,
Говорит, принес Вампира!».
Дуб со страху поперхнулся:
«Да он что, совсем рехнулся?!
Это ж с радости какой
Он на студию с собой
Эту нечисть приволок?!».
Поднялся переполох.
На замок закрыли двери;
Спохватились: нету Тери!
Холст завыл: «Как мы могли?!
Терю не уберегли!».
И Валера заорал:
«КАК! Вампир его забрал ?!
Он же дверь со мной закрыл,
А теперь вот след простыл..».
Дуб кричит: «Ватера, тише!
Помнишь, здесь возились мыши ?
Я ведь их давно приметил -
Нор наделали в паркете;
Вот в одну из этих дыр
Терю утащил Вампир!».
Холст набросился на Дуба:
«Да о чем ты раньше думал ?!
Вечно занят был своим...
Вот и лезь теперь за ним!
Ну, давай же, Дуб, не трусь!».
«Да ведь я мышей боюсь!
И Вампиров, кстати, тоже...
Слушай, Холст, не надо может ?..»
И, скорей покинув пол,
Дуб вскарабкался на стол.
«Не спасли тебя от зверя!
Где же ты, наш милый Теря?» -
Плакал Маня в уголке.
«Да я здесь, на потолке!»
Головы задрали вмиг.
Дуб сказал: «Ты, Теря, псих!
Чтоб тебе там было пусто!
Как выдерживает люстра ?!».
Стол предательски качнулся,
Теря с люстрой навернулся,
Выбив с грохотом стекло...
Саша Елин влез в окно:
«Что у вас здесь за погром ?

Продвигается альбом?
Ну, ребята, выше нос:
Я вам новый текст принес!..».

Часть VII Особенности «арийской» кухни

Много дней прошло с тех пор,
Как напал на Терю жор:
Всех ребят пообъедал –
Дуб заметно исхудал.
Рита Дуба повстречала,
Головой лишь покачала:
«Да чего же вы все ждете ?
Вы ж от голода помрете!
У меня тут есть идея...».
Теря ждал обеда, млея.
С Ритой во главе «арийцы»
Накормили друга пиццей.
Теря был доволен очень,
Он сказал: «А между прочим,
Из чего она, скажите...».
«Все вопросы к Маргарите!»
Рита отвечала: «Нет!
Это фирменный рецепт.
Ладно, слушай эту муть:
Пыли ангельской чуть-чуть,
Дождь кислотный, пара скальпов,
Мозг а-ля «герой асфальта»,
Вроде брали чье-то сердце,
Крылышки Икара в перце,
Ну, и мяса попросили
У матросиков из «Штиля».
Звать «Арийский беспредел»...
Теря вдруг позеленел,
Испустив протяжный стон,
Быстро грохнулся под стол.
Рита улыбнулась мило:
«Я про кровь сказать забыла!».
У Холста отвисла челюсть:
«Боже мой, какая прелесть!
Рита, а давай с тобою
Ресторан крутой откроем
Вкусной и здоровой пищи!
Щас название подыщем...».
Все смеялись, чуть не плача,
Долго празднуя удачу.
Только Теря заболел –
С того дня совсем не ел.
Испугавшись, все «арийцы»
Отвезли его в больницу.
Дуб заплакал: «Доигрались!

Слишком мы перестарались!
Мы друзья ему плохие –
Ведь у Тери дистрофия!».
Все закончилось отлично:
Теря ест вполне прилично,
Кстати, точно по часам,
И готовит только сам.

"Ария Маргариты" - часть 20.

Часть VIII
О вреде гостеприимства

АРИЯ который вечер
Отмечала с Удо встречу,
Ну и запись новой песни.
Удо выглядел чудесно!
Привязался он к Валере:
«Что молчим мы, в самом деле?
А давай споем с тобою
Что-то светлое, родное,
Чтобы душу защипало...
Ну давай про каннибалов?».
Тут уж Теря не сдержался:
«Снова старый хрыч нажрался!
Он про этот пароход
В тридцать первый раз поет!
У Валеры нервный тик!
Мы с тобой! Держись, старик!».
«Пусть, раз мужику нейметя.
Про корабль там поется,
Теря, не про пароход! –
Холст зевнул во весь свой рот. –
Знаешь, разница какая ?»
Дуб сказал, слегка икая:
«Наплевать ведь пароходу
Штиль там или непогода;
Это значит там народ
Просто так людей не жрет!
У меня, поверьте мне,
Не опилки в голове!..
Холст, а что ты, между прочим,
На меня так странно смотришь?».
Холст немножечко замялся:
«Ты в моих глазах поднялся!
Дуб, ты интеллектуал!..».

Удо «польку» танцевал
И, коверкая слова,
В сотый раз «сходил с ума».
«Как говаривал ваш Пушкин,
Выпьем с горя, где же кружка?
Наливайте поскорей!»
Удо торопил друзей.
Маня глупо улыбался:
«Где он слов таких набрался?!».
«Это ж ты ему вчера
Спьяну лекции читал!
Вот теперь его и слушай!» -
Холст заткнул руками уши.
Дуб в истерике забился:
«Чтоб, алкаш, ты отрубился!».
Удо радостно кивал:
«Да, я тоже не устал!
Я, мой дорогой Валерий,
Погашу еще неделю!..
А давай с тобой вдвоем
Мы еще разок споем?».
Съежился Валера в кресле:
«Кто придумал эту песню?!
Не прожить вам этот год...».
«Боже, что нас дальше ждет?!» -
Дуб спросил ребят печально.
Удо сохранил молчанье...

Часть IX

.....

Часть X

Страшная месть

Как-то, после пьянки в клубе,
Маня шел проведать Дуба.
Дуб с трудом приполз из ванной,
Выглядел он как-то странно.
«Кто тебя огрел поленом?»
Дуб махнул рукой на стену:
«Да дверной замок я утром
С той розеткой перепутал!
Думал, все сейчас бабахнет...».
«Но зато здесь вкусно пахнет!
Как бараньей отбивной...
У тебя загар крутой
И отличный ирокез!..»
«Хватит ржать уже, балбес! –
Возмущенно Дуб кричал. –
Ты себя не ощущал
В этой жизни хоть на миг
Как электропроводник?!»
Маня отвечал: «Все ясно!

Да тебе и впрямь ужасно!
Мой совет: пей очень редко
И не суй ключи в розетку:
Дерево проводит ток!...».
Дуб от ярости весь взмок:
«Ты даешь для мести повод!
Як твоим тарелкам провод
Эдак в двести киловольт
Подключу под Новый год!
Чтоб потом всю жизнь отныне
Ты стучал тридцать вторыми
И искрился очень долго,
Словно праздничная елка!».
«Ой, сейчас он будет драться!
Надо срочно убираться!» -
Думал Маня, весь дрожа,
В поисках дверей кружа.
«У меня идея есть:
А давай устроим месть, -
Дуб сказал, подумав крепко. –
Мы с тобой уьем розетку!»
Маня лишь пожал плечами:
«За итог не отвечаю!...».
Днем пришли Валера с Терей:
Черный дым валил из двери.
«Вовремя мы подошли!
Вы тут что, Холста сожгли ?
Или в панков здесь играли?!»
«Мы с розеткой воевали,»
Маня с легкою улыбкой
Тряс химической завивкой;
Дуб зубами рвал подушку...
Ток, ребята, не игрушка!

Часть XI Про Химеру

У Холста спросил Валера:
«Что такое, Холст, Химера?».
«Ну, - задумался Володя. –
Есть такая живность вроде!»
Стал Кипелыч в тексте рыться:
«Что там в песне говорится?
Типа «цель твоя - Химера»...
Я пою про браконьера?!».
«Ну а ты чего хотел ?
Ты про них и раньше пел:
Зверя в песне ведь убили ?
И шакала замочили!
Ну а здесь прибьют Химеру,
Нам с тобой какое дело ?» -
«Что ты мелешь всякий вздор?!»

Ты, Володя, живодер!»
«Да не я, а Рита наша,
А теперь и Елин Саша.
Вот заразная болезнь!..»
А Валера к Дубу лез:
«Что такое, Дуб, Химера?».
«Надо знать, Кипелыч, меру!
Говорили ведь друзья:
Больше ста тебе нельзя!» -
Строго Дуб сказал Валере.
Тот пожаловался Тере.
«Да не слушай их, Кипелыч,
Сто граммук - это мелочь!
Надо выпить больше втрое,
Чтоб приглючилось такое!
Значит так: Химеру может
Гексаген лишь уничтожить ?
Это точно не лягушка
И, наверно, не зверушка...
Надо думать, что попроще:
Может, он писал про тещу?!»
«Бедный, бедный Саша Елин! –
Говорил Валера Тере. –
Видно, старая пила
До кондрашки довела!
Надо бы ему помочь!» -
«Да ведь я и сам не прочь!
Где же и на что в обмен
Мы достанем гексаген ?!»
Маня подошел поближе:
«Я случайно вас услышал.
Теря, ты мозги не парь;
Вот толковый вам словарь.
Только без диверсий больше,
И оставь в покое тещу!..».

Часть XII

.....

Часть XIII

О нововведениях

Холст пришел к Валере с Маней:
«Знаете о новом плане?
Хватит, Господи прости,
Сцену хаером мести!
Это все равно без толку:
Даром делаем уборку!
Я давно уже боюсь –
На шампуне разорюсь!».
«Надо требовать, ребята,
Дополнительную плату!» ~
«Ну, а если не дадут ?» -

«Мы тогда устроим бунт!»
Покачал Холст головой:
«Что вы! План у нас другой:
Может, нам разрушить стоит
Эти старые устои ?
Пред ударной установкой
Мы поставим подтанцовку!
Это современно вроде...
Или кто-то будет против?».
Маня буркнул: «Очень рад.
Что другие говорят ?».
Стал Валера возражать:
«Кто же будет танцевать?!».
«Кто да кто... Да ты, конечно! –
Холст заговорил поспешно. –
Мы когда играем соло,
Ты же бегаешь по полу ?
Вот, не будешь больше бегать...»
Маню затрясло от смеха;
А Валера побледнел,
На пол медленно осел:
«Нет уж, вы танцуйте сами...
Черт, кто прыгает над нами ?!
Штукатурка обвалилась!». –
«Что же наверху случилось?
Может, там живут слоны ?» -
«Маня, ты упал с луны!
Все у нас гораздо круче:
Танцевать Дуб Терю учит!»
Тут Валере стало плохо...
«Может, он не вынес грохот ?
Эй, устройте перерыв!!!»
Маня замер, рот открыв...
Дуб вошел, держась за двери,
Следом вполз несчастный Теря:
«Все, я умываю руки,
Не под силу эти трюки!
Холст, какой здесь альтруизм ?!
Это садомазохизм!».
«Да, - кивнул согласно Дуб. –
Этот план был очень глуп!
Мы оставим все как есть...
Дайте же куда-то сесть!
Не расстраивайся, Холст,
Я тебе шампунь принес!
Хошь, могу еще и мыло...»
Пусть все будет так, как было...

«Tribute to Aria»

P.S. Часть I (XIV)

.....

P.S. Часть II (XV)
«Арийцам» посвящается...

Я не верю в пыль легенды,
В Бога, в вечную любовь,
Но я слышу зов из бездны,
Той, где полыхает кровь;
Той, где в бешеной молитве
Слово плавило свинец,
Где в едином диком ритме
Бились тысячи сердец.
Звуки рая, звуки ада -
В горле, венах и глазах;
Хлопья каменного града
Разметали мысли в прах;
А душа рвалась без муки
На погибель под струну
И, вонзаясь в эти звуки,
Превращалась в тишину.
Ну а вы, шутя наверно,
Снова били, как во сне,
Медиатором по нервам,
Пульсом мерили размер.
И, молчанье стен разрушив,
Уходили в темноту,
Прихватив сердца и души,
Оставляя пустоту. Так сейчас...
Так будет снова;
Сквозь века, огонь храня,
Вечны Музыка и Слово,
Значит вечны вы... и я.

"Ария Маргариты" - часть 21.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Это очень грустный рассказ... В 60-е годы прошлого века (как странно звучит: «прошлый век», ведь случилось- то все только вчера!) мои волосатые друзья обязательно превратили бы Бориса в один из лучей солнца, не стали бы придумывать историю с таким кладбищенским концом, с авиакатастрофой и похоронами. Человек добрался до Солнца на серебряистой машине, чтобы стать частицей великого светила... Но... что написано Николаем (а так зовут автора рассказа, почта от него приходит под грифом «barmaleu», а вообще-то он Alone Angel), то написано. Есть некоторые погрешности, кое-что я подправила, но в целом постаралась сохранить в том виде, в котором это произведение было мне прислано. Спасибо автору этой облаченной в слова печали за то, что он так

близко принял к сердцу эту «арийскую» песню.

Путь к Солнцу

Alone Angel

«...Улететь бы птицей

Прочь от проклятой земли,

С небом чистым слаться –

Вот о чем мечтаешь ты..»

АРИЯ

Почему человек, отправляясь в дорогу, по большей части так печален? Почему дорога вызывает такие странные размышления и воспоминания? Особенно если человек отправляется в путь один. Или если он уезжает куда-то надолго. Что такого в дороге? Почему?

Боря сел в самолет. Он вошел по трапу. Было тихо. В смысле погоды. Вокруг было много народу, и все шумели. Все старались побыстрее залезть по трапу в самолет. А погода молчала - ни ветра, ни дождя. А так хотелось бы ливня, грома, молнии, сильного ветра, чтоб срывало шляпы и шапки, сносило людей. Но ничего этого не было. Тишина и духота.

Боря привык не обращать внимания на окружающий мир, он всегда жил в своем. Его скромность плюс богатая и развитая фантазия создали для него еще один параллельный мир. Это был мир, где все, что он хотел, сбывалось, не без усилий, конечно, но все же. Это был мир, где все время светло и светит солнце, однако в это же время не стихает ветер, разнося повсюду запах свободы. Где он не скучает от одиночества, но где нет никого кроме него. Внешне этот мир, как впрочем и его создатель, ничем не отличался от обычного мира, но было в нем что-то, что отличало его от обычного: незаметное с первого взгляда и, наверное, известное только самому Боре.

Он, не торопясь, прошел по салону и нашел свое кресло. Это было 22-е место, рядом с окном. Боря специально выбрал это место, когда заказывал билеты. Это было единственное, к тому времени, свободное место у окна. «Интересно, кто будет соседом?» - подумал он, ставя под ноги сумку и доставая отгула книжку «По ту сторону добра и зла», а также блокнот и ручку. Борис любил читать, но не все что попало. Ему нравилась фантастика, такая, как писал Ник Перумов. Борису доставляло удовольствие читать про разные миры, особенно про звезды. А также ему нравились философы, но не все.

Маниакальное увлечение чтением книг началось у Бориса где-то с одиннадцати лет. Когда человек начинает впервые соприкасаться с миром вокруг. Однако Борису не понравилось то, что он увидел: мир был каким-то серым и злым, ребята грубыми, девочки пошлыми и вульгарными. Он стал читать книги о других мирах, он много о них читал, и именно из-за этого у него в воображении родился свой собственный мир: он объединял то, что нравилось Боре в книжках, и была одна деталь от земного, реального мира. Всего одна - ветер. Теплый и сильный. Вечный и свободный. Еще там было солнце, но это Боря не относил к деталям земного мира. Такая несхожесть с родным миром, миром, где он был рожден, вызвана тем, что Бориса всегда тянуло вверх к звездам и солнцу. Ему всегда в жизни хотелось тепла. Сначала может показаться странным - тепла, а тянет к «холодным» звездам. Но вспомним, что такое звезды. Это те же солнца, только гораздо дальше. Так что тут нет ничего непонятного. Но если быть до конца честным, то сначала не было в Борином мире солнца, было синие небо и звезды, а тепло доставлял ветер, проникающий везде и всегда, живущий в тебе. Не было, сначала... Борис облокотился на спинку сиденья и прикрыл глаза.

Это случилось зимой, на горке. Он со своим другом Ильей пришел покататься. И начали кататься, было весело. Но чуть позже Илья подошел к нему с каким-то парнем. Это был Коля. Человек, который стал другом Бори на долгое время, и до сих пор им остается.

Человек, который помог разобраться в себе и с собой. Они катались до вечера, а после разошлись по домам. Ничего не предвещало крепкой дружбы, но летом Коля достал для своей Sega игрушку Rock'n'Roll Racing. Это была чумовая вещь. Гонки на выживание, на семи различных плане-тах. То есть все, что нужно было Боре: скорость, ветер, свобода, борьба - значит есть цель, да еще в космосе, на разных планетах. И тогда Боря часто стал заходить к Коле, они гоняли эту игру часами, потом шли на полтора часа гулять - просто бродить по улицам или к Боре в гости. Они проводили время, обсуждая моменты игры. Заразились ею на долгое время. Так и завязалась самая крепкая дружба в Бориной жизни. Через пару месяцев игрушку пришлось отдать. Хозяин картриджа тоже любил гонять по планетам. Но их уже ничто не могло разлучить. Однако ближе к вопросу о солнце. Как-то раз, гуляя по улице, Боря вдруг остановился и сузил глаза, прислушался.

- Что такое? - спросил Коля.

- Да так, показалось.

- Показалось что?

- Мне показалось, что где-то играет эта музыка, как, помнишь, в Racing на Марсе? - ответил Боря.

- Помню, а что - понравилось? - сказал Коля.

- А у тебя она есть? - сказал Борис, выдохнув почти всей грудью. Музыка на Марсе была просто отпадной. Бешеный ритм гонок попадал в такт с барабанными партиями, мотор и выстрелы сливались с гитарой (непонятно только - две их было или одна). Музыка становилась как бы фоном для игры. Она сливалась с ней и, казалось, была так незаметна, но так важна для полного удовольствия. Как небо над землей. Как будто незаметное, но как же без него? Тогда Коля сказал: «Я посмотрю, у меня есть что-то похожее, но в отечественном варианте, принесу завтра, поглядишь». Борис не мог спокойно есть и спать. И все утро ждал звонка в дверь. Когда Коля пришел, он не спеша разделся, прошел в комнату и сунул в мафон кассету. «Ну что, ты готов? - спросил он. - Это нечто очень похожее, но русский вариант и с вокалом. Я бы посоветовал тебе не обращать на него внимания сначала». Он нажал кнопку Play. Удары барабанов, потом гитара, слышался бас - это был тот же ритм, да сама музыка" была другой, но ощущения от нее были такими же. Тот же летящий со скоростью ветра звук, не знающий преград. Музыка влетала в уши, разливалась по венам, попадала в сердце, взрывалась там, оставляя эхо, заставляя выделять больше адреналина. Сосуды были готовы взорваться от мощной энергии. Сначала Боря не обращал внимания на вокал, но потом он врезался в его мозг словами... Я король дороги, я король от бога... Жить, как все, мне скучно, мне и смерть игрушка...». Это был нокаут. Боря пребывал в состоянии прострации в течение десяти минут после окончания песни, когда Коля остановил пленку и выжидающе глянул на него. У Бори в ушах все еще летел бешеный и неудержимый звук гитар, и звучал вокал. Наконец он прошел к столу и сел на стул. Коля сел рядом.

- Ну как? - спросил Коля.

- Что это было? - спросил Борис, глядя на магнитофон.

- Русский рок, группа АРИЯ, знакомься, - сказал Коля, протягивая ему ко-робку от кассеты.

Боря взял ее и начал разглядывать, читать. Потом Коля ушел, но оставил Боре кассету, и Борис гонял ее целый вечер, как когда-то они с Колей гоняли Rock'n'Roll Racing. Что-то в этой музыке его сильно задевало. Возможно, неор-динарность текстов или музыка, или и то и другое. После этого Борис по очере-ди брал альбомы группы АРИЯ у Коли и переписывал себе. И как-то вечером случилось это... Опять удары барабанов, но уже другой ритм. Та же глубина мысли и песни, но тема другая. В ней звучала безысходность жизни, желание достать, дотронуться до чего-нибудь теплого, светлого. Готовность обменять всю жизнь на один лишь момент, стать ближе к солнцу. Разорвать порочный круг. «...Беги, беги за солнцем, сбивая ноги в кровь. Беги, беги, не бойся играть с судьбою вновь и вновь...». Присутствие вечного ветра: «Ветер в твоих волосах, тот же, что

вечность назад...». Стремление к полету, к свободе, игра с судьбой поставили эту песню и эту группу на особенное место в Бориной жизни. Он крутил ее снова и снова, даже сделал сторону на кассете из одной этой песни. Естественно, что эта страсть понемногу улеглась. Но след в душе был оставлен навечно. На следующий день в его мире появилось Солнце... Рядом с ним уже раскладывала вещи какая-то женщина, а с ней еще какой-то парень, ее сын. Они суетились, пихали сумки под сиденья, клали куртку на верхнюю полку, усаживались. Он отвернулся от них. Ничего нового, все та же суета и спешка. За окном вечерело, прошло уже около тридцати минут после того, как все сели в самолет, но он не двигался с места. Скорее всего опять задержки из-за опоздавших или технических неполадок. Боря не любил самолеты, но это был единственный способ оторваться от земли, подняться над землей. Как говорил Черчилль... Демократия - скверная штука, но ничего более приемлемого человечество еще не изобрело...». Такого же мнения Борис был о самолетах. Его самой большой мечтой было создание космического корабля, чтобы отправиться в космос, - навечно, - подлететь поближе к солнцу, полетать по галактикам. Оставить этот мир, и отправиться в путешествие, как в книге «Двадцать тысяч лье под водой». Собственно говоря, к этому он сейчас и стремился, он сейчас летел именно к этой мечте. Борис поступил в Тульский Аэрокосмический Университет, на специальность «конструктор», и именно там, в Туле, как он считал, он найдет свой путь к солнцу и к звездам.

- Можно вашу ручку?

- Что?

- Можно вашу ручку? - спросила женщина, - мой сын забыл свою, знаете, он так часто все забывает, это у него, наверно, еще с детства, от отца.

- Конечно, - ответил Борис.

И поспешил отвернуться к окну. Он знал, чем это чревато. Болтливая попа-лась. Вернее не болтливая, а очень разговорчивая. Как завелась сразу, с само-го начала. Давай втирать про сыночка, да еще все недостатки на папашу скидывать, «стрелочница». Если бы Борис не отвернулся, то его бы ждал долгий диалог с этой особой. Отвертеться от таких не просто. Он много знал о людях и их характерах. Он много их видел и во многое вникал. Он смог изучить основы поведения людей, основные характеры и повадки. Как у индивидуума, так и у толпы. Борис много читал, об этом уже известно. Он не всегда читал фантастику, вернее не только ее. После того как в его мире появилось солнце, он стал все больше и больше сближаться с Колей. Он узнавал о нем много нового, и тот сильно повлиял на него. Но нельзя сказать, что Боря все принимал, что бы нового он ни нашел. Нет. Какие-то стороны и части Колиной жизни и его быта были Боре непонятны и иногда даже чужды. Но факт остается фактом, Коля стал самым близким Бориным другом. Коля был единственным человеком, которого Борис пустил в свой мир. Однако Коля признался Боре, что в этом смысле он его, конечно, понимает, но его точка зрения уже твердо определена. Этот мир - это наш мир, и значит мы его хозяева. И мы должны его менять, - и делать таким, каким он нужен нам. То же самое касалось и жизни. Коля сказал Боре: «Извини, я тебя, конечно, понимаю, но, по-моему, ты просто недостаточно силен, чтобы принять все как есть, и изменить то, что тебе не нравится, в свою сторону». (Вот именно это Боре в Коле и нравилось, он никогда не лицемерил. Кто-то считал Колю зверем, бескультурным человеком или вообще не человеком. Боря относился к этому по-своему: может, он и зверь, но он говорит правду в глаза, а не за глаза, Я всегда уверен, что он говорит правду.) Боря ответил, что согласен и что он вообще никогда не говорил, что он очень сильный человек, что для него гораздо проще создать свой мир, нежели менять этот... Зачем? Если есть воображение. Борис признался, что просто не понимает этого мира и его людей, и потому живет в другом. «А ты пытался понять?» - спросил Коля. Тут Бориса как по голове стукнуло. Нет. Коля сказал, что сам-то он тоже не понимает людей вокруг, но все же, прежде чем включать воображение, он почитал книги по психологии. Конечно, они не смогли открыть всего, что творится в этом мире и внутри человека,

поскольку это всего лишь фундамент, а строить на этом фундаменте дом предстоит уже самому человеку. И чем лучше ты вникнешь в эти книги, чем глубже сможешь заглянуть в человека, тем крепче будет твой фундамент. Коля назвал книги, какие-то из них он принес, а какие-то Боря достал потом в библиотеке. Он прочитал их все, но остался при своем мнении. Он несколько приблизился к этому миру, но все же не хотел менять его, а по-прежнему жил в своем. Но то, что он узнал о характере человека, помогло ему помочь в том смысле, что ему стало легче общаться с людьми. Он с какой-то легкостью мог при общении с человеком слегка приподнять его оболочку и заглянуть внутрь. Иногда он, глядя со стороны на человека, мог сказать, какие у того взгляды на жизнь. Это помогло ему проще переносить общение с окружающим миром, чужим для него. Впоследствии он без труда при знакомстве с человеком мог выделить в нем преобладающие черты. И если они ему не нравились, то он просто сжигал мосты или, в крайнем случае, старался поменьше общаться и видеться с этим человеком. Благодаря этим книгам Борис понял, что все те парни и девчонки, которые ходят на дискотеки, сильно стараются выделиться и при нахождении в обществе работают «на публику», тоже имеют свои комплексы и стесняются, так же, как и он, если не больше. Он понял, почему большинство людей такие серые. Не у всех хватает сил и смелости бросить вызов обществу. Пойти против обычаев и стандартов, а проще - делать то, что нравится. Следовать толпе проще. И тогда, наконец, Боря понял, как ему повезло, повезло, что он не один из тех «серых», что он не такой, как все, что ему хватает сил сказать всем «пошли к черту» и жить по-своему в своем мире. Боря понял, почему у него не было Друзей. Но вот он нашел еще одного «не серого» человека, и теперь надо было ухватиться за эту дружбу. С тех пор они были вместе, и ни разу так и не поссорились, не поругались и редко расставались. Это был очень странный дуэт. Сначала казалось, что тут такого: два отшельника, отбились от остальных и теперь вместе, просто потому, что их никто не понимает, лишь они друг друга. Но если приглядеться поближе, то тут возникают некоторые различия. Один - это человек не от мира сего, живет в своем мире с ярким солнцем. Очень замкнут, держит все в себе и раскрывает себя лишь второму отшельнику. Мечтает о полете в космос, подальше от земли, в свой мир, который пока только в его воображении. Второй же - земной человек, не создает для себя иллюзий, живет в этом мире и всю жизнь только и делает, что отстаивает свое право быть личностью. Теперь бросим взгляд на их мечты. Первый мечтает о полете в космос - навсегда, да не создано такого корабля, который помог бы ему осуществить свою одиссею. Но он только тем и занимается, что собирает его. Он готовит себя к поступлению в универ, где он смог бы научиться строить космические корабли и воплотить свою мечту в жизнь. А второй живет на земле, мечтает о ветре, рвущем плоть. О сладком ощущении сво-боды. И что у нас получилось? Один рвется в космос, в нереальный мир, но у него есть вполне реальный способ достижения этой мечты. Второй же живет на земле, но имеет несколько неопределенную и абстрактную мечту - свобода. И путем ее достижения является вечный бой - тоже довольно неоднозначное понятие. В общем, сладкая парочка...

Его слегка подбросило на сиденье. Боря приоткрыл глаза, самолет начинал набирать высоту. За иллюминатором вечерело - он сам не заметил, как задремал. Земля медленно отдалялась. Все, что на ней было, становилось маленьким и еле различимым. Борис, не отрываясь, смотрел в иллюминатор. Ему нравился процесс набора высоты. Он представлял, как он когда-нибудь будет смотреть из иллюминатора, земля будет уменьшаться, все, что на ней, будет становиться микроскопическим... Спустя несколько минут, все, что было, и вовсе превратится в один шар, на котором будет все, что совсем недавно окружало его. Все эти люди, все их проблемы - все. Где-то там среди них будет искать свою свободу Коля, как всегда борясь против устоев общества. Все это будет там, внизу, а он поднимется над этим всем, над этой суетой. Он вернется к тому, с чего все началось, - к пустоте. И ничто, ничто не заставит его вернуться назад. Борис точно знал, что он сделает первым делом, а может быть и последним. Прежде чем отправиться далеко

вглубь Вселенной, он приблизится как можно ближе к солнцу и постарается ощутить его лучи на себе, либо выйдя в космос, либо прикоснувшись к иллюминатору. Борис не знал, что так тянет его туда, к теплу. Он знал, что прикоснуться к солнцу ему не удастся, но солнце будет максимально близко от него. А после этого - если его корабль не расплавится - далеко-далеко, прочь отсюда, от следов умирающей цивилизации... Но сейчас звезды не появились, самолет поднялся над облаками и дальше летел только прямо. Стюардесса объявила, что вскоре пассажирам будет предложен холодный завтрак. «Хорош завтрак в семь вечера», - подумал Боря. Он протянул руку, чтобы взять блокнот, но его там не оказалось. Только сейчас он заметил, что его блокнот читает парень, тот самый сынишка, для которого мамаша просила ручку. Борис слегка нахмурил брови, его смутило такое нахальство, и он уже собирался что-то сказать, но тут, словно угадав его намерения, заговорила мамаша.

- Ой, вы извините, конечно, просто мне нужен был листик, и я подумала взять у вас один из блокнота. Вы не против?

- Да нет в принципе, - ответил Боря с каким-то безразличием.

- Я случайно заметила, что у вас там написано, и дала сыну почитать, редко в наших молодых детях живет талант.

- Да я бы не сказал, что талант, - сказал Боря, - просто увлечение.

- Не стесняйтесь, мой сын почитает и отдаст.

- Ну хорошо, только обязательно пусть отдаст.

- Конечно, конечно.

- Ну вот и славно, - Борис заметил, что в проходе появилась стюардесса с тележкой, на ней были напитки, - просто замечательно.

На самом деле Боря соврал. То, что было у него в блокноте, не было его увлечением, это была самая настоящая страсть. Писать, причем не просто писать, а писать стихи Боря любил. Это помогало ему выразить на бумаге свои чувства, как хорошие, так и плохие.

- Что желаете? - стюардесса поравнялась с Борей.

- Можно, пива и сок... а что вы будете? - спросила у Бори его соседка.

- Кола есть?

- И стакан колы.

Стюардесса налила в один стакан колы и передала Борису, во второй - соку и отдала сыну мамаше, и в последнюю очередь достала с нижней полки тележки бутылку пива и протянула ее женщине. «Спасибо», - сказала мамаша. «На здоровье», - ответила стюардесса. Боря слегка поперхнулся и еле заметно улыбнулся. «Ну, ну, на здоровье», - повторил он про себя. Он не знал, почему ему это по-казалось смешным. Вроде обычный диалог, и совсем обычные фразы. Но... что-то было не так, видеть в обычных вещах какие-то незаметные стороны - в этом его достоинство и беда, как он сам считал. Давать пиво и говорить «на здоровье» - это все равно, что, протягивая медленный яд, говорить «долгой вам жизни, сэр». Да, может, пиво и безалкогольный напиток, но Наполеон умер от мышьяка, которым его медленно травил. Кто сказал, что мышьяк содержится в алкоголе? пет? Конечно, необычное или даже странное мнение, но, как говорится, какая жизнь - такие песни, какой человек - такие мысли. В это время парень, прочитав стихи в блокноте, водрузил его на место вместе с ручкой. Боря глянул на него, за стеклом уже стемнело, и ничего не было видно. Лишь отражение салона на стекле иллюминатора. Это как в жизни: ты живешь и видишь окружающий мир, кто-то видит сам себя. Причем так получается, что всех окружающих видно хорошо, а себя нет. Трудно в потоке жизни разглядеть себя. И никому, почти ни-кому, лишь немногим удастся разглядеть, что там за стеклом. За стеной молчания, при жизни это почти невозможно, но вот когда ты заканчиваешь путь, когда мир вокруг тебя гаснет, ты четко видишь, что творится там, по ту сторону жизни. Ты видишь все отчетливо потому, что сам туда попадаешь... Самолет дернуло, и Борис ударился лбом о стекло. Это вывело его из размышлений. Он вновь посмотрел туда, где лежал блокнот, книга, ручка.

Ручка, блокнот. Блокнот был уже почти полностью исписан. Что там было? А много разного, адреса, зарисовки того, что Борис называл мечтой, но, в основном, это были песни и стихи. Эта страсть - а это действительно страсть - появилась у Бори давно, после знакомства с АРИЕЙ и после появления в его мире солнца.

Зачинщиком этой болезни был все тот же зверь. Коля тоже писал стихи, но он их писал где-то с девяти лет, Боря начал писать совсем недавно. Плюс ко всему у них были разные темы и стили написания. У Бори - звезды, небо, а у Коли - ветер и свобода. Но у обоих были стихи, посвященные любви. Правда, они были разными по настроению. Боря пел о любви как о романтическом чувстве, в его стихах была любовь ко всему: звездам, небу, девушке - ко всему. У Коли в стихах фигурировала любовь в понимании любви между полами. Борис считал, что это потому, что у Коли не было девчонки. В Бориных стихах любовь воспевалась, у Коли высмеивалась. Боря много раз старался объяснить Николаю, что любовь бывает не только между парнем и девушкой, и вообще не только любовь человека к человеку. Он приводил пример, говоря о том, что ему нравятся звезды, а Коле - ветер, свобода. Коля всегда соглашался, но в стихах все же основное ударение делалось на любви между парнем и девушкой. Борис считал, что все это по-тому, что у Коли не сложилось в этом отношении, и поэтому он так скептически к любви относится. Вот так они и писали - каждый о своем, давали читать свои стихи друг другу. Иногда их стихи попадали в руки их родителей или еще кого-то из окружающих их людей. Но если родители их понимали, то остальным этого не удавалось. Вскоре Борис стал увлекаться не только стихами, но и философи-ей. Он видел книги у Коли дома и брал их читать. Хотя потом признавался, что многие из них он не понимает. Вернее он не понимал многих книг, но у этих книг был один автор -Фридрих Ницше. Борис никак не мог понять его мыслей, хо-тя и старался. Коля с этим справлялся. Он не только понимал этого немецкого философа, но мог - что особенно нравилось Боре - применять какие-то его мысли и фразы в обыденной жизни. Борис читал других философов, таких, как Гете, Вольтер, или еще Альбера Камю «Падение». Это была, по Бориному мнению, заме-чательная книга. И песня, стихи для которой написала Маргарита Пушкина, Борис считал гениальной. И в том, и в другом случае Коля был с ним согласен. Небо было розовым, из-за горизонта показалось солнце. Боря не ложился спать, всю ночь он читал. А потом, как только показались лучи, он вдруг взялся за ручку с блокнотом и начал что-то писать. Его соседка спала, а ее сын спал, облокотившись на ее плечо. Боря сидел и, положив блокнот на коленку, писал что-то на бумаге, то и дело поглядывая на появившееся солнце. Вдруг самолет сильно дернуло, ручка скользнула по листку и оставила за собой неровный шлейф. «Чтоб тебя!» - подумал Боря. И только хотел опять начать писать, как самолет снова дернуло, и он наклонился влево. Потом что-то загудело, самолет выровнялся, но гул не прекратился. Проснулась его соседка и ее сын. Она наверняка хотела спросить, что случилось, но ее опередила стюардесса. «Дамы и господа, просим соблюдать спокойствие. Левый мотор поврежден и отказал, но наш пилот сможет посадить самолет и на трех двигателях». Тут самолет снова дернуло, ион начал терять высоту. Что тут началось... Все вскочили со своих мест и бросились к люкам. Но это ничего не меняло, они толкались и пихались, кто-то падал и ударялся о стенки, кого-то топтали ногами. Борис сначала тоже хотел вско-чить, но потом он расслабился и опустился в кресло. Как бы там ни было, самое безопасное место сейчас - это здесь, в кресле. Ведь велика возможность того, что тебя просто затопчут или ты ударишься головой о что-то твердое. А Борина соседка так не считала, она вскочила, и вместе с сыном и толпой они сначала пробежали до одного люка, потом - до другого. После этого все сборище напра-вилось к кабине пилота. На- коней первый шок прошел, и люди стали более или менее соображать. Они бы так и дошли до кабины пилота, если бы их не остановил голос стюардессы. «Дамы и господа, пожалуйста, не надо паники. У самолета отказал один двигатель, но пилот сможет посадить самолет и на трех. Как толь-ко будет подходящее место. Спасибо за внимание. А теперь займите свои места». Самые упрямые еще простояли с полминуты, а потом сели и они. В самолете

воца-рилась тишина. Был слышен только шепот какой-то бабушки, которая тихонько молилась, да мамы, которая успокаивала ребенка. Стало тихо «как в могиле». Бо-рина соседка села на свое место, потом посмотрела на него и удивленно спросила, в ее глазах все еще отражался испуг,

- А вы здесь все время сидели?..

- Ну да.

- А почему...а? - соседка хотела что-то спросить, но запнулась.

- Почему не подскочил с места? А смысл?

- Вы что совсем не боитесь? - недоумевала соседка.

- Тот, кто говорит, что не боится, либо трус, либо просто боится при-знаться, - ответил Боря.

- Но вы совсем не испугались!

- Я боюсь, но не этого, - сказал Боря. - Разрешите?

Он встал с места и аккуратно, стараясь не задеть мамашу и ее сына, выбрался в проход и направился к носу самолета. Фраза, которую он сказал, Боря услышал в мультфильме.

Они смотрели его с Колей и Бориным младшим братом Мишей. Это был «Брейвстар». И когда межпланетный шериф, смотря вслед заходящему солнцу, слышит за спиной голос гнома: «Тебе не страшно?», он отвечает точно так, как это сделал Боря. Вообще они с Колей часто смотрели мультики. Это не было, по их мнению, ненормальным. Они часто сидели перед видеком и крутили Тома и Джерри или «Ну, погоди», а если везло, то они доставали запись мультфильма Гуфи или «Черный плащ». Это был просто праздник. С чаем и булочками, перед телеком, они закатывались от того, что там происходило. Борина мама по этому поводу говорила: «Опять мои маленькие детки сели мультики смотреть... смотрите, а через пять минут - на койку». Однако их это не волновало. Естественно, что такие просмотры не прошли даром. Коля мог полностью копировать Гуфи. Причем не только голосом, но и повадками. Хотя Коля, как считал Боря, и был в душе самым настоящим Гуфи. Ужасно веселым, смешным со стороны, даже не-сколько глупым и придурковатым, но на самом деле не глупее остальных, и вполне прикольным парнем. Борис не был похож ни на кого из персонажей. Но иногда очень удачно вставлял в свою речь их фразы. За любовь к мультикам в школе их прозвали «мульти». Хотя откуда они узнали про их странную страсть? Впрочем, это было не так уж и важно.

Боря посмотрел в зеркало. Да, это было близко. Он умылся холодной водой. Потом он намочил волосы и пригладил их рукой. Пошарив в кармане рукой, он достал черную повязку. На ней были изображены все музыканты группы АРИЯ с их автографами. Это подарок на Новый год. Подарил это ему Коля, как он сам потом Боре признался, ему стоило больших трудов решиться на это. Хотел оставить себе. Кроме повязки Коля подарил ему все альбомы АРИИ, на лицензионных кассетах. Борис повязал ее на лоб, под волосы. Нет, это не было каким-то похоронным приготовлением, просто Боря почувствовал, что так надо. И все. Когда он снова глянул в зеркало, он вспомнил солнце... Оно светило ярко, но не очень жарко. На улице было тепло, дул легкий теплый ветерок. Они с Колей шли по улице. Шли и попадали под перекрестный огонь взглядов и ухмылок. Борис был в повязке, в рубашке, из-под которой виднелась футболка «Kings of metal» группы MANOWAR. Коля был в старых кроссовках и джинсах, в футболке группы АРИЯ, с рисунком к песне «Кровь за Кровь». Его персона может и не привлекала бы столько внимания, если бы не одно «но». Волосы у него на голове были крашеными, белыми, или как казалось издали - се-дыми. Коля просто решил покраситься, но как-нибудь оригинально. Они просто гуляли по улице. Все началось с одной фразы:

- Закурить есть? - рядом возник какой-то парень.

- Нет, мы не курим, - ответил Боря.

- Нет? Эй, у них закурить нет! - крикнул парень. И тут появились еще двое.

- Они не курят, - сказал им первый.

- Да? А почему вы не курите? - спросил один из пришедших.

- Много будешь знать, скоро состаришься, - сказал Коля.

- Ты че, не понял? Мне надо закурить, - парни явно нарывались на драку. Может, им действительно нужно было подраться, может, их просто смутил или как-то подействовал вид Бориса и Коли.

- Нет, это ты не понял. Тебе сказали, мы не курим, - Боря понял, что драки не избежать, и потому решил не отступать. А последовать за уже рванувшим вперед Колей.

- Ишь, смелые, - усмехнулся один из парней, повернувшись боком к другим.

Потом он начал разворачиваться и выносить руку на уровень плеча. Но так и не успел этого сделать. Что-то - или кто-то - тяжело стукнуло его прямо в нос. Его лицо пол силой удара повернулось вправо, и он шагнул назад. Коля знал, что следует за такими фразами и жестами, потому не стал ждать, а взял на себя право ударить первым. Второй парень тут же ответил Коле ударом руки в лицо, но он бил не в само лицо, а в скулу. Там находится довольно крепкая кость. Колю «повернуло» вбок, но особой боли он не почувствовал.

Третий парень попытался ударить Короля Металла, то бишь Бориса, но тот успел увернуться от удара, присев буквально на корточки, и, ударив противника туда, где больней всего, нанес со всей силы ответный удар. Противника согнуло под прямым углом, и он больше не представлял серьезной опасности, по крайней мере пока. Второй парень после удачной атаки дождался, когда Коля развернется обратно, - это было его первой ошибкой, - и хотел попытаться повторить, но боль в голове и еще что-то зазвенело в мозгах. Он забыл про Борю - это было второй ошибкой. Тот сначала ударил его по ушам с двух сторон, а потом, воспользовавшись моментом, зашел спереди и проделал операцию, с которой началась драка, только не один раз, а три, и не дожидаясь, когда противник оклемается. А после третьего раза противник упал на землю. И продолжал лежать, держась за свой окровавленный нос и пытаясь стереть кровь с лица.

Повернувшись, Боря увидел, как самый первый, «заводила», пытается подняться с земли. Боря не видел, что произошло до этого, но того, что он видел сейчас, было достаточно, чтобы понять: незадачливому курильщику было больно. Однако Коля решил проучить его до конца, и, не дав ему встать, ударил еще раз по лицу сверху вниз. Парень повалился на землю, потом поднялся на колени, приложив запястье к носу, сказал: «Вы покойники, не знаете, с кем связались». После чего все трое ретировались.

Коля стоял и смотрел на следы крови на асфальте. В его глазах была злость и страсть. Руки были в крови, она капала с них. Вот тебе и Гуфи. Борис подошел к Коле, посмотрел на него и сказал, что неплохо было бы руки вымыть. Луж на улице не было, пришлось идти домой. Теперь они привлекали еще больше внимания. Борова мама было просто в шоке от их вида, потом еще больше ее шокировала история. Для Коли такие вещи были не впервой. А вот Боря принимал участие в «разборке» впервые. Коля предупреждал его до этого, что такое рано или поздно случится, и вот тогда он посмотрит, насколько Боря хороший друг. Боря был горд, честное слово, просто горд, что среагировал и смог подавить в себе страх и нерешительность. Потом это повторялось, только им тоже порой доставалось, причем очень даже здорово. Но такова цена белого цвета в серой толпе.

Когда мать спросила Колю: » Ну сколько можно, когда это кончится? Если кончится вообще». Он ответил: «И вечный бой, покой нам только снится». Они никогда не искали драк, но что поделать, если не все могут мириться с присутствием в этом мире непохожих людей.

За иллюминатором солнце уже почти проснулось. Еще немного, и оно выйдет полностью из облаков. Боря вспомнил, как навешал Колю в больнице, куда тот угадил после очередного побоища. На этот раз его серьезно задело. А точнее, его заделали - ножом. В бок, били со спины. Врачи говорили, что рана не серьезная, но Коля потерял много крови... Во время операции у него исчез пульс, и врач уже пришел известить об этом мать, как вбежала медсестра и крикнула: «Доктор, он вернулся!!». После врач говорил матери: «Ваш сын был на том свете и вернулся обратно». Когда же Колю спрашивали, что он чувствовал, и как ему удалось это, он говорил: «Я там был, мне не понравилось, и я

ушел». Однако Боре он говорил еще кое-что. «Там сильно тянет вниз, - говорил он, - темнота и холод, никакого света и близких, темнота. И затягивает, просто рвет, поддашься - и уже никогда не выберешься». После этого Борис долго думал над тем, что сказал Коля, иногда они думали вместе. И как-то раз Борис сказал: «А ведь всех нас тянет вниз. Человек живет, но рано или поздно срывается». Коля остановился, они шли по улице, он долго молчал.

- Это правда. Человек стареет с самого рождения. Но вся беда в том, что многие этого не понимают.

- Да, многое мы не понимаем, - согласился Борис.

- Мы живем, и все время теряем, теряем время. И вся наша жизнь - это борьба с временем. Которая, как это ни печально...

- Заканчивается поражением человека, и время забирает его жизнь, - закончил Боря.

- Точно.

- Тогда зачем вообще жить?

- Жизнь - это борьба, борьба с временем. Вот для этого и надо жить.

- Для борьбы? - спросил Боря.

- Да, знать, что тебя ждет, и все же идти против того, что неизбежно.

- И, может, кому-то удастся убить время.

- Как, интересно? - спросил уже Коля.

- Стать бессмертным.

- Время нельзя убить. Если ты бессмертен, то это не значит, что времени нет. Оно есть, но оно не властно над тобой. Если ты бессмертен, то время жи-вет, но оно теряет свою силу.

- Возможно...

Боря посмотрел в зеркало. Он смотрел на стекло. Оно живет тем, что отражает других, никакой индивидуальности и самостоятельности. Разве это жизнь? Он открыл дверь, подошел к люку и стал смотреть в иллюминатор. Солнце било лучом прямо в стекло, однако тепла не было, был лишь свет. Борис прикрыл глаза, но продолжал смотреть. Ему не хотелось возвращаться на свое место, туда - к этой мамаше, к ее сыну, к этим людям. Ему вдруг стало невероятно плохо. Только почему? Он достал из кармана джинсов провод с наушниками, сунул их в уши и нащупал под кенгуровкой плеер. Нажал кнопку воспроизведения, полилась музыка. Это был последний арийский альбом «Генератор Зла». Звучала песня «Смотри!». И Боря смотрел, он смотрел на диск горящего солнца, в нем он видел огонь войны, агонию всего мира. Он думал о том, что Коля нашел в этом мире. Неужели не лучше его покинуть навсегда. Этого Боря никогда понять не сможет. Что-то заставляло Колю жить на земле, и он сказал, что даже если будет возможность покинуть эту землю, улететь в космос, он останется здесь. Когда Боря спросил, что его здесь держит, Коля коротко ответил: «Надежда». Позже Коля написал песню «Идущий против ветра». Когда Борис ее прочитал, он примерно понял, почему Коля остается здесь. Ему в этом помог последний куплет:

Лишь над землей
В покое ты поймешь,
Как сладко драться с ветром,
Идти навстречу,
И встречать лицом,
Быть наглецом - не беглецом.
Ты бросишь вниз оковы тишины.
Покинешь рай, хоть тот и светел,
И ты пойдешь, пойдешь вперед
Искать на небе ветер...

"Ария Маргариты" - часть 22.

Может, Борис что-то неправильно истолковал, но ему все же казалось, что Коля живет, чтобы жить. Борьба и ветер - это всего лишь предлог. Вернее, не предлог, а единственное адекватное объяснение. Стремиться к свободе... Но человек и так свободен. Если он хочет, если в душе нет оков, то он свободен. Делать все что захочется? Вот именно. Человек - это источник желаний. Он и человеком-то стал лишь потому, что ему чего-то хочется, к чему-то он стремится. Есть люди, у которых цель, мечта - нечто недостижимо-далекое, вернее несколько абстрактное. Монахи, богослужители, а также большинство людей. Ради чего? Ради рая, ради того, что их ждет потом. Они проживают свои серые дни с надеждой, что там, на небе, их наградят за мучения на земле. Есть же люди, у которых мечта - это вполне реальная вещь или событие. Просто достижение этого требует времени. И время это они тратят, веря, что достигнут своей цели. Им не жалко принести в жертву жизнь или ее часть. К таким людям относился Борис. Он знал, чего хочет, и четко шел к этому. Но у Коли мечта была лишь «оправда-нием» жизни. Или, как говорят, «смыслом жизни». Ему мечта нужна была не для того, чтобы тратить на нее жизнь и чего-то ждать на небе или идти к мечте в будущее. Нет, его мечта была в настоящем. Если бы не мечта, то все эти драки и кровь, все стихи, вся жизнь потеряли бы смысл, все будущее исчезло бы - просто потому, что не стало бы настоящего. Они часто говорили с Колей на эту тему. Боря рассказывал, как бы он хотел умчаться от всего этого подальше. К звездам. Как бы ему хотелось подлететь поближе к солнцу. И найти в глубинах космоса свой мир, мир с его воздухом и солнцем. Коля всегда его внимательно выслушивал, где-то что-то добавляя, где-то просто высказывая свое мнение. Правда происходили и казусы. Борин учитель физики и астрономии, после того как узнал о его мечте, сказал, что это невозможно, что нет такого топлива, и еды не хватит. Также привел еще много аргументов и фактов. И сказал Боре, чтобы тот был реалистом, а не фантастом. Боря сначала молчал, а потом изрек: «Лучше быть счастливым фантастом, чем разочарованным в жизни реалистом». Когда Боря рассказал об этом Коле, то они долго спорили. Коля считал, что надо смотреть правде в глаза, а не искать спасения в воображении. Боря считал, что реальность слишком черна для человека. Дискуссия продолжалась очень долго - четыре часа - у стен пивзавода. Но ребята пили не пиво, а лимонад, и обсуждали этот вопрос. И только через четыре часа они поняли, что они совершенно разного мнения о реальности и о мире в целом. Сначала они долго смеялись, что умудрились не подражаться из-за своих убеждений, а потом скрепили дружбу литровой бутылкой лимонада «Буратино» и шоколадкой, написали на стене черным маркером: «Здесь было зверски убито время». Спокойное вступление на фортепьяно возвестило о начале композиции под названием «Дезертир». Потом жесткий ритм песни, короткий такт. Боря вспомнил, как они с Колей на пару сыграли два куплета из этой песни. Коля - на пианино, а Борис - на синтезаторе. В четыре руки на клавишах. Это было что-то. Потом они вместе старались подобрать ноты для синтезатора к «Мании Величия». «Силь-ная вещь», - так сказал Боря, когда впервые ее услышал. Коля только молча кивнул. Однако у них так ничего и не получилось. К сожалению. Тогда они решили написать свою сильную вещь. И засели за инструмент. Писали они в музыкальном зале. Мама у Бори там работала, а они там прибирались, им за это платили, полставки. Но после уборки они могли еще там потусоваться, так как рабочий мамин день еще не заканчивался. И вот тогда-то они и писали. Они хотели

написать что-то такое, не похожее ни на что, но все равно «сильное», некое «трах-тарарах» - как объяснил это Коля Бориной маме, когда она спросила, что они пытаются сотворить. Они закончили свое трах-тарарах. Но только оно получилось в двух вариантах. Дело в том, что как они по-разному воспринимали жизнь, так и писали по-разному. Коле было проще, он закончил музыкальную шко-лу, и у него дома стояло пианино. Они долго мучились, искали компромисс, но в конце концов решили сделать каждый свою версию. Это были их первые музыкаль-ные произведения, для Бори оно было и последним, а Коля продолжил писать му-зыку, и вскоре - по большей части - перешел со стихов на песни. Дезертир закончил свой путь в холодном снегу, в лесу. А Борины мысли за-кончили свой путь от толчка снизу. Самолет снова подбросило. Однако на этот раз он начал быстро терять высоту. Он откровенно падал вниз. И никто и ничто не могло удержать его падения. Среди пассажиров слышались крики, и началась паника. Однако голос стюардессы в микрофоне заставил всех снова занять свои места. «Дамы и господа, просим вас сохранять спокойствие, у самолета отказал еще один двигатель, удержать самолет на высоте не представляется возможным. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие и не покидайте своих мест. Наш пилот постарается совершить аварийную посадку.» Снова стал слышен шепот старушки, молящейся своему богу. Боря оглянулся. Все вокруг застыло. Это выглядело так, будто на триста восемьдесят шестой процессор установили «Diablo», и процессор вопреки всему пытается запустить игру. Она идет крайне медленно, почти стоит, но процессор все же старается. Мир замер. Однако мысли летели вперед так же быстро. Но Борис почему- то думал не о том, что надо вернуться на место или как- то спастись. Ни паники, ни суеты. Он лишь закрыл глаза.

Перед ним плыло солнце. Оно слепило глаза, он смотрел на него, и лучи па-дали на закрытые глаза. Они грели и прожигали его. В ушах было слышно пение птиц. Он открыл глаза, и что- то ему не понравилось, но что? Как, а где гори-зонт? Линия, отделяющая землю от неба, исчезла. Боря глянул под ноги и уви-дел, что стоит на земле. Затем он посмотрел вдаль, но там небо сливалось с небом. Линия, граница исчезла, и ничего не отделяло его от полета. Внезапно он почувствовал, как по телу разливаются лучи все того же солнца. Он слегка оттолкнулся и почувствовал, как его легко подхватил ветер. Он ничего не де-лал, он только раскинул руки в стороны и наслаждался тем, как по его лицу, по контуру всего его тела расплывался ветер. Он встречал его и окутывал его всей своей бесконечностью. Ветер, ветер... Тут Боря вспомнил про своего брата, мать, папу, Колю... Они остались там. Но Борис не собирался возвращаться. Ему было жаль, что их нет рядом. Еще больше ему было жаль, что он их больше не увидит, просто потому, что никогда, никогда уже не уйдет отсюда. Ему было жаль своих мать и отца. Он знал, что они его любят, а теперь его не будет рядом с ними. Ему было жаль, что они будут плакать, они будут думать, что он умер, а он... Он будет жив. Наконец ему было жаль своего брата, он с ним уже никогда не увидится. Они больше не поругаются, не поссорятся, не будут они больше собирать вместе «Lego» Ему было жаль Колю. Он остался там, где вечно дует ветер. Где он вечно дует в лицо и мешает идти. Боря вспомнил Колины слова:

«...врезаться лицом прямо в стену ветра, и лететь сквозь нее, не останавливаясь...».

Теперь-то он понял, почему Коля остается там. Ему не нужен был покой. Ему нужен был ветер, мешающий идти, дышать. Который, когда ты вдыхаешь, влетает тебе в рот и заполняет его настолько, что трудно выдохнуть. Все эти ощущения давала чукотская погода, пурга. Но Коля искал не этого ветра. Мир для него - это ветер. И каждый раз, когда Коля вдыхает, мир тут же проникает к нему в глотку и пытается заполнить его существо. Вся Калина жизнь - это Борьба с ветром. Боре было жаль Колю потому, что он знал, что однажды Коля уже не выдохнет. Коля сам говорил, что в борьбе с временем все терпят поражение. Боре было жаль... Он почувствовал, как в его сердце вдруг появилось пустое пространство.

Оно освободилось, после того как оттуда ушли его близкие, родные, Коля - все, что связывало его с миром. На его место пробралось какое-то ощущение легкости, и сердце

вместе с ним полетело вверх. Он не открывал глаза, он боялся снова увидеть этот мир. Но вдруг он ударился обо что-то твердое и тяже-лое, Он боялся открыть глаза, но все же открыл.

Он лежал в углу, перед ним был открытый люк, а рядом с ним стояла стюардесса и плакала, вернее редела, у нее была истерика, позади нее люди бились в агонии. Рамки стерлись, и общество превратилось в стадо. Это был уже не мир. Боря встал, и тут он почувствовал, как его потянуло вниз, он посмотрел на то, что творилось за рыдающей стюардессой... и ему не захотелось здесь оставаться. Он поддался течению. Что-то холодное тянуло его за собой и становилось все сильнее, норовило оторвать его часть. Борис закрыл глаза...

Удар, еще один, что-то сильно ударило ему в голову. Потом послышался гром, а сквозь него Боре послышался голос Николая: «...Там сильно тянет вниз... поддашься, и уже никогда не выберешься...». Он открыл глаза. Боря стоял на краю - рядом с ним, а в голове по-прежнему гремел гром. Ветер рвал его на части, он скользил к краю, мир по-прежнему был застывшим и еле двигался. Ему на руку упал луч, он почувствовал, как ее начало прожигать. Потом свет упал ему на лицо и покрыл все его тело. Он почувствовал, как в него во-шли лучи, как все освободившееся место в сердце заполнял свет. Внутри него разливался свет. Он понимал, как это здорово, он чувствовал это. Тепло, теть, много тепла. Того, чего ему так не хватало в жизни. Теперь это его переполняло. Боря подумал, - вернее эта мысль мелькнула в его голове очень быстро, - что он уже в раю. Но он открыл глаза, и увидел, как перед ним, раскинув в разные стороны лучи, висело солнце. То самое, которое он видел у себя в мире, то самое, что грело его в мечтах. Он понял, что это именно оно. Тут Боря по-нял, ради чего стоит жить, ради этого. Чтобы в один прекрасный день, миг, взглянуть в глаза смерти и, сказав ей «нет», на один миг, всего на пару мгновений увидеть солнце, по-настоящему увидеть, почувствовать тепло, свет, яркость. Ради этого момента - чтобы потом променять всю жизнь на пару секунд... Все встало на свои места. Все упорядочилось, он нашел ответы на все вопросы, он понял, зачем он жил, он четко понял, что ему надо. И даже гром в голове вылился в последовательность звуков и превратился в музыку. До боли знакомую и чем-то неразрывно связанную с солнцем. Музыка слилась с лучами, и от этого стало еще теплее. Внезапно он почувствовал, что его ноги уже на краю. В этот момент все замерло. Все вокруг умерло на секунду, которая растянулась на мгновения. Боря видел огромное солнце, все вокруг затихло, не мешая ему получать удовольствие. Весь мир подчинился ему и отступил перед ним и его мечтой. Миг, когда мир бессилен, этот миг торжества, ради которого живет Коля. Весь мир бессилен, в это мгновение мир лишь смотрит и молчит, он подчиняется той силе. Силе воли и мечты. Той силе, что даже в эти мгновенья не позволила Боре превратиться в одного из них, одного из стада. Мир был бессилен... Целый миг! Миг торжества - над всем, над серыми людьми, массой, всем миром, богом и вре-менем... одно мгновенье - цель всей жизни... Однако спустя мгновения мир снова ожил. И вот тогда, откуда-то из глубин мозга, из сознания, оттуда, где хранятся мечты, где мозг прячет самое сокровенное, вырвался голос, крик, крик всего его существа: «...Улететь бы птицей, прочь от проклятой земли. С небом чистым слиться...». И он толкнулся вверх, туда, откуда лился свет, туда, откуда приходило тепло. Туда, куда он стремился всю свою жизнь, туда, куда его звал гром, эта музыка и этот голос. Он не пошел туда, куда тянет смерть, вниз. Он снова бросил вызов всему его окружающему, он толкнулся вверх. Изо всех сил, что в нем были. Оттолкнулся от этого серого мира. Он протянул руки к солнцу, к свету впереди него. Пока он летел вверх, он чувствовал, как тепло жжет все внутри него, сжигает все его тело, оставляя лишь душу, которой давно хотелось вырваться наружу. Он летел вверх к солнцу, к звездам, туда, куда его звала его мечта, его голос, туда, в свой мир. И ничто не могло его остановить...

Его хоронили одного. В гордом одиночестве. Но не потому, что Боря был какой-то известной личностью или знаменитостью. Просто его тело - единственное, которое можно

было опознать и нормально похоронить. Все пассажиры сгорели, все кроме него. И кроме двух пилотов, которые выпрыгнули с парашютами. Причиной крушения была людская халатность. Однако мать это ничуть не утешало. Единственной отрадой ей было то, что Борино тело было целым и невредимым, лишь с парой синяков. Она плакала над ним, но ничего не могла поделать. Ее утешало лишь то, что она сможет ходить к нему на могилу и знать, что его похоронили как человека. Боря не много оставил после себя. Блокнот, который Боря всегда носил с собой, кассеты и листок с нотами.

В день, когда хоронили Борю, Коля вернулся домой. Он положил на полку блокнот, Барина мама сказала, что она плохо понимала поэзию своего сына, а Коля был его лучшим другом, и ему она понятнее, а значит и распорядится он ею умнее. Коля уже знал, что он сделает с этими стихами. Сегодня ночью он наберет их на компьютере, а завтра вечером он оформит сайт с Бориными стихами, поместит туда Борину музыку, ту самую, единственную. На главной страничке он поместит его фото. Но чего-то не хватало, чего-то еще. После всего проделанного Коля долго маялся, три дня ходил по улицам, мало ел, плохо спал. И делал лишь одно - играл Борину музыку, что-то вертелось у него в голове, но что? Однако вскоре Коля понял, чего не хватает. Над фотографией розовыми буквами было написано «...Улететь бы птицей прочь от проклятой земли, с небом чистым слиться, вот о чем мечтаешь Ты...». Коля много раз менял надписи и фразы, но оставил именно эту, просто потому, что она как-то подходила в данном случае. И после того как он ее туда поместил, у него на душе стало легче, это странное ощущение его покинуло. Он знал, что за несколько секунд до того как самолет рухнул, Боря выпрыгнул из него. Коля не мог сказать точно, почему, - это вряд ли кто-то теперь узнает, - но Коля знал, что самым большим объектом в Борином мире является солнце. Знал, что появилось оно там после этой песни. И знал, что его появление круто повернуло его жизнь, вернее он сам ее повернул, выбрав свой путь, один из тысячи. И он прошел его до конца, свой путь... путь к солнцу.